

И. М. ИОНЕНКО

НАМ ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

И. М. ИОНЕНКО

НАМ ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

(ЗАПИСКИ ШТАБНОГО ОФИЦЕРА)

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84 (2Р — Тат)-4
И 79

И : $\frac{0505030202-184}{М 132(03)-88}9-88$

Более 40 лет прошло с того майского дня, когда прогремели победные залпы над поверженной столицей фашистской Германии.

Участников Великой Отечественной войны, вернувшихся с полей сражений, все эти годы не покидала потребность исполнить нравственный долг перед павшими, внести свою капельку в океан народной памяти, сказать свое слово о войне. Такая духовная потребность стала основой невиданного по массовости патриотического движения ветеранов в нерасторжимом единстве с комсомолом. Мы, фронтовики, старались быть примером для молодого поколения.

Многочисленные мемуары военачальников, нараставший поток художественных произведений о Великой Отечественной, широкая публикация документов, а также исследований по истории минувшей войны — все это бесценный вклад в летопись народного подвига. И тем не менее, вспоминая частые встречи, просматривая записи и переписку за эти годы, убеждаюсь: среди однополчан нет-нет да и прорывалась тревога, сквозило сожаление по поводу некоторых опубликованных «несуразностей». Огорчал, например, субъективизм в оценке роли отдельных высокопоставленных лиц, а значит, и операций, в которых они участвовали. Встречаются, к сожалению, и фактические погрешности. Например, немало неточностей содержится в разных по жанру публикациях о боевых действиях на Курляндском полуострове, о событиях последних дней войны и полной ликвидации Курляндской группы армий.

В то же время трудно было понять, почему, к примеру, не оценено по достоинству смоленское сражение. Я, как и многие мои однополчане, полагал, что в ряду городов-героев Смоленск должен занять едва ли не первое место. Не раз мы говорили об этом в Институте военной истории Министерства обороны СССР, разумеется, в узком кругу друзей-фронтовиков. Обсуждали эту тему и в смоленской гостинице «Россия», когда в апреле 1971 года вместе с генералом П. А. Курочкиным и представителями Центрального телевидения прибыли в город для подготовки передачи

«Смоленское сражение». Но не положено было тогда касаться «такого уровня». Хотя про себя мы верили: недалеко то время, когда героические события лета 1941 года получат справедливую и полную оценку.

В дни 40-летия освобождения Смоленщины я возглавлял группу ветеранов в Велиже, затем был в Смоленске и видел нескрываемую радость горожан — 25 сентября 1983 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Ю. В. Андроповым, о награждении Смоленска орденом Ленина. Но в те же дни слышали и недоуменные вопросы: «Когда же Смоленску дадут Героя?» Такое время вскоре пришло. После апрельского Пленума (1985 г.) ЦК КПСС Смоленск стал городом-героем.

Долгие годы мы не расставались с надеждой дожить до настоящей гласности во всем, включая историографию всенародного подвига 1941—1945 годов. Теперь и это время настало. Политбюро ЦК КПСС поддержало предложение об издании десяти томного труда «Великая Отечественная война советского народа»¹. Работа над ним началась. Исследователи обязательно займутся сбором рукописей и других материалов, еще находящихся в личных архивах и в Советах и комитетах ветеранов войны. Надеюсь, книга, которую вы, читатель, держите в руках, послужит подспорьем в этой работе.

Не сразу я взялся за написание мемуаров, хотя уже в конце 1945 года мне довелось выступить с воспоминаниями, посвященными героизму воинов 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии (она сформирована осенью 1941 года в Казани и ее окрестностях). Было это на собрании фронтовиков и сотрудников Государственного музея ТАССР. В том же году по просьбе генерала Долгова, начальника штаба военного округа, я прочел для офицеров штаба две лекции о боях на Курляндском полуострове в 1944—1945 годах и ликвидации группы армий «Курляндия» («Север»).

Готовя публикацию для «Литературной газеты» — памфлет «Вспомните, генерал Ферч»², я изучил разнообразные материалы и свой дневник, написал военно-исторический очерк.

Все это — отметины на трудном пути к цели, которая манила, но не раз отдалялась по разным обстоятельствам.

Лишь в начале 70-х годов мне удалось активно взяться

---

¹ Правда. 1987, 15 августа.

² Литературная газета. 1963, 23 февраля.

за написание книги. О ее необходимости свидетельствовали письма ветеранов войны, проживающих в Москве, Ленинграде, других городах. Отложились также записи бесед во время многократных встреч с однополчанами в Казани, Москве, Ленинграде, Нелидове, Велиже, Смоленске, Витебске, Клайпеде... Кроме того, память историка-профессионала всегда связана с датировкой, местом и обстоятельствами, определявшими особенности тех или иных событий прошлого. Впрочем, полагаться только на память, спустя десятилетия, — неосмотрительно да и, пожалуй, невозможно. В личном архиве бережно храню разнообразные записи и зарисовки военных лет, копии некоторых документов, фронтовые газеты, письма, обширную послевоенную переписку с сослуживцами, их воспоминания, фотографии и другие материалы. Всего насчитывается более тысячи единиц хранения. Многие из них сослужили добрую службу в моей работе над книгой. Так, письма помогли уточнить датировку, воссоздать настроения людей, детали быта и другие приметы фронтовых будней.

Помимо прочего, на протяжении последних двадцати лет ко мне, как научному руководителю аспирантов и студентов, защищавших дипломные работы по истории, поступали копии материалов из архива Министерства обороны СССР, касавшиеся боевого пути соединений, которые формировались в Приволжском военном округе и, прежде всего, в Татарии, а также боевого пути 4-й Ударной армии и работы отдела по обобщению опыта и истории военных действий в штабах 2-го Прибалтийского и Курляндского направлений Ленинградского фронта¹.

Нельзя не согласиться с участником войны, ныне выдающимся историком, академиком А. М. Самсоновым: «Прошлое и в воспоминаниях (особенно, историка) должно оставаться таким, каким оно было в действительности². Поэтому в первую очередь меня интересовало душевное состояние людей и лишь потом сама «технология» боевых действий. К этому располагал также характер моей службы. Всю войну, исключая полтора первых ее года, мне пришлось работать в качестве «летописца» — историка военных действий. Это предопределило довольно солидную

---

¹ Имеются в виду шесть кандидатских диссертаций и более десяти дипломных работ, подготовка к изданию книг: «Во имя Отчизны», «В боях и походах», «Казанский университет в годы Великой Отечественной войны».

² Самсонов А. М. Война вблизи (заметки историка). — История СССР. 1983, № 3, с. 72.

осведомленность, обширный круг встреч с командирами и политработниками разных уровней, вплоть до начальников политотделов и крупных штабов, членов Военных Советов и даже командармов.

По указанию Генерального штаба Красной Армии, лица, которым вменялось в обязанность ведение «Журналов боевых действий» и описание отдельных операций, были в известном смысле автономны. В их задачу входило писать обо всем, не обходя и острые вопросы, связанные с престижем того или иного начальника. В книге рассказывается о боевых буднях офицеров штабов: дивизии, армии и фронта. Это были в большинстве своем представители народной интеллигенции, которая сформировалась незадолго до второй мировой войны. И в год коренного перелома на войне бывшие «запасники» преобладали в управлениях и штабах. Это не могло не сказаться на характере отношений в коллективах. Служба в штабах и управлениях, как говорили многие, была более «легкой», нежели на переднем крае — в батальонах, батареях, дивизионах и полках. Однако и нам, по крайней мере раз в месяц, приходилось выезжать на несколько дней на передовую. Безвозвратных потерь в штабах, конечно, было несравненно меньше, чем на передовой. Отличались и бытовые условия.

Кроме того, офицеры штабов и служб управлений не так часто оказывались в чрезвычайных ситуациях, требующих проявления мужества, личной храбрости. Однако хорошо разработанная операция, контроль за исполнением приказов и распоряжений командования, оперативное, толковое обобщение опыта боев и доведение его до подразделений — все это тоже сказывалось на результатах больших и малых операций и, прежде всего, уберегло войска от лишних потерь в живой силе и технике.

Бывший начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал-полковник Леонид Михайлович Сандалов так оценил роль штабников: «Труд людей, которые несли свою службу в штабах, большей частью малозаметен, о его сущности и особенностях знали на войне в полном объеме лишь немногие. Однако этот труд был необходимой составной частью тех усилий, которые наравне с делами военачальников и главных тружеников войны — солдат.

Это наполняет сердца бывших работников фронтовых и любых других штабов гордостью и удовлетворением тем, что сделано ими в годы войны»¹.

---

¹ Сандалов Л. М. После перелома.— М.: Воениздат, 1983, с. 239.

Любой, кто побывал на ней, помнит и знает, что такое страх смерти. Теперь мы нередко испытываем приливы другого чувства — «страха забвения». Печаль не оставляет нас ни на минуту. Уходят из жизни ветераны войны, все меньше остается свидетелей нашей великой Победы. Время неумолимо. И только память стоит в бессменном карауле на страже былого.

Чтобы память не стирали годы, необходимо напоминать молодым о подвиге их отцов, провести их дорогами этого подвига. Мне посчастливилось быть одним из организаторов и научных консультантов «Снежного десанта» Казанского государственного университета. Каждый раз, встречая студентов, вернувшихся из очередного похода по местам боев Великой Отечественной, слушая их рассказы, видя возбужденные лица, понимал: надо скорее завершить воспоминания. И вот работа позади. Теперь отдаю ее на ваш суд, читатель.

Трудно перечислить всех, кто помогал мне в работе. Приношу глубокую благодарность генералам Ю. З. Новикову, В. М. Седову, Н. И. Шеховцеву, М. Л. Дударенко, полковникам В. М. Португалову, Б. Г. Соловьеву, Д. Л. Малинскому, М. Г. Вилинову, С. А. Тагирову и многим другим однополчанам. Неоднократные, хотя и короткие встречи с бывшими командующими армиями и фронтами — маршалами А. И. Еременко, И. Х. Баграмяном, генералами армии П. А. Курочкиным и В. В. Курасовым, генерал-полковниками Н. М. Хлебниковым и С. С. Бельченко, генералом М. В. Рудаковым утверждали во мне решимость довести дело до конца.

С особым чувством признательности называю своих учеников, кандидатов исторических наук А. К. Айнутдинова, Г. М. Дюрягина, А. А. Иванова, В. А. Попова, В. Ф. Телишева, М. Т. Хардина.

Выражаю признательность моему другу, участнику Великой Отечественной войны, профессору, доктору исторических наук З. И. Гильманову за многолетнюю поддержку и помощь.

От всей души благодарю жену и друга Ольгу Владимировну Меньшикову-Ионенко за постоянную помощь в сборе материалов, их обработке и подготовке рукописи к публикации.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Новогодняя ночь 1941 года выдалась в Казани на редкость морозной. Вдобавок дул сильный ветер, и снег, поднимавшийся вихрем, жег лицо до колючей боли. Улицы были пустынные, из-за сугробов замерли трамваи. С трудом прошагав расстояние от Кольца до второго здания педагогического института, что у трампарка, я очутился, наконец, в тепле. У меня как заместителя декана была приятная миссия — открыть новогодний студенческий бал. И вот речь произнесена. Загремела музыка, закружились в вальсе пары. Мог ли кто-нибудь тогда подумать, что впереди всего полгода мирной жизни?

Последние два месяца перед войной были для меня временем напряженной работы. К тому же в мае я был призван на лагерный сбор. Наспех сдав дела по деканату Мансуру Абдрахманову, отправился в Ягодинские казармы, где располагался 208-й полк 18-й дивизии. А через несколько дней наш третий батальон убыл в лагерь. Там собралось около трехсот запасников. Обучали нас кадровые офицеры.

Истекло время сборов, но по домам никого не отпускали, и мы не знали почему. Правда, еженедельно комиссар полка отпускал меня в город для чтения лекций в вечернем университете марксизма-ленинизма. Так как занятия проходили за городом, в клубе имени Урицкого, мне разрешалось ночевать дома. Там, общаясь с тестем, который работал на заводе, я узнавал последние новости. Они вызывали тревогу. Неужели будет война?

Наконец, 17 июня, спустя несколько дней после инспекции комбрига Ковалева из Наркомата обороны, всех командиров — кадровых и запаса — собрали в березовой рощице за лагерной линейкой и построили в каре. Поляна была оцеплена патрулями. Мы понимали: произойдет нечто важное. Вскоре прибыли командир дивизии, комиссар и начальник штаба. Нам объявили о передислокации на Украину для участия в маневрах. При этом было сказано, что

командиры запаса задерживаются на неопределенное время и следуют со своими батальонами.

В последующие дни шла подготовка эшелонов. Отпуска и свидания с родными в районе лагеря запрещались. Трудно было политрукам убедить нас, что переброска дивизии никак не связана с приближением военного столкновения с фашистской Германией. Отношение к Договору 1939 года о ненападении было неоднозначным. Не случайно генерал И. И. Людников в книге «Дорога длиною в жизнь» пишет: в середине июня 1941 года «...самые горячие заверения, что идем на учения, не могли утешить матерей и жен. Предчувствие близкой беды не обмануло. Прощаясь с женой и сынишкой, я почти не сомневался, что ухожу на войну».

Наш 208-й стрелковый полк, которым командовал участник гражданской войны полковник Нурминский, вышел из лагерей около восьми утра в воскресенье 22 июня. Мы не знали еще о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. Но вот в лугах за озером Дальний Кабан показался всадник, скакавший со стороны города. Он спрыгнул около головы колонны и что-то доложил командиру полка. Последовала команда «стой!», батальоны выстроились четырехугольником. В тревожной тишине прозвучал сильный, взволнованный голос командира. Он сообщил о нападении гитлеровской Германии на СССР. Остаток пути до вокзала прошли молча. Никто не подавал команд, но люди шли слаженно, незаметно убыстряя шаг.

На привокзальной площади был сооружен забор из свежего теса: погрузка шла скрытно. В почтово-пассажирские вагоны старого образца складывались уставы, брошюры, мишени, учебное оружие, другое имущество, необходимое в лагере и вовсе не нужное на войне.

Пока шла погрузка, трудно было понять настроение людей. Они сосредоточенно делали то, что им полагалось. И только когда эшелон тронулся, все столпились у окон вагонов, чаще обычного курили и, пока уходила вдаль панорама кремля, молчали. Спало нервное напряжение, пошли разные разговоры, в которых обнаруживались и затаенная тревога, и неотступное ожидание серьезных перемен.

Следующей ночью наш состав обогнул Москву и к полудню 24 июня остановился на полустанке где-то под Вязьмой. Полковник Нурминский предложил провести стрельбы из пистолета «ТТ». Мы израсходовали почти все патроны, стреляя по консервным банкам или наскоро сделанным из бумаги мишеням.

Ночью проехали Смоленск, а утром 26 июня стало ясно,

что эшелон следует не на Украину, а в Белоруссию. Лишь в Могилеве во время обеда мы пережили первые минуты реальной опасности. Фашистская авиация бомбила город и район вокзала. Налет начался в момент, когда казанцы делились хлебом и кашей с первыми беженцами из Белоруссии. В глазах матерей уже можно было видеть недоумение и страх перед внезапностью неумолимой войны. После бомбежки наш эшелон был выведен за город, а затем повернул на север. Ночью мы прибыли в Оршу.

Разгрузка шла несколько часов. Наш третий батальон под командованием капитана Филиппова расположился в еловом лесу. Тем временем над городом кружились немецкие самолеты. Некоторые из них пролетали так низко, что мы видели летчиков. Их наглость вызвала беспорядочную стрельбу из винтовок и даже пистолетов. Не сразу капитану удалось ее остановить и пристыдить своих необстрелянных командиров. Вскоре наш полк совершил марш в район загородных балок, неподалеку от Орши.

Стояли жаркие, почти безветренные дни. Бойцы в свободные минуты загорали, пели песни под трехрядку. Тогда же мы увидели первого фрица. Это был диверсант, одетый в красноармейскую форму — сбросили на парашюте. Его отнесло ветром в район больницы, и немец опустился прямо на частокол, поранив ногу. Почти все командиры побывали в больнице, чтобы посмотреть на него.

Как-то над ржаным полем недалеко от нашего расположения завязался воздушный поединок немецкого «мессера» и нашего истребителя. Схватка была короткой, но впечатляющей. Вражеский самолет оказался подбитым и уткнулся в землю среди высокой ржи. Когда сотни бойцов бежали к нему, произвел посадку наш летчик. В расстегнутой куртке, с пистолетом в руке он спешил к подбитой машине, откуда выбирался немецкий летчик. Мы окружили его раньше, чем подбежал наш герой. Оказалось, что на «Мессершмитте-109» летала девушка лет восемнадцати. Она пожелала видеть, кто ее сбил, тут же самонадеянно заявила, что бомбила Париж и Лондон, считалась асом.

Этот необычный эпизод мы живо обсуждали, еще не представляя, какие испытания придется пережить из-за превосходства военной техники противника.

Вскоре Орша подверглась массированному удару фашистской авиации. Кроме того, приближались танковые соединения противника. Упорные бои шли в районе Борисова. Первая мотострелковая пролетарская дивизия с исключительным героизмом сдерживала напор основных сил

группы армий «Центр». По всему было видно, что настает и наш черед постоять за землю русскую, заслонить грудью Смоленск — древний страж Москвы. Выполнив распоряжение командования 20-й армии Западного направления, 18-я Казанская дивизия заняла оборону по левому берегу Днепра почти от Орши до Копыся¹.

Как ни странно, первым раненым в нашем полку оказался его командир, полковник Нурминский, исполнявший обязанности командира дивизии, так как полковник Свиридов еще находился где-то между Казанью и Оршей. Ранение было легким, с перевязанной головой Нурминский появился в расположении нашего третьего батальона. Комбат созвал короткое совещание. На нем вместе с комвзводом Пивоваровым присутствовал и я, его дублер. Обсуждались насущные вопросы организации обороны по Днепру. Было приказано отрывать одиночные окопчики с брустверами и «печурками» внутри для хранения бутылок с горючей смесью и гранат. Все наши личные документы мы собрали в чемодан ротной повозки. Каждый из нас получил черный пластмассовый медальон. В него вкладывался клочок бумаги с именем и домашним адресом. Затем медальон зашивался в специальный брючный карманчик.

Было начало июля, когда в расположении полка появились раненые, переправлявшиеся с правого берега Днепра. Они рассказывали об ожесточенных боях под Борисовом и о приближении противника к Орше. Тяжело было слушать такие вести. Оказался среди раненых и боец, который вел пораженческие разговоры и передавал содержание фашистских листовок. Старший сержант Ибрагимов из нашего взвода рассказал о нем в своем отделении. Это стало известно в штабе полка. Выяснилось, что у задержанного «бойца» никакого ранения нет, а рука забинтована окровавленной марлей и подвязана на шею. Подстрекателя немедленно увезли в особый отдел дивизии, а Ибрагимова привели в штаб полка. Дознание приказали провести мне. После беседы я убедился в отсутствии у сержанта какого-то умысла. Тем не менее роте объявили, что вину он должен искупить в бою. Этот эпизод мобилизующе подействовал на бойцов и командиров, поднял их бдительность. Вспоминается еще один случай, который также приближал наше сознание к боевым ситуациям. В первых числах июля капитану Филиппову, комбату, было приказано провести раз-

---

¹ См.: Казанцев Ю. В. 18-я дивизия.— Казань: Татарское кн. изд-во, 1968.

ведку правого берега. Группа из 30 разведчиков установила, что на железнодорожной станции в 6—7 километрах от Днепра появилось подразделение противника, по-видимому, мотобатальон. В бой разведчики не вступали. Наши наблюдатели заметили их перебежки в полосе до полутора километров и приняли за фашистов. Неизвестно, кто первый сказал, что наступают немцы. Но тут же в одной из рот открыли огонь из пулеметов, винтовок, а потом несколько выстрелов сделала батарея 45-миллиметровых пушек. Помню, как капитан Филиппов бежал вдоль берега с группой командиров и во весь голос кричал: «Прекратить стрельбу!» К счастью, никто из наших не был ранен. Стреляли с большой дистанции и, в общем, плохо. На собрании комсостава батальона этот эпизод обсуждался очень резко. Кое-кто обвинял запасников. Возможно, были для этого основания, но, думаю, не стоило все сваливать на нас: опыта военных действий не хватало у всех.

Противник особенно не беспокоил. И каждый день в подразделениях шли занятия по боевой подготовке, проводились политинформации. Пришлось и мне в своей роте выступать. Рассказал о борьбе с тевтонами в XIII—XV веках, потому что многие просили об этом еще в Казани.

Беспокойная ночь наступила 9 июля. На флангах мы видели зарево пожарищ, доносился глухой гул артиллерийской стрельбы.

Вскоре нас потрясла гибель полковника Нурминского. Если первое его ранение было легким, то спустя дня четыре на шоссе в районе деревни Екатериновка случилось непоправимое. Полковник с адъютантом лейтенантом Кравцовым мчались на «эмке» через заболоченную вырубку, когда над дорогой появился самолет противника. Открытая полоса шоссе и вырубка по его сторонам позволяли врагу преследовать и обстреливать прямой наводкой. Одна из очередей попала в кабину. Полковник погиб, лейтенант Кравцов был тяжело ранен. После гибели Нурминского полком командовал майор Трунов.

Мы еще не знали, что танковые корпуса генерала Гота 9 июля захватили Витебск и предприняли стремительный бросок в обход Смоленска, а дивизии Гудериана вышли к Днепру.

К вечеру 10 июля меня вызвали в штаб полка и в присутствии комбата, капитана Филиппова, приказали принять отдельный усиленный взвод. В него входили более полусотни бойцов, сержантов и командиров, расчет двух 45-миллиметровых орудий, несколько пулеметов «ДС». Подразделе-

ние должно было обеспечивать оборону стыка между 208-м и 316-м полками. А это расстояние около семи километров вдоль Днепра.

Прошли сутки. Слева все еще пламенело зарево, слышался шум боя. И справа от нас раздавалась стрельба. На следующий день вражеские самолеты на бреющем полете обстреляли наши окопы. Было ясно, что противник на этом не успокоится. И действительно, после полудня со станции в направлении к Днепру двинулся мотобатальон гитлеровцев. Все огневые средства мы привели в готовность, а также усилили наблюдение. Минут через 10—15 фашисты ворвались в деревню Вазовая, стали сгонять население к какому-то зданию.

Наблюдатели доложили мне, что из деревни к реке бежит человек, прячась в зарослях камыша и лозы. Двое добровольцев из моего взвода быстро сбежали вниз, столкнули на воду резиновую лодку и поплыли. Пока лодка пристала к берегу, мы привели в полную готовность огневые средства. Бойцы скрылись в лозняке, и через несколько минут мы услышали: «Товарищ командир, что с ним делать?!» Пришлось крикнуть: «Везите сюда!» Перед нами оказался мужчина лет сорока. Он не скрывал своего испуга и растерянности. Бойцы тщательно обыскали его, нашли партийный билет и документ со склада НКО № 386. Там мужчина работал. В деревне у него осталась большая семья, и он был уверен, что один из его личных врагов, еще со времени организации колхоза, выдаст семью фашистам. Они, по его словам, появились совершенно неожиданно. Еще накануне колхозники ездили на станцию, и там никого не было. Поговаривали якобы, что немцев вообще в этой местности пока не будет.

Вопреки этому настроению, мы решили с наступлением темноты переправить мужчину на тот берег, чтобы он организовал там партизанскую группу и переправил колхозный скот на нашу сторону. В свою очередь, обещали открыть огонь по деревне, зажечь один из домов в центре, вызвать панику и помочь таким образом уйти в лес тем, кто готов сразу начать борьбу с фашистами. Так и было сделано. Как только лодка возвратилась и ребята поднялись в окопы, я приказал открыть огонь. Несколько обойм с разрывными, зажигательными пулями подожгли большой дом. Ответного огня, если не считать нескольких мин, разорвавшихся вдоль берега, не было. Мы прекратили огонь. Наблюдатели вскоре сообщили, что мотоциклисты, оставив деревню, отправились на станцию.

Нас же беспокоила неопределенность положения. Связь с левым соседом — 316-м полком — установить не удалось. Посланные еще до темноты связные в штаб нашего 208-го полка не возвратились. Словом, надо было принимать какое-то решение. В ночь на 12 июля я вторично послал связных и разведчиков в сторону соседнего полка. Уже приближался рассвет, а они не возвращались. Опять неизвестность. Сообща решили скрытно отойти к сменившему позиции батальону. Оставив группу в пять человек для прикрытия, мы по лесу вышли к Могилевскому шоссе.

Начинал брезжить рассвет, когда нам удалось догнать на шоссе полковую батарею. Никто не мог толком объяснить, почему полк оставил Бибиничи и направился в сторону Копыся, но командиры догадывались, что впереди тяжелый встречный бой. Лишь много лет спустя А. И. Еременко написал, что 10 июля на фронте в 37 километрах против 18, 53 и 110-й дивизий противник сосредоточил 450 танков, между тем как в распоряжении нашего командования на этом участке не было ни одного¹.

Комбат Филиппов обрадовался, увидев нас живыми и невредимыми. После сытного завтрака бойцы уснули. Сон был коротким и тяжелым. Около четырех часов утра рота заняла исходное положение на опушке сосняка. Командиры, в числе которых был и я, расположились вокруг могучей сосны, чтобы обсудить задачу, поставленную комбатом. Противник тем временем вел методический минометный обстрел. Появились самолеты с крестами. На бреющем полете они облетали район сосредоточения полка. И вдруг какая-то дьявольская сила оторвала меня от земли... Когда пришел в себя, то увидел лежавшего навзничь ротного Алешу Аверьянова и раненого командира взвода Пивоварова. Рядом разорвалась мина. За четверть часа до атаки мы лишились командира роты. Комбат приказал политруку Василию Поськову и мне вести роту в бой. Мы обошли взводы, коротко побеседовали с командирами отделений. Задача казалась как будто ясной — стремительным броском преодолеть долину речки, затем рассредоточиться отделениями и подползти к шоссе. Нам уже было известно, что мост на случай прорыва фашистских танков в сторону Орши заминирован. И вот сигнал к наступлению. Мы быстро преодолели долину, вышли на клеверное поле и закрепились.

---

¹ См.: Еременко А. И. На Западном направлении.— М.: Воениздат, 1959.

Стоило приблизиться к шоссе, как рота оказалась под пулеметным и автоматным огнем: фрицы вели огонь с высоких елей. Справа слышу стон. Тяжело ранило в ногу сержанта Ибрагимова, но он успевает показать мне, откуда стреляют. Действительно, в метрах ста пятидесяти на дерево забрался фриц. Я тут же сделал десяток выстрелов из винтовки «СВТ». К моей радости, вражина свалился.

Политрук Поськов передал: «Поднимай бойцов и стремительно преодолевай шоссе!» И сам первым, поднявшись в рост, побежал вперед с криком «За Родину!». Мы тоже, крича, вскакиваем, и вся рота оказывается в кювете. Теперь остается сделать рывок на ту сторону шоссе и пробежать по пахоте, вынуждая немцев на рукопашный бой или на отход к Днепру. Но слева, из будки,—шквал пулеметного огня. Кричу сержанту Степину, командиру ротных минометов: «Подави будку!» Проходят секунды — вокруг будки разрывы, и вот строение загорелось. Молодец, Степин! Не подвел земляк.

Ждать больше нельзя. Поськов с левого фланга командует: «Вперед по одному». Я передаю команду и наблюдаю, как перебегают бойцы. В общем, удачно. Следом и мы, командиры. Благополучно падаю в кювет, за мною бежит Поськов. И вдруг оглушительный взрыв. Едва он рассеялся, смотрю на шоссе: у кювета несколько раненых, а Поськову раздробило голову. Он лежал, устремившись вперед. Прощай, боевой товарищ, ты честно выполнил свой долг.

Мысли смешались. Ясно одно: во что бы то ни стало надо добежать до фашистов и навязать им рукопашную. «Вперед за Родину! Ура!» — с криками мы бежим по пахоте, вот уже немцы рядом. Еще несколько усилий. Бросаю взгляд по сторонам. Бегущих десятка три. Только успел упасть возле большого пня, как раздался взрыв. Я потерял сознание.

...Когда пришел в себя, уши будто ватой заложило. Огляделся. Вокруг лежат боевые товарищи. Пополз на шоссе, и тут опять едва не поплатился жизнью. Оказывается, неподалеку дорожное полотно переходили немцы. Заметив меня, один из них дал очередь из автомата. Наступило затишье... Трудно сказать, сколько оно длилось. Очнулся я с ясным сознанием, что в великом долгу перед теми ребятами, что легли у Могилевского шоссе.

...Вокруг никого. С трудом переполз в кювет, а потом и под мост. Холодная вода лесной речушки оказалась чудодейственной. Но едва выбрался из-под моста, как опять

впал в забытие. Большая потеря крови и контузия, а до этого бессонные ночи на Днепре, дали себя знать.

Придя в себя, оглядел наш исходный рубеж. Хорошо просматривалась заболоченная пойма речки и лес. Там еще продолжался бой. И какова же была моя радость, когда увидел идущего навстречу старшего лейтенанта из Казани¹. Он заметил меня, раненого, и спешил помочь. Скорей снял сапог с моей ноги. Она была окровавлена, но перевязать рану не было времени. Ковыляя, мы отошли в глубь леса, а затем добрались до деревеньки. Там оказался сборный пункт раненых. Они ждали отправки. Первым, кого я увидел, был парторг нашего полка, старший политрук. Опираясь на палку, бледный, осунувшийся, он подошел ко мне. Что-то говорил, спрашивал, но в голове у меня стоял такой шум, что я ничего не расслышал. Понял только одну фразу: «Здесь задерживаться опасно». Тем временем раненые поднялись кому-то навстречу. Я повернулся и вскрикнул: «Степин!» Да, на нас шел сержант. Под мышкой правой руки он держал ствол миномета, левая рука его по локоть была оторвана, а нижняя челюсть раздроблена. Степин узнал меня, но, покачнувшись, упал. Встать он уже не смог. Смертельно раненный, сержант не оставил оружия врагу, а пронес его, истекая кровью, наверное, не менее километра. Этот подвиг заставил нас забыть собственную боль.

Спустя месяц, находясь в одном из пензенских госпиталей, я написал о мужестве Степина заметку, она вышла во фронтовой газете. Писали мы с парторгом из госпиталя об этом подвиге и в штаб 20-й армии, просили наградить сержанта посмертно. Однако в те дни письмо могло затеряться в пути, да и 20-я армия вела бои в окружении. Рассказал я о героизме сержанта и в передаче альманаха «Подвиг» по Центральному телевидению 23 апреля 1971 года. Обращаясь к телезрителям, я сказал тогда: «Какой же силой духа, каким высоким сознанием долга надо было обладать, чтобы при таком ранении не забыть о спасении оружия... Склоняю голову перед памятью боевых товарищей, героев тех начальных дней Смоленского сражения и горжусь, что был с ними рядом».

Во второй половине дня 12 июля нас, раненых командиров и бойцов, отправили в деревеньку, оставленную населением. Лишь несколько стариков и старух, заметили мы, ожидая красноармейские фургоны. Подходили к нам бой-

---

¹ К сожалению, память не сохранила его имени. Запомнил лишь то, что жил он в Казани на улице Баумана, напротив Госбанка.

цы 1-й Московской пролетарской дивизии. После ожесточенных боев в районе Борисова и на Днепровском правобережье они теперь переправлялись через реку. Раненые с любопытством слушали ребят в черных комбинезонах. Они казались нам настоящими героями. Кто знал, что на завтра наша дивизия, а вместе с ней и разрозненные подразделения прославленной Московской дивизии окажутся в полном окружении.

Вероятно, было около семи вечера, когда подошли санитарные двуколки и мы тронулись в путь. По дороге вспомнил, что здесь, на Смоленщине, мать, отец, сестра и трое братьев. Один брат уже воевал. К началу войны он был на действительной службе в составе 27-й Армии и находился на границе Литвы с Восточной Пруссией. Как сложится их судьба?

Ехали долго. Медсанбата не нашли. На том месте, где он должен быть, увидели следы бомбежки. Куда дальше? Кто-то предложил ехать до Горок: там должен быть армейский госпиталь. Заночевали в лесу. Короткий, кошмарный сон. Боль не утихала. Люди мгновенно просыпались и так же быстро впадали в забытие. Возница, молодой красноармеец, оставленный часовым, дремал, обняв винтовку. Хотелось пить и есть.

В путь тронулись с утренней зарей и вскоре выехали на шоссе. Где-то справа, недалеко, шли бои, а со стороны Орши звуки боя не доносились. Как быть? Ехать в направлении, откуда слышится канонада или пробираться на Дубровно, от которого до Смоленска рукой подать? Свернуть все-таки решено было направо, в Горки. Не проехали мы и двух километров по шоссе, как навстречу нам попала машина медицинской службы. На подножке ее стоял военный врач. Когда машина резко остановилась, мы услышали: «Товарищи! В Горках фашисты. Поезжайте на Дубровно». В тот момент, а было утро 13 июля, мы поняли, что наша дивизия оказалась в окружении.

Раненых и тех, кто их сопровождал, охватила тревога. Стало ясно, что в любую минуту мы можем столкнуться с фашистами.

Где-то на полпути к Дубровно над нами пролетел большой самолет «Дорнье-17» и сбросил листовки. Мы попросили красноармейца принести одну. Возвращался он, недоумевая: «Товарищи, портрет Сталина!» Мы насторожились: действительно, на одной стороне листовки была знакомая всем фотография Сталина, а на другой — его речь, обращение к народу от 3 июля 1941 года на немецком языке.

«Что бы это значило?» — задумались мы. Либо наш летчик вел захваченный у немцев самолет, либо антифашисты начали борьбу внутри гитлеровских войск. Во всяком случае, нас эта листовка обрадовала.

Дорога между тем шла в город. Вскоре взору открылось ржаное поле. Справа от него, судя по столбам пыли, с большой скоростью следовала какая-то колонна. Спустя два часа мы узнали, что это проходил в тыл нашей дивизии мотобатальон противника. Тогда же мы предполагали обратное.

Был жаркий июльский день. Раненые изнемогали от жажды, теряли силы, с трудом преодолевали боль. Никто из них еще не получил медицинской помощи, а она становилась крайне необходимой. Приморились и лошади на жаре. Их тоже надо было накормить и напоить. Все понимали: главное — это добраться засветло до Красного, к своим. По мере того как таяли силы, росло чувство тревоги остаться в окружении. Все напряженно думали и молчали. Неожиданно кто-то заметил клубы пыли, удивительно быстро перемещавшиеся в нашу сторону. Нас догоняли на машинах. Парторг взял команду на себя. Повозки повернули в рожь. Раненые и возницы приготовились принять последний, как думал про себя каждый, бой. Вот уже слышен гул мотора. Крытая машина останавливается, и перед нами в черном комбинезоне свой... Какое счастье! Оказалось, это машина технической помощи. Она следует к танку «КВ», который нуждается в скором ремонте. Если удастся привести его в боевое состояние, тогда Дубровно продержится. Там обороняется рота. При въезде в районный центр по обочинам дороги — два станковых пулемета. Все это мы узнали от командира машины техпомощи. Он пожелал нам благополучно добраться до Дубровно и обещал сообщить там, что вскоре подойдут повозки с ранеными из 18-й Казанской дивизии.

Не прошло и часа, как мы увидели танк «КВ», рядом машину технической помощи. Трудно передать нашу радость. Танк «КВ» в те первые дни войны являлся как бы символом того высокого потенциала, которым обладала социалистическая индустрия. Танков было мало, но мы верили, что в недалеком будущем на фронте появятся сотни и тысячи наших боевых машин, и обнаглевший враг испытает еще их мощь так же, как все мы верили, что и в небе скоро станут господствовать наши самолеты.

Остановились повозки у здания райисполкома, где размещался комендант, он же начальник маленького гарнизо-

на. Когда нам помогли войти в помещение, там было несколько командиров, а старший лейтенант разговаривал по телефону. Он кричал, употребляя самые крепкие ругательства. Оказывается, разговор шел с каким-то немецким майором, который предлагал немедленно оставить Дубовно.

На улице стояли в полной готовности несколько наших «полуторок». В двух-трех машинах уже находились раненые. Кто-то попросил нас накормить. Старший лейтенант немедленно распорядился, и нам принесли в ведрах, кастрюлях творог, сметану и молоко, а потом и хлеб. Можно себе представить, как нам повезло. А главное, старший лейтенант согласился погрузить нас в автомашину. Так, мы, около двадцати раненых из 208-го полка, были переброшены на пароме в Красное.

Когда подъехали к Днепру, на станции пылали сотни цистерн и вагонов. Немецкая авиация наносила здесь удар за ударом. Чудом мы уцелели на переправе. Когда наша автомашина, несколько подвод и еще десяток гражданских лиц перебирались на ту сторону реки, из-за леса на бреющем полете появилось несколько самолетов. Они дважды сбросили бомбы на паром и обстреляли скопление машин и подвод на берегах Днепра. Вокруг кипела вода, но прямого попадания в паром, к счастью, не произошло.

Шофер искусно провел машину через станцию Красное, и мы оказались в лесу, а затем нас определили на ночлег в церкви. Она была в полном убранстве. Горели лампы, пахло воском и ладаном. На каменном полу, постанывая, лежали сотни раненых. Мы, помогая друг другу, нашли свободные места и определились на ночлег. Явь путалась со сновидениями в короткую июльскую ночь. Стоны раненых прерывали тревожный сон. Изредка, неведомо с какой стороны доносился гул разрывов. Война приближалась к Смоленску, городу моих предков и тревожной юности.

На рассвете нас подняли санитары и погрузили в машины. До десятка «полуторок» направились лесной дорогой на шоссе. В сторону Смоленска шли сотни машин в два-три ряда. Утром в этом районе развернулся воздушный бой. С обеих сторон в смоленском небе носились сотни машин. Впервые мы увидели столько наших самолетов в бою.

Мы продолжали путь. В Гоеоновке помочь нам отказались и с ходу направили в совхоз имени В. М. Молотова, где располагался полевой госпиталь. С трудом мы нашли горячее, и когда свернули с шоссе в совхоз, то госпиталя там не оказалось. Видны были следы бомбежки на месте

его расположения. Стало известно, что госпиталь передвинулся в город Ярцево.

По дороге туда бросилось в глаза обилие автомашин, повозок и пешеходов, двигавшихся в противоположном направлении. Было ясно, что прорыв в район Смоленска фашистских войск со стороны Витебска и Шклова — Копыся вызывал некоторую дезорганизацию, и наше командование в тыловой полосе фронта еще не успело навести должный порядок. Радовало другое — движение машин в сторону Смоленска с бойцами и боеприпасами.

В Ярцево прибыли утром. На верхней террасе, рядом с больницей, скопилось десятка два машин с ранеными. Здесь мы могли позавтракать, а главное — получить медицинскую помощь. Но едва закончилась разгрузка машин и раненые расположились на зеленой лужайке, как появились самолеты противника. Несколько машин на малой высоте прошли над нами. Вскоре со стороны больницы к нам подбежал военврач и сообщил, что в городе высаживается вражеский десант. А нам надлежит немедленно следовать на Дорогобуж. Это известие было ошеломляющим. Люди теряли самообладание. Измученные, ослабшие, они старались скорее оказаться в машинах. Кто-то наступил мне на рану, и я потерял сознание. Пришел в себя где-то на выезде из леса. Кузов подбрасывало и качало так, что трудно было сдерживать боль. За деревьями открылись дали полей. Но тут машина остановилась. Что такое? Шофер сообщил: кончилось горючее. Мимо нас одна за другой проходили «полуторки» с ранеными. Что же делать? Парторг полка предложил разместить всех раненых у дороги, а мне вместе с ним задержать первую попавшуюся машину. Только у нас были пистолеты «ТТ».

Когда увидели приближавшийся автомобиль, мы встали посреди дороги, опираясь друг на друга, и подняли руки с оружием. Вот уже ясно видно, что на нас несется голубой автобус. Затормозил он в нескольких шагах от нас. Первым вышел солидный мужчина средних лет, похоже южанин. «Чья машина? Кто вы?» — почти прокричал парторг.

Оказалось, в автобусе находилась семья сотрудника Ярцевского горсовета. Его теща, жена и дочь тоже вышли из машины. Их обступили раненые. А мы, заглянув в автобус, тут же распорядились: выбросить все имущество за исключением ковра, одеял и подушек и бочки с бензином. Хозяин, отрекомендовавшийся заместителем председателя горсовета, молчал, женщины что-то говорили, шофер же выполнял приказание. На обочине дороги оказался домаш-

ний скарб, посуда, самовар и даже металлическое корыто. Вид наш был страшен, и уговаривать нас было делом безнадёжным.

В автобусе разместилось больше двадцати человек вместе с семьей. В изнуряющей тесноте и духоте мы добрались до Вязьмы. Вдруг кто-то из раненых заметил, что сзади автобуса один за другим снижаются немецкие транспортные самолеты, и от них отделяются едва уловимые для глаза темные точки! Фашисты выбрасывали десант. Нам опять «повезло». Но как прорваться в Вязьму? С трудом удалось нашему автобусу преодолеть забитый машинами въезд. Едва он, обогнув первые каменные дома Дорогобужа, повернул налево, как внезапно появившийся вражеский самолет сбросил бомбы. Нас основательно встряхнуло и обсыпало битым кирпичом. В автобус ворвалась пыль и едкий запах гари. Но мы продолжали путь и вскоре преодолели по деревянному настилу заболоченную старую пойму, за которой остановились на отдых в небольшом лесу.

Впереди была Вязьма, позади просторы Смоленщины, объятые пламенем войны. Мы убеждали друг друга, что сюда фашистов не пустят, хотя у каждого была острая тревога.

В Вязьму прибыли в послеобеденное время. В молодом сквере рядом со станцией в ожидании эвакуации располагались, наверное, сотни две-три раненых. Мы поблагодарили хозяина автобуса, принесли извинения и не преминули спросить, куда «счастливая» семья проследует дальше. Нам ответили, что пока она будет добираться к своим родственникам в Москву... Не знаю, как у других, но у меня эти люди не вызывали ни малейшего сочувствия.

Наша группа разместилась на чахлой выжженной солнцем траве. Медицинские работники раздали каждому раненому квадратик плотной бумаги с буквой, наспех выведенной фиолетовыми чернилами, было три литеры: «Л», «С», «Т». Они определяли степень ранения: легкое, среднее, тяжелое. Я получил «С». Началась погрузка в эшелон. Унесли на носилках тяжелораненых, затем всех со средней степенью ранения. Легкораненых в вагоны не пустили.

Ночью эшелон ушел из Вязьмы в Тулу. Окна в вагонах были тщательно задрапированы. Внутри тускло горел свет. Нас хорошо покормили, кое-кому наложили повязки. Появились папиросы и махорка. Только в Туле сняли маскировку, и мы в полной мере ощутили себя в глубоком тылу. На следующий день около полудня наш эшелон подошел

ж Пензе. Над городом было безоблачное голубое небо, стояла жара. Лето в средней полосе России было в самом разгаре.

Так закончилась моя служба в 18-й дивизии. В конце лета 1941 года ее полки и подразделения мужественно сражались в окружении на территории Краснинского района Смоленщины¹.

...Эшелон с ранеными подходил к Пензенскому вокзалу тихо. Едва вагоны остановились, к каждому выходу устремились десятки людей. Меня, как и других, буквально вынесли на руках девушки и проводили в здание вокзала, где были столы, уставленные кружками с простоквашей, сметаной и молоком. Нас поразили искренность, душевная теплота и забота встречавших. Мы всматривались в их лица, и на душе становилось радостно. Нас привезли в школу, оборудованную под госпиталь. Там оказали необходимую помощь. Многие находились в тяжелом состоянии, но опытный хирург действовал решительно и смело, активно применяя мазь Вишневского, которая оказалась спасительной для многих и особенно для меня.

В приемной я попросил старшую сестру сохранить мою каску и пистолет «ТТ». На каске справа и слева была сбита пулями краска, а сверху осталась вмятина. Это были следы автоматной очереди почти в упор на Могилевском шоссе 12 июля. К сожалению, при отъезде из госпиталя не удалось разыскать каску, как не удалось получить и личное оружие.

Мы с парторгом оказались в 13-й палате. Это была обычная классная комната, где стояло больше десяти коек. Недалеко от меня лежал полковник, участник гражданской войны, как он отрекомендовался — артиллерийский начальник из 4-й пограничной армии, штаб которой располагался недалеко от Брестской крепости, в районе Каргуз — Береза. Напротив у окна лежал кадровый лейтенант, командир танка «КВ». Он горел в машине, но, по счастливой случайности, выбрался. Голова его была забинтована.

Газеты в палату доставлялись регулярно. Из них мы узнали о невиданном патриотическом подъеме в стране. Как можно было оставаться равнодушным! В начале августа я написал в Казань: «Сегодня внес в фонд обороны 60 рублей. Местная пензенская газета сообщает, что ряд граждан вносит не только двухдневный заработок, но и ценные вещи.

---

¹ См.: Казанцев Ю. В. 18-я дивизия. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1968.

Все это свидетельствует о том, что народ хочет скорее и победоносно закончить войну».

Многим из нас, в том числе и мне, делали переливание крови. Донорами были по преимуществу пензенские девушки — заводчане и сотрудники учреждений, они не только сдавали кровь, но и ухаживали за ранеными, приносили подарки, стирали, гладили и штопали наши одежду и белье. Девушки смотрели на нас такими восхищенными глазами, будто перед ними находились не просто, а исключительно герои. Конечно сказывался романтический порыв первых месяцев войны, когда люди в глубоком тылу еще не обвыклись, не осознали того, что война затянется, что напряженный труд и недостатки станут будничным делом и что обычный в условиях войны станет приток раненых. Но наш эшелон был первым.

Сводки с фронтов заставляли мучительно думать. Разговоры между больными становились все более оживленными. Проявлялись характеры. Полковник-артиллерист оказался разговорчивым. Рассказывал он о первом дне войны на границе, о той неразберихе, которая у них творилась с обеспечением огневых точек снарядами, об отходе и окружении. Видимо, он сам был в чем-то виноват и стремился, может быть, не замечая того, рисовать ситуацию так, чтобы оправдать в чем-то себя.

Был еще один артиллерист — лейтенант. Он знал «субординацию» и больше говорил о довоенном прошлом. А вот обгоревший лейтенант-танкист все время втягивал нас в разговор о девушках, о том, что надо завести знакомство, чтобы, когда врачи разрешат выходить, было с кем побывать в парке и в кино. Но это был только треп. Сам лейтенант оказался серьезным человеком. Однажды мы были с ним в палате вдвоем и говорили о танках. Выяснилось, что лейтенант мечтал и верил: скоро появятся тысячи наших «КВ» и пойдут целые армады советских танков, а мы (то есть пехота) будем идти за танками, добывать фрицев и освобождать родную землю, временно захваченную врагом.

Ребята просили меня рассказывать о героической истории нашего народа. Это были беседы, состоявшие из вопросов и ответов. О чем только не приходилось говорить! Об Александре Невском и Василии Чапаеве, о Дмитрие Пожарском и Семене Буденном, о войне 1812 года и декабристах, о царях и еще больше о царицах...

Как-то на исходе августа пригласил меня заместитель начальника госпиталя по политчасти и сообщил, что поруч-

чает прочитать лекцию по истории. Вдвоем с танкистом нам разрешили сходить в город, в библиотеку имени В. Г. Белинского.

Опираясь на самодельную, украшенную резьбой трость,— подарок «шефов», я отправился готовиться к выступлению. Мой спутник остался в городском саду, а я решил отдохнуть в сквере. Вскоре ко мне подсел подполковник войск внутренней охраны и спросил: «Не фронтовик ли младший лейтенант?» Мы разговорились. На все вопросы я отвечал искренне, и это, видимо, располагало к откровению. Подполковник рассказал, что является заместителем по политчасти отдела НКВД. Эвакуирован из Москвы в Пензу, размещал семьи сотрудников. Сам начальник пока в Москве. Эти сведения взволновали меня. Мелькнула мысль: а вдруг среди эвакуированных родственники моей жены? Александра Георгиевна Ненилина из Свияжска была родной сестрой моей тещи, а ее муж, Петр Васильевич Харлампиев, старый чекист, работал в органах с 1918 года и уже много лет в московском аппарате НКВД.

Мы закурили. Я поинтересовался, не знает ли подполковник полковника Харлампиева? Мой собеседник резко повернулся и, пристально глядя на меня, спросил, откуда мне известна эта фамилия. Я рассказал о наших родственниках, по-видимому, так убедительно, что подполковник приятно улыбнувшись, ловко пододвинулся ко мне и сказал: «Да ведь я с ним работаю. А Александра Георгиевна живет в этом доме». (Он показал на второй этаж белого, вытянутого под прямым углом к Московской улице дома).

Я так был взволнован и обрадован, что забыл поблагодарить собеседника и поспешил к тете Шуре.

Увидев меня, Александра Георгиевна всплеснула руками: «Почему ты здесь? Неужели ранен?» Мы обнялись. Я увидел в ее глазах слезы. Оказалось, недавно из Москвы привезли письмо от племянницы Лели, моей жены, которая с тревогой сообщала, что я воюю где-то за Смоленском. Но город уже захвачен врагом. И вот все, наконец, прояснилось.

Во время лечения я получил десятка полтора писем из Казани. Декан исторического факультета КГПИ Рафиков писал о патриотических делах студентов и преподавателей, о том, что на факультете горды за своих фронтовиков, и все желают скорейшего выздоровления и возвращения в строй. В письмах жены рассказывалось о перестройке жизни на военный лад, о нашем малыше, который уже начал понимать, что «папа бьет фашистов».

Переписка с казанцами до боли обострила потребность хотя бы самой кратковременной встречи. И когда была сформирована группа командиров для отправки в отдел кадров Приволжского военного округа, у меня появилась надежда на возможный заезд в Казань.

Старшим нашей команды являлся лейтенант-танкист. Когда в его полевой сумке оказался пакет, запечатанный сургучом, и мы прибыли на вокзал, лейтенант представил нам полную свободу действий. Лишь через двое суток мы должны были явиться в кассовый зал, а там действовать по обстановке. Всех это как бы устраивало, но для меня казалось непонятным. Пришлось подчиниться большинству.

Собрались все вовремя. И все же решили отложить выезд из Пензы еще на сутки. Так затянулось прощание с гостеприимным городом и не менее радушными «шефами» палаты № 13. Мне, «запаснику», казалось тогда, что ребята совершают преступление и что надо немедленно явиться на место. Но в последующем, вспоминая Пензу, я совсем по-иному понимал лейтенанта-танкиста. Вероятно, он имел более трезвый и реальный взгляд на войну и учитывал, что в нашей «команде» были холостяки.

...Поезд подходил к Ульяновску вечером. В памяти всплывали сведения о прошлом родины В. И. Ленина. Самые яркие и значительные данные были связаны с крестьянской войной Степана Разина. Вот где-то здесь, совсем рядом, штурмовали Симбирскую крепость руководимые им повстанцы.

Все мы слышали о знаменитой Симбирской гимназии, в которой учился Ленин. Вспомнился историк Н. Карамзин и писатель И. Гончаров. Еще будучи студентом исторического факультета в Ленинграде, я запомнил мудрые слова Карамзина: «Обращение с книгами prepares к обращению с людьми».

От военного коменданта мы узнали, что отдел кадров Приволжского военного округа расположен в бывшей Симбирской гимназии, но уже поздно, и нет смысла идти туда до утра.

Мы долго любовались Волгой и бескрайними просторами Заволжья в час заката. Было решено скоротать ночь в сквере, у памятника Карамзину. Здесь мы поужинали и на садовых скамьях немного поспали.

Около 9 часов утра команда явилась к зданию бывшей гимназии. Вскоре нас пригласили к полковнику. Разговор со мной он начал с вопроса: как давно я работаю в Казанском педагогическом институте, где служил и был ранен.

Оказалось, что полковник знал о 18-й дивизии и что в ближайшее время в Казани будет формироваться новое соединение. «Направляю вас туда», — сказал он в заключение. Трое из нашей команды получили назначение в Казань: двое на должности командиров рот, а мне предлагалась должность помощника начальника 4-го отделения штаба дивизии.

Вечером мы с трудом попали на пароход и к концу следующего дня были в Казани. Величественно несла свои воды красавица Волга. Кажется, ничто не напоминало о войне.

Наше появление на улице Солнечной было неожиданным. Соседи бурно выражали радость и любопытство. А когда открылась дверь моей квартиры, была горячая и шумная встреча с родными. Рассказы за чаем затянулись до полуночи... Наутро мы отправились в военную комендатуру. Никто там не знал команды № 334. Не могли мы разыскать ее и с помощью военных, изредка попадававшихся на улицах. В гарнизонной столовой нам посоветовали поехать в лагерь. Легко сказать — «поехать». Лишь к исходу дня нам удалось туда добраться и разыскать дежурного.

Он не сразу дал нам ответ, наводил справки и, наконец, указав в направлении крестьянской избы, сказал, что 334-я команда располагается там. Так мы оказались в числе первых командиров 334-й стрелковой дивизии, которая сформировалась в Казани и ее окрестностях осенью 1941 года.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

Прошло несколько дней. У нас уже сложился коллектив, в котором лидером был капитан Петр Никитович Илюхин, танкист, побывавший в боях. Меня он определил своим помощником по приему командиров и оформлению штабных документов.

Как-то в середине сентября капитана пригласили в штаб бригады. Все мы с нетерпением ждали его возвращения. И когда он явился с бумагами, все сразу поняли: произошло что-то значительное. Капитан объявил о получении приказа на новую «дислокацию». Нам предстояло переехать в город на улицу Миславского, в здание штаба и управления 18-й Казанской стрелковой дивизии¹.

---

¹ Благодаря усилиям советов ветеранов, в 70-х годах на здании бывшего штаба по улице Миславского установлены памятные доски, посвященные 18-й и 334-й дивизиям.

Переезд в Казань резко изменил обстановку. Со второй половины сентября изо дня в день возрастал приток командиров, политработников, интендантов. Мобилизованные запасники являлись одиночками и группами. В то же время стали прибывать молодые командиры из Хабаровского, Владивостокского и других военных училищ, а затем начальник штаба дивизии майор Ю. З. Новиков, командир дивизии, полковник Н. М. Мищенко, начальник политотдела, батальонный комиссар В. Я. Москвин и полковой комиссар Ф. Л. Уваров.

Формированием штаба занимался прежде всего майор Новиков, кадровый офицер, окончивший Академию имени М. В. Фрунзе. Он сразу привлек к себе внимание высокой культурой поведения, обращения с подчиненными, распорядительностью и энергией. Были созданы все отделы и службы управления.

Несколько позже сформировался политотдел. Вместе с Москвиным там работали посланцы Татарской областной организации ВКП(б) — Рахматуллин, Анисимов, Григорьев, Курбанов, Иванов, Митрофанов, Корнилов, Соловьев и другие.

В отличие от других дивизий, формировавшихся позднее в Татарии, наша дивизия создавалась при особенно большой поддержке и внимании со стороны городских партийных организаций, исполкомов Советов, предприятий и учреждений Казани. Огромную помощь оказывал Совнарком республики. Новое соединение формировалось в крайне сжатые сроки, как и все соединения, которые предназначались для контрнаступления Красной Армии под Москвой.

Наш молодой штаб работал с большим напряжением. Часто приходилось ночевать на работе, но каждый понимал особую ответственность и старался делать все необходимое.

Большинство офицеров штаба и политработников были казанцами. Приезжие размещались в военной гостинице на улице Баумана и по частным квартирам. Казанский военторг организовал хорошее питание.

Начался выпуск дивизионной газеты «Вперед». Ее редактором был Бари Курбанов — журналист, сотрудник республиканской газеты. Однажды он попросил меня написать статью о разгроме немецких «псов-рыцарей» в далеком прошлом. Я выполнил просьбу и в газете появился материал о «Ледовом побоище» и Грюнвальдской битве 1410 года.

В один из октябрьских дней к нам в 4-е отделение явился политрук П. Г. Корнилов, до войны студент историческо-

го факультета и секретарь партийного бюро педагогического института. Мы, обрадованные встречей, поделились рассказами: я о боях под Оршей, он — о делах в нашем институте. Многие из преподавателей и студентов уже были мобилизованы. На историческом факультете преподавали видные ученые, эвакуированные в составе учреждений Академии наук СССР в Казань, среди них мой учитель академик Б. Д. Греков.

Как-то раз дежурный по штабу сообщил, что во дворе меня ожидает группа молодых людей. Это были выпускники 19-й средней школы имени В. Г. Белинского, мои ученики в 1939—1941 годах. Галя Благовещенская и Юра Кревер спрашивали и говорили больше других. Оказалось, что немало ребят и девушек уже ушли на фронт добровольцами, в их числе Галина Андреева, одна из лучших воспитанниц школы. Меня радовало настроение ребят, их любопытство, страстное желание побольше узнать: «А как там на войне?» Спустя несколько месяцев у нас наладилась переписка.

Затем в штаб пришла с детьми жена политрука Василия Поськова, павшего смертью героя в бою под Оршей. Она узнала, что вернулся командир из того полка, в котором служил ее муж. Трудно передать словами то, что увидел я в ее глазах. Она держала ребят за руки, и взгляд ее выражал предчувствие непоправимой утраты. Казалось, эта женщина знала, что на моих глазах пал ее муж. Нелегко было говорить неправду. И вряд ли я успокоил ее, сказав, что политрук воюет, что дивизия попала в окружение.

И еще одна встреча заставила вновь пережить гибель полковника Нурминского в июле 1941 года — встреча с его женой и трехлетней дочерью...

Мой непосредственный начальник — интендант 3-го ранга Вагин — был человеком мягким и покладистым. Обычное армейское делопроизводство он знал, бумаги составлялись и подшивались им аккуратно, но живой инициативы было мало. Это не могло не сказаться на работе. Видимо, поэтому начальник штаба нередко вызывал меня и давал поручения. Во-первых, я входил в курс дела, во-вторых, складывались хорошие, доверительные отношения.

Начальник политотдела Москвин был частым гостем нашего отделения и любил, как говорят, «присматриваться» к людям. Его заместителем являлся бывший директор Казанского сельскохозяйственного института, батальонный комиссар Анисимов. Типичный «цивильный», он почему-то напоминал мне земского агронома. Быстро и близко сошлись мы с Калмыковым. Всегда удивляло, как это у про-

курора проявлялось «нежное» отношение к товарищам, постоянная потребность разговаривать на разные темы и готовность в любую минуту помочь и поддержать других. Он и во время боев был лучшим другом 4-го отделения штаба и после войны, вплоть до смерти Ивана Ивановича, мы сохраняли самые добрые отношения. Словом, люди были разные, но объединяло всех святое чувство любви к Родине и готовность защищать ее до конца.

В первые дни ноября нам не хватало до штатного комплекта около пяти тысяч человек рядового и сержантского состава. По-видимому, обстановка торопила, и мы не могли больше ждать пополнения в Татарии. Накануне Октябрьского праздника командование дивизии получило приказ о немедленной переброске личного состава и имущества в 61-ю Армию генерала Пуркаева, которая дислоцировалась в Горьковской области.

Погрузка штаба и служб управления была назначена на 8 ноября. Весь день накануне мы прощались с родными и друзьями. Люди знали о речи Сталина на параде в Москве и не скрывали доброго настроения.

К исходу 9 ноября мы доехали до станции Семенов. Оттуда совершали пеший марш. На несколько километров растянулись наши подразделения и повозки. Часто мы пропускали машины, отходя на обочины проселочной, изрядно побитой дороги. О том, что будет дальше, знали мало. Но главное угадывалось. Предстояло получить рядовой и сержантский состав из Гороховецких лагерей, распределить по частям и провести, насколько позволит обстановка, боевую и политическую подготовку.

Районный центр Ковернино привлек внимание добротными деревянными постройками дореволюционного времени. Для штаба был освобожден дом в два этажа, принадлежавший исполкому районного Совета.

Наша работа начиналась в девять утра, а завершалась в полночь. Мы оформляли списки, готовили данные об изменениях численного состава за день.

Однажды майор Новиков сообщил, что вечером в клубе будет совещание во главе с командармом. Говорил генерал Пуркаев свободно, четко и ясно, резко поворачивая голову, бросал фразы не только в первые ряды, но по всему слабо освещенному залу. При одном из характерных взмахов головы у генерала упало пенсне и разбилось. Это его не смутило. Командарм продолжал рассказ о положении под Москвой, о значении стратегических резервов, об общих задачах войск, прикрывающих Горький, о героических тра-

дициях народа и Красной Армии. Все, о чем шла речь, утверждало веру в Победу. Вторая часть речи касалась нашего соединения. Генерал говорил о конкретных задачах на завершающем этапе формирования, о боевой и политической подготовке. Было указано на недостатки и промахи, названы лица, ответственные за их устранение. Генерал оставил у всех, кто его слушал в тот вечер, самое благоприятное впечатление.

На высоком эмоциональном уровне проходила встреча трудящихся Ковернинского района с нашими воинами. Дивизии было вручено Красное знамя от трудящихся района. С ответным словом выступал комиссар дивизии Федор Леонтьевич Уваров. Его речь была пламенной и яркой. Подумалось: с таким страстным убеждением в правоте нашей борьбы и в неотвратимости Победы обращались к солдатам прославленные комиссары гражданской. Сотни людей бурно аплодировали комиссару, а перед ними он раскрылся как настоящий большевик.

В те же дни в Ковернино прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. С его посещением нашей дивизии связана одна из многих историй, облеченных в форму легенды о популярном полководце гражданской войны. «История», о которой пойдет речь, стала известна от командира Сызранского коммунистического батальона. По его рассказу, где-то на последнем переходе от Семенова в Ковернино батальон обогнала легковая автомашина и внезапно остановилась в нескольких десятках метров впереди головной колонны. Пока из машины выбирались двое неизвестных комбату лиц, первые шеренги подошли вплотную к машине. «Что за часть, куда следует?» — задал вопрос один из неизвестных, одетый в кожаное пальто с меховым воротником, в шапке-ушанке. Дело было на исходе ноябрьского дня, моросило, видимость ограниченная, комбат не разглядел у незнакомцев никаких знаков различия. Его ответ был кратким: «Идет, куда положено. Называть место не имею права». Сразу последовал второй вопрос: «Почему люди понурые? Почему растянулись взводá?» Комбат окинул взором шеренгу, уходившую в туман, и повернулся, чтобы ответить. Тут-то он узнал Ворошилова, весь сжался, взял под козырек и на едином дыхании выпалил: «Виноват, товарищ Маршал Советского Союза! А бойцы устали. Неопытные. Полученный на трое суток сухой паек за сутки съели».

Ворошилов подозревал комбата, и все трое отошли от колонны за машину. «Вот что, комбат,— начал Климент Еф-

ремович,— тут в шести верстах богатый колхоз, а его председатель воевал со мной в гражданскую. Веди батальон к нему и передай: Ворошилов просил накормить бойцов. А в Ковернино входи с песней, в настоящем строю».

Была кромешная тьма, когда батальон втянулся в деревню. Лаяли собаки, и лишь в нескольких домах тускло светились окна. Бойцы вымокли, хотели есть и спать.

Председателя нашли сразу же и, как только ему передали просьбу Ворошилова,— начались распоряжения. Вызывались члены правления и бригадиры. Комбат, по указанию председателя, выделил взвод и старшину, они принялись работать на ферме. Зарезали бычка и несколько баранов. Пока разделявали туши, женщины с бойцами мыли котлы и разводили огонь.

После сытного ужина и хорошего отдыха батальон утром прибыл в Ковернино. Хорошо помню, как в помещение нашего штаба донеслась песня, а потом и стук сапог по булыжной мостовой. Мы выбежали на улицу и были приятно удивлены: на улице по команде «смирно» уже стояло несколько сот воинов. Через два-три часа комбат явился в наше отделение оформлять довольствие и поведал «историю» о встрече с Ворошиловым.

Для меня она получила неожиданное продолжение. Маршал Ворошилов и его помощник в чине комбрига оставались в здании нашего штаба. В тот день дежурным по штабу был я, поэтому мне поручили обратиться к комбригу и выяснить, не следует ли приготовить что-либо к ужину. Хорошо помню, с каким волнением поднимался по скрипучей лестнице на второй этаж и как робел у двери. Она не сразу открылась. Вышел комбриг, и я довольно бойко объяснил ему цель визита. Сначала помощник сказал, что у них все есть, еще не иссякли запасы из Москвы, а потом заметил: «Вот разве что сварить картошку в мундире. Климент Ефремович обожает свежую в мундире. Впрочем, я сейчас спрошу». Дверь закрылась. Я оставался в предельном волнении. Наконец, комбриг вышел и сказал: «Сварите котелок картошки». Ответив: «Есть!»,— я отправился на поиски начальника АХЧ Чарского. Поручение его взволновало, и без лишних слов он отправился к поварам в соседний дом. Около семи вечера Чарский доложил: «Картофель готов». Оказалось, сварили большой котел картошки. Начальник АХЧ явно перестарался, но все это было от чистого сердца. Позднее, во время боев, мы часто над ним подтрунивали: «Расскажи, Иван Максимович, как ты Ворошилову картошку варил».

На следующий день маршал с командованием дивизии заехали в 908-й артполк. Сделав ряд замечаний и советов, высокие гости уехали. Майор Новиков говорил нам, что маршал нашел нашу дивизию подготовленной к выполнению боевых заданий.

Через несколько дней мы оставили Ковернино. Получив пополнение из Гороховецких лагерей, дивизия стала полноценной.

В Москву мы прибыли в конце ноября 1941 года. На въездах в город бросались в глаза надолбы из рельсов, противотанковые рвы. Следов бомбежки мы не видели, но следствия ПВО были заметны по всему городу.

Район Архангельского парка — место предварительного сосредоточения дивизии. Как только командование 24-й Армии определило нашу боевую задачу, дивизия продвинулась к реке Пахре, а штаб и управление разместились в Троицком. Мы оказались во втором эшелоне и готовились к участию в контрнаступлении Красной Армии под Москвой.

В первые два дня наше отделение явно не справлялось со своими задачами. Оказалось трудным делом подготовить более или менее точные данные по боевому и численному составу, собрать своевременно сведения о количестве людей, лошадей, потому что многие были на подходе.

В те дни мы стали свидетелями последних, но тщетных усилий немецкой авиации прорваться в небо над Москвой. Проекторная служба, аэростаты заграждения и мощные кольца зенитной артиллерии действовали так, что фашисты либо находили здесь гибель, либо поспешно уходили назад. Во всем чувствовалось: совсем недалек тот день, когда на врага обрушится возмездие.

Невозможно забыть начало контрнаступления. Хотя главный удар наносился в стороне от нас, гул артиллерийской канонады доносился довольно ясно, а полыхание огня было видно даже днем.

Политработники по несколько раз в день в коротких информациях сообщали о ходе Московской битвы. Во всех частях и спецподразделениях дивизии принималась присяга на виду древней Москвы. Этот священный для каждого акт проходил на предельном накале чувств и эмоций.

Кажется, вечером 17 декабря нам стало известно, что дивизии предстоит передислокация в новый район.

Под покровом темноты в направлении к Калинин ушли сотни машин. Глубокой ночью наша колонна втянулась в горящий на окраинах Клин. Бои шли совсем рядом.

А на следующий день мы уже были в пригородах Калинин-на. Фашистов выбили из города 18 декабря.

Этот исключительный по напряжению марш осложнялся тем, что одновременно в дороге находилось несколько частей и соединений. В пути бойцы и командиры увидели следы зверств фашистской армии. Картины разрушенного и поруганного Подмосковья вызвали ненависть и готовность к бою.

19—20 декабря дивизия продолжала марш. Где-то в районе Торжка нам стало известно, что мы входим в полосу 27-й Армии Северо-Западного фронта.

Никто из нас, конечно, не знал о том, что по директиве Ставки в те дни началось формирование 4-й Ударной армии, в которую вошли 249-я дивизия генерала Тарасова из 27-й Армии¹, и новые, сформированные в Оренбурге 360-я, Бузулуке — 358-я, Казани — 334-я и Иваново-Вознесенске — 332-я стрелковые дивизии. Не знали мы и о том, что непосредственным продолжением Московской битвы готовилась крупнейшая в зиму 1942 года Торопецкая операция.

Сосредоточение нашей дивизии проходило сравнительно спокойно, хотя самолеты противника появлялись ежедневно, иногда обстреливая наши войска. Трудные минуты пришлось пережить в Торжке. В момент, когда наша колонна переходила мост, три самолета противника на бреющем полете сбросили несколько бомб. Одна из них разорвалась довольно близко от моста, и воздушной волной сбросило несколько человек, в том числе и меня. К счастью, это было вблизи от берега, и мы отделались легкими ушибами.

Торжок запомнился старинной, прежде всего церквями и соборами. Из этого городка дорога тянулась на озеро Волго. Мы приехали с берегов великой Волги, чтобы очистить оскверненные врагом ее истоки. Много дум рождали картины седого Валдая. Хотелось как-то выразить их, поделиться с товарищами. И при каждом удобном случае я рассказывал людям об этом крае. Мои сослуживцы по штабу, особенно политработники, называли меня «пропагандистом героических традиций».

Зима 1941—42 годов была на редкость морозной и снежной. Однажды в штабе обсуждались суровые походные условия. И как кстати было напоминание, что еще Кутузов говорил своим солдатам: «Вам ли бояться морозов, дети севера?» Тем более наши воины были одеты в добротные по-

---

¹Дивизия генерала Тарасова была затем преобразована в 16-ю Гвардейскую.

лушубки, валенки, казанские шапки-ушанки, меховые жилеты. Все это помогало сохранять здоровье в наскоро построенных шалашах, под покровом леса.

Штаб дивизии временно разместился в Ананьево на берегу озера Волго. Большим событием явился приезд к нам командующего новой 4-й Ударной армии генерал-полковника Андрея Ивановича Еременко. Немногие знали, что наш командарм — участник гражданской войны, воевал против Краснова под Царицыном в 1918 году и с тех пор немало сделал для Красной Армии. Еременко побывал в частях, ознакомился с организацией боевой подготовки. Дивизия полковника Мищенко была признана вполне боеспособной, и командарм предложил при разработке Торопецкой операции поставить дивизию на особенно ответственный участок прорыва долговременной обороны противника.

Приведу некоторые данные о составе дивизии к началу Торопецкой операции. Всего в дивизии числилось 11 826 воинов, что соответствовало штатному расписанию. Но в соотношении между числом командиров и бойцов наблюдались некоторые отклонения. Так, командиров было 837 человек (84 процента по штату), сержантов — 1 568 (94 процента), бойцов 9 942 (104 процента). Из личного состава дивизии уроженцы Татарии составляли около трети. Значительным было число коммунистов и комсомольцев. По социальному происхождению личный состав характеризовался абсолютным большинством колхозников.

Наступил Новый, 1942 год. 31 декабря я писал в Казань: «Ровно год назад открывал Новогодний бал студентов в великолепном зале Казанского пединститута. А 1942-й встречаем среди лесов овечьего седой древностью Валдая. Вокруг разрывы снарядов и гул самолетов. Мысленно переносусь к родным и друзьям в Казань. Слышу их голоса, вижу улыбающиеся лица. В голове — мелодии «Героической...» Бородина и 5-ой — Чайковского». Первые дни нового года были крайне напряженными. Части дивизии усиленно готовились к боям. Проводилась непрерывная рекогносцировка вдоль берега озера Волго.

Кандидатами в члены ВКП(б) приняли накануне наступления сотни бойцов и командиров дивизии.

Было рассмотрено и мое заявление. Требовалось фото на кандидатскую карточку. Однако фотограф политотдела явно не успевал. Снимать днем мешали налеты вражеской авиации. Слегка пострадал и я. Когда же пришел к фотографу, то возникло сомнение, а можно ли на партийный

документ фотографироваться с марлевым бинтом на голове? Мне объяснили: можно.

Вручали партдокументы в торжественной обстановке. Начальник политотдела Москвин произносил напутственную речь. 20 января я с гордостью писал домой: «Принят в партию. В кармане гимнастерки самый дорогой для меня документ... Кандидатскую карточку вручили в момент страшного обстрела и бомбежки. Фото в ней примечательное: голова и половина лица забинтованы».

В ДНИ ТОРОПЕЦКОЙ ОПЕРАЦИИ

Вечером 31 декабря 1941 года к нам прибыл офицер оперативного отдела штаба 4-й Ударной армии и вручил командиру дивизии пакет с распоряжением — подготовиться к наступлению 8—9 января.

Необходимо было подтянуть артиллерию на исходные позиции, а глубина снежного покрова достигала полутора метров. Несмотря на морозы, болота под таким покровом снега еще не успели промерзнуть, дорог, по сути, не было. Их прокладывал для себя каждый батальон и полк. Потому часть артиллерийских средств к 9 января на позиции не выдвинулись.

Главный удар войска 4-й Ударной наносили в направлении Пено — Андреаполь — Торопец. После овладения Торопцом продолжалось наступление на Велиж и Демидов Смоленской области.

Нашей дивизии была поставлена сложная задача. Она наступала на левом, по существу, открытом фланге армии. И уже после первого этапа армейской операции оказывалась оторванной от главных сил, выполняя двуединую задачу: прикрыть армию слева и сосредоточиться для последующего удара на поселок Нелидово.

Утром 9 января наши войска перешли в наступление. 148 орудий взорвали тревожную тишину над озером Волго. Ожили леса на его живописных берегах. Сотни тонн металла обрушились на опорные пункты врага. Началось зимнее наступление Калининского фронта, первым этапом которого была Торопецкая операция.

Справа от нас наступала 332-я Ивановская имени М. В. Фрунзе стрелковая дивизия. В нашем штабе уже были наслышаны о ней. Дивизия сформировалась по инициативе Ивановского обкома ВКП(б) и состояла из рабочих. Еще в октябре она заняла рубеж обороны на юго-западных

подступах к Москве. Один из ее полков участвовал в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Командарм Еременко определил ивановцам главное направление в наступлении: Пено — Андреаполь. Наша дивизия должна была обеспечивать их фланг. В дальнейшем ивановцы вырвались вперед и развивали успех в направлении на Демидов. Но нам еще не раз приходилось воевать рядом и даже проводить совместные бои в Велиже.

К началу артподготовки 9 января части и подразделения 334-й дивизии спустились на лед озера Волго и устремились с Завирьевского выступа к противоположному южному берегу. Противник просматривал всю полосу наступления и начал из глубины обороны артиллерийский обстрел озера. Появились и немецкие самолеты. Однако утро было пасмурным, шел небольшой снег и над озером образовалась пелена тумана. Так что авиация не могла причинить наступающим серьезного урона.

Чем ближе подходили наши бойцы к южному берегу, тем сильнее и плотнее становился огонь вражеских пулеметов и минометов. Продвижение осложнялось тем, что артснаряды и авиабомбы противника ломали лед, вода через полыньи поднималась и заливала его поверхность. Бойцы вынуждены были передвигаться, держась друг за друга.

Наконец удалось поставить дымовую завесу и ракетами дезориентировать немецких летчиков. Они сбросили бомбы и обстреляли полосу, которую атакующие уже прошли. Тем временем батальон Сидоренко закрепился на южном берегу, а затем лесом обошел сильно укрепленный поселок Бор, уничтожив батарею противника, которая вела в тот день губительный огонь по озеру.

Наступательный порыв наших войск был так стремителен, что спустя часа два после артподготовки в штаб дивизии начали поступать первые донесения об успешном подавлении огневых точек противника.

Стало известно, что батальоны 1124-го полка заняли деревню Пески, а затем Пашутино. В то же время, по донесениям с левого фланга, в районе Бора продвижение было приостановлено. Задержка встревожила весь штаб. К положению там было приковано наше внимание. Уточнялись данные о численном составе частей и отдельных подразделений, поскольку подходили отставшие во время марша из-под Москвы. Начальник штаба категорически требовал от нас верных сведений.

На следующий день удалось выяснить, что командир 1126-го полка майор Поджаров, получив ранение, не про-

явил должной смекалки в бою. Отчасти этим объяснялись значительные потери в полку и заминка у населенного пункта Бор. Подоспевший с подразделениями автотранспортной службы капитан Илюхин был вызван к командиру дивизии полковнику Мищенко.

Стояла светлая морозная ночь. Зарево пожаров и отдельные вспышки на противоположном берегу озера были хорошо видны. Едва доносились звуки выстрелов и разрывов снарядов. В передней избе, где работал командир дивизии, находились сотрудники всех отделов штаба и других служб управления. Илюхин громко рассказывал, какие «огни и воды» прошел, подтягивая отставшие подразделения. Особенно важной была доставка 600 саней, полученных под Москвой. Действительно, в условиях полного бездорожья «обходить и обтекать» пункты сопротивления противника без саней невозможно.

Потом Илюхина пригласил комдив. Прошло не более часа. Капитан пришел к нам в отделение и признался, что уходит брат Бор. Оказывается, он был уже назначен командиром 1126-го полка и получил задачу любой ценой овладеть поселком. Прощаясь со мной, Петр Никитович попросил в случае чего написать родным, какая трудная задача была поручена ему в ночном бою. Однако незаурядная храбрость, опыт и смекалка помогли Илюхину блестяще ее решить. Удалось, объединив подразделения 1126-го полка и батальон 1122-го полка, совершить дерзкий обходной маневр, ворваться в Бор там, где фашисты не ожидали удара. Бойцы, командиры и политработники в этой операции проявили исключительный героизм. Они скрытно прошли по глубокому рыхлому снегу, уничтожили доты и довершили разгром противника в рукопашном бою.

Отлично проявила себя в бою на озере Волго и при взятии поселка Бор рота автоматчиков 1126-го полка. Ее командир лейтенант Стратович получил второе ранение, но в медсанбат не поехал. Попросил Илюхина разрешить командовать ротой. Тогда, вспоминает Стратович, новый комполка сказал: «Мне бы побольше таких, как ты, но отправляйся в медсанроту. Пусть полковой врач Шевченко сам решит, где тебе быть». Полковой врач уважил просьбу лейтенанта, но строго наказал ежедневно являться на перевязку.

Наступление продолжалось, и уже под Нелидовом Стратович со своей ротой к рассвету 24 января вышел на перекресток дорог Белый — Нелидово.

Надо сказать, что роты автоматчиков были сформирова-

ны в октябре сорок первого под Казанью. Отбирали в их состав рабочих из городов Поволжья.

Бой за поселок Бор имел особое значение. Взятие его открыло путь для быстрого продвижения дивизий в район станции Шуваево. В дальнейшем сражение за Бор специально изучалось как тактический пример ночного боя за сильно укрепленный пункт в системе долговременной обороны противника в условиях лесисто-болотистой местности.

Капитан Илюхин, явившись к комдиву, доложил одним словом: «Взял». В тот же день его представили к званию майора и к ордену.

Тогда наш отдел оформлял десятки наградений на бойцов и командиров, преимущественно медалями «За отвагу» и «За боевую доблесть». Газета «Вперед» из номера в номер сообщала имена наиболее отличившихся в первые дни наступления бойцов и командиров. Вот некоторые из них: разведчики Антонов, Шкыбарев, Новоселов, наводчик из зенитного дивизиона И. Шерстюк, сержант Юсупов, бойцы Назаров, Онишук, Подлеснов, Ионов, Сидоров, Куянов, Швырялкин, Ковальчук, Абрамычев, Солин, Земцов, Шереметьев, Жуков, Морш, Панченко и многие другие. Из лыжного батальона выделялся лейтенант Гераськин, который в 21 год стал командиром полка. Кстати, за время войны он получил семь ранений.

11 января штаб дивизии, вслед за оперативной группой, выехал в деревню Пашутино, а наши передовые части и подразделения уже находились в районе Шуваево — Федоровское. Первый этап наступления был завершен. Дивизия с честью прошла боевое крещение.

В Пашутино мы пробыли недолго, даже не разворачивали в полном виде нашу работу. К великому огорчению, мы узнали, что тяжело ранен майор Лукин, начальник штаба 1124-го полка. Мы подружались с ним еще в Казани. Ему было очень тяжело оставлять полк. Месяца через три из Свердловска я получил от него письмо и по-настоящему обрадовался. Затем он прислал еще одно и последнее письмо. В нашу дивизию Лукин не возвратился. Мы сожалели об этом, потому что это был бесспорно наиболее подготовленный начальник штаба полка.

Вероятно, из Пашутино мы послали «похоронку» матери лейтенанта Сергея Никулина, командира пулеметной роты. По данным штаба полка, он погиб на льду озера Волго 9 января...

Мы с Сергеем прибыли из Ульяновска в Казань в конце августа 1941 года. Он и лейтенант Прыгунов бывали в

моей семье. Близкое знакомство обязывало меня направить не только официальное, за подписью начальника отделения Вагина, извещение, но и личное письмо, в котором излагались обстоятельства смерти героя. Между тем он выжил. Мы встретились с Никулиным в штабе Курляндского направления Ленинградского фронта (г. Мажейкяй) за несколько дней до окончания войны. Я случайно узнал, что назначен новый командир батальона охраны штаба фронта, майор Никулин. Неожиданно возникла мысль, а вдруг это Сергей? С каждым днем обострялось желание проверить, убедиться. И вот звоню в штаб батальона, прошу майора Никулина: «Вас беспокоят из оперуправления. Скажите, как вас зовут и давно воюете?». Через полчаса состоялась радостная встреча. С упреком, но без обиды Никулин сказал: «Как же ты мог написать матери, да еще с подробностями о форсировании озера? Как ты мог поверить в это?» Да, бывали досадные ошибки, которые не забываются.

Но что же произошло 9 января 1942 года? Лейтенант Никулин получил тяжелое ранение в голову. Товарищи наскоро попрощались со своим командиром, обложили его тело осколками льда и накрыли плащ-палаткой. Через некоторое время на озеро сели самолеты санитарной службы 4-й Ударной армии и медсестры проверили, нет ли живых. У лейтенанта с пробитой головой прошупывался пульс. Тут же его перенесли в самолет и отправили в Москву. Около года пролежал Никулин в госпитале. Несколько месяцев был лишен речи. Но потом все обошлось благополучно, и Сергей вернулся в строй. Вот и все, что осталось в памяти от рассказа этого на редкость крепкого парня.

Взятие Бора открыло всех. Части дивизии упорно продвигались вперед, преодолевая сопротивление противника и бездорожье. Люди и лошади выбивались из сил, подтягивая артиллерию и боеприпасы.

Наши передовые подразделения и соседняя 332-я Ивановская дивизия в нескольких местах перерезали железную дорогу Пено — Ржев. Станцию Шуваево лыжный батальон взял ночью, а теперь лыжники завершили полное уничтожение карательной части из бригады СС «Мертвая голова».

На пути до Нелидова мы встретили только одну, чудом уцелевшую деревню. Люди радовались, когда занимали баню или сарай, где можно было хоть немного согреться. И мне приходилось не только видеть, как бойцы спали в лесу, на еловых ветвях, но и самому доводилось не раз ночевать под елью в мороз, не разводя костров. Порядок при

этом был жесткий. По очереди дежурили над уснувшими. Через 15—20 минут поднимали сменщика и валились на хвою. И так всю ночь.

18 января 1942 года я писал домой: «Вот уже более недели гоним мы немцев. Они бегут так быстро, что едва успеваем их догонять. Многие селения немцы сжигают до основания, выгоняя население, детей и стариков раздетыми и разутыми на мороз. Только что въехали в деревню, где несколько часов назад были фрицы. Люди со слезами на глазах встречают нас... В избе, где я пишу эти строки, старик, у которого немец снял валенки и шапку, рассказывает об ужасах немецкого хозяйничанья. Рассказ зовет к месту».

Во второй половине января наш сосед справа — 332-я Ивановская дивизия заняла города Пено и Андреаполь. Части нашей дивизии прошли через город Западная Двина. Я был в одних санках с начальником штаба Новиковым. На ходу рассказывал ему, что здесь по улице Ленина проживали до эвакуации в августе сорок первого мои родители, сестра и братья. Уходя, отец зарыл в землю, где-то в огороде, семейные фотографии, документы. Мне не приходилось быть в здешних местах раньше. Родители переехали сюда из Монастырщинского района к своему зятю. Но началась война с белофиннами, зять ушел на фронт и погиб незадолго до подписания мирного договора с Финляндией.

Летом 1941 года немцы прорвались в окрестности Западной Двины. И тогда отец принял единственно правильное решение — уходить на Ржев. Я это знал, и мне хотелось как можно скорее подъехать к их бывшей квартире. Дом чудом уцелел, хотя и обгорел наполовину. На входной двери мы увидели отливавшую блеском пластину с именем обер-лейтенанта фашистской армии. Маленькая деталь, а до сих пор в памяти эта блестящая пластина, как знак беды.

«Непросто совершать марш, имея на себе — шинель, фуфайку, шубную жилетку, ватные брюки, диагональные брюки, гимнастерку, теплое белье, две гранаты, запас патронов, карабин, лопату, противогаз, сумку полевую и вещевой мешок с плащ-палаткой. Все это надо нести на себе. Потому что обоз отстает, а идем днем и ночью — круглые сутки... Так мы живем все, от командира взвода и командира части, до последнего бойца», — писал в Казань политрук роты связи 1122-го полка П. Шилов.

Добавлю, что почти каждый день приходилось вести короткие бои с подразделениями противника, особенно за

сохранившиеся деревни, выселки. Это был невероятно тяжелый ратный труд...

Штаб дивизии находился в деревне Большие Чернушки, когда комдив Мищенко получил приказ командарма: «Атаковать противника и взять поселок и станцию Нелидово». Это было 23 января, а 25-го утром приказ был выполнен. Подготовка всей операции проводилась спешно. Разрабатывал ее майор Новиков. Напряжение штабистов было предельное. Можете представить наше настроение, когда прозвучало сообщение Совинформбюро «В последний час»: «Войска Северо-Западного и Калининского фронтов заняли города: Пено, Андреаполь, Холм, Селижарово, Западную Двину, Оленино, станцию Торопа... Одна из главных коммуникационных линий немецких войск Ржев — Великие Луки перерезана и захвачена нашими войсками». А в разгар Нелидовской операции газета «Красная Звезда» писала: «Особенно отличились войска генерал-полковника Еременко и генерал-лейтенанта Пуркаева... Честь и слава героям, грудь которых не страшится ни суровости погоды, ни бешеного сопротивления врага... Пример их двинет на подвиги новые сотни и сотни тысяч бойцов».

В ночь на 24 января дивизия совершила подвиг, который предопределил исход самого боя в районе поселка и станции Нелидово.

Замысел операции был построен на внезапности ударов с разных направлений. Противник не ожидал этого. Потому что, по представлениям немецких офицеров, исключалась возможность перехода по глубоким снегам и незамерзшим болотам: мол, люди не вынесут такую невероятную нагрузку, а лошади — тем более. Имелось в виду расстояние в 20—30 километров. Тем более основная дорога немцами контролировалась.

Другая особенность операции была связана с тем, что впервые дивизия взаимодействовала с партизанами. Руководил ими секретарь райкома Коровкин, правда, в ходе самого боя на станции и в поселке роль партизан была ограниченной, но во время подтягивания и сосредоточения наших подразделений они помогли здорово.

По данным, полученным от партизан, мы подошли к Нелидову в тот момент, когда на станции скопилось много эшелонов с техникой и продовольствием. Сюда же прибыл эшелон с ранеными. На аэродроме находилось более десяти самолетов. В самом поселке, по расчетам нашего штаба, квартировали более трех тысяч солдат и офицеров, а вдоль дороги Нелидово — Белый — еще до батальона солдат.

Если учесть, что подтянуть артиллерию к началу боя не удалось, а личный состав в батальонах был измотан на марше, то станет ясно, что как непросто далось овладение Нелидовом. Продуманный порядок наступления, элемент внезапности удара с разных сторон и боевой порыв с самого начала определили успех операции. К наступлению темноты поселок и станция уже были окружены.

В течение ночи уничтожались отдельные группы и подразделения на окраинах. В это время совершил настоящий воинский подвиг лейтенант Скворцов. Его взвод атаковал противника в деревне Половцево. Шли в атаку по пояс в снегу. Скворцов с отделением сержанта Сафина сумел ворваться в сарай на окраине деревни. Фашисты, открыв ураганный огонь из пулемета и автоматов, окружили сарай. Их было около полусотни. Завязалась рукопашная. Тем временем ротный Стаховский приказал открыть по деревне огонь из минометов, и бросил еще один взвод в атаку. Деревня была взята. Но помощь опоздала. Лейтенант Скворцов погиб.

Осенью 1941 года Алексей Скворцов прибыл в Казань из Хабаровского военного пехотного училища. Родина его — Уфа. Проявлял храбрость с первых дней боев. Но награды получить не успел...

На рассвете 25 января в поселок Нелидово с трех сторон ворвались наши полки. Фашисты были в панике и не смогли оказать стойкого сопротивления; лишь одна группа до батальона вырвалась по дороге на юг, но попала под кинжальный огонь батальонов лейтенанта Поршнева и старшего лейтенанта Сидоренко. В дело вошли лыжники и партизаны.

Около десяти утра в штабе дивизии стало известно, что Нелидово взято. Нашему отделению предстояло немедленно уточнить потери и вместе с работниками политотдела собрать данные о наиболее отличившихся бойцах, командирах и политработниках. Начальник 4-го отделения штаба приказал мне выехать в Нелидово.

Около полудня мы были на месте. Следы только что прошедшего боя виднелись на каждом шагу. Догорали строения. Кое-где еще не успели убрать тела убитых. С группой командиров, в которой был майор Илюхин, мы вышли на перрон станции. Петр Никитович на ходу рассказывал о героизме подразделений полка. В момент, когда он показывал рукой в направлении, где шел особенно горячий бой, мы услышали совсем рядом автоматную очередь, и у наших ног брызнули осколки льдинок, Илюхин скоман-

давал: «Ложись!» Рядом был заснеженный кювет, в который все мгновенно упали. Тут же командир полка приказал прочесать станцию. Оказалось, стреляли из вагона санитарного поезда, в котором было несколько сот раненых фашистов. Нам явно повезло, что стреляли плохо.

В тот день противник потерял убитыми, ранеными и взятыми в плен около трех тысяч солдат и офицеров. Было захвачено более 80 вагонов с боеприпасами, амуницией и продовольствием, две сотни автомашин, десятки орудий и минометов, пулеметов, автоматов и винтовок. Вечером 25 января Совинформбюро сообщало: «Наши части вновь продвинулись вперед, заняли несколько населенных пунктов и в числе их Нелидово (на железнодорожной магистрали Ржев — Великие Луки)...».

В ночь на 26 января дивизия спешно готовилась к маршу в направлении Земцы — Ильино — Велиж.

Утро выдалось солнечным и морозным. Бойцы и командиры успели перед маршем хорошо отдохнуть, шли в хорошем настроении. Взятие Нелидова — первая значительная победа. А главное — воины начинали понимать, как бить врага.

Части дивизии растянулись. Батальон лейтенанта Г. Поршнева остался в районе Нелидово. Поэтому дивизия не сразу была введена в первый эшелон войск 4-й Ударной и находилась во втором эшелоне армии вплоть до начала марта.

В феврале штаб дивизии размещался в большой деревне, под городом Велижем, рядом было оживленное дорожное движение. Поэтому самолеты противника неоднократно наведывались в этот район. Как-то раз, едва пролетел самолет, на улице раздались громкие голоса и два-три выстрела. Выбегаем из дома и видим комдива Мищенко без шинели и папахи, с маузером в руке. Вокруг него несколько человек. Мы подошли поближе и узнали, что рядом с избой, в которой жил комдив, упала бомба, выбила нижний венец — подгнившее бревно — и оказалась наполовину под кроватью, на которой он отдыхал. Надо сказать, все обошлось благополучно. Саперы извлекли бомбу (весом 250 кг), положили на одеяло и осторожно оттащили за деревню, где и взорвали.

В феврале части дивизии несколько дней вели упорные бои под Велижем.

Сложно и трудно было «обеспечивать» боевой настрой в войсках, особенно в феврале и начале марта, когда части были рассредоточены. «Доставалось» штабу дивизии. Важ-

ную роль в таких условиях играла газета «Вперед». Она сообщала о героизме, проявленном воинами. Так, в номере за 17 февраля передовица называлась «Храбрость — мать победы». В ней сообщалось о мужестве сержанта Панченко. Под рубрикой «Боевое соревнование имени XXIV годовщины Красной Армии» отмечался героизм младшего лейтенанта Шуваева. Старший лейтенант Поршневы — один из героев боев за освобождение Нелидова — сообщал, что, когда его батальон был оставлен в городе, а дивизия растянулась на марше к Велижу, фашисты попытались захватить Нелидово. Их атака была отбита благодаря контрудару бойцов лейтенанта Прядкина и огню артбатареи лейтенанта Сивак. Из номера в номер наша «дивизионка» приводила наиболее яркие факты смекалки и мужества воинов, которые благодаря газете становились достоянием всех бойцов и командиров.

ВЕЛИЖСКАЯ ЭПОПЕЯ

В начале марта наша дивизия в полном составе вошла в первый армейский эшелон и вела кровопролитные бои под Велижем. Было разрушено около 30 дзотов и дотов, уничтожено более 1 600 фашистов. Но развить успех не удалось, и части дивизии перешли к обороне. 16 марта, по приказу командарма, провели перегруппировку войск, и 334-я дивизия получила новый участок в районе Тивонцы — Мокрые Нивы.

Во время мартовских боев в районе Миловидово произошло «чрезвычайное происшествие» в штабе дивизии. Я в тот день дежурил по штабу. Вечером, когда дежурство подходило к концу, меня неожиданно вызвал командир дивизии. У двери я увидел своего начальника, который едва стоял на ногах. А Мищенко нервно ходил по избе и, не стесняясь в выражениях, ругал его. Такое случалось с начальником 4-го отделения и раньше, но проходило как-то незаметно. Теперь его судьба была решена. Комдив упрекал меня за то, что мы скрывали эту «болезнь» своего начальника. Наконец, он приказал мне: «Уведите его и завтра принимайте дела». Так, на исходе марта мне пришлось принять обязанности начальника 4-го отделения штаба.

Была ли у меня уверенность, что справлюсь с новыми обязанностями? Будь это в мирное время, можно было отказаться. В тех же условиях мне казалось, что доброжелательное отношение начальника штаба дивизии ко мне — это главное. Мы долго беседовали о делах. Особенно он требовал наладить работу по учету и захоронению погиб-

ших воинов, по составлению и ведению карты могил. Было решено создать из бойцов старших возрастов, а также ограниченно годных похоронную команду, подобрать ей командира и выделить транспорт. Выполнить эту задачу мы смогли только в мае 1942 года.

Однако в июле, когда противник потеснил нас, а дивизию отвели на отдых в город Торопец, работа была свернута.

Особого порядка требовала обработка данных боевого и численного состава подразделений дивизии. Командование заботил жесткий контроль всех сводок и сведений из штабов частей, который необходимо было проводить на месте. Вопросы эти стояли остро еще и потому, что из-за бездорожья и бомбежек подвоз продуктов был нерегулярным и запасы приходилось расходовать экономно. Тут в сводках нельзя было допустить ни вольностей, ни неточностей. Кроме того, подходило время массового представления командиров к очередным званиям, а особо отличившихся в боях — к наградам. Все это требовало оперативности и опыта, а в отделении не хватало людей.

Моим помощником (и заместителем) по работе стал техник-интендант Шамиль Шарафутдинов, уроженец Кайбицкого района Татарии, человек на редкость исполнительный и надежный. Со дня моего назначения на пост начальника и до перевода из дивизии в штаб 4-й Ударной армии он был главной моей опорой во всех делах и начинаниях. Я любил этого человека, как брата. Коренастый, с умными и добрыми глазами, мягкой манерой обращения с подчиненными, он пользовался уважением в штабе дивизии, в штабах полков.

Писарь Киселев работал усердно, был старшим, но, случалось, допускал ошибки в подсчетах. В отделении работал писарем еще один человек, на редкость спокойный и сосредоточенный, — из запаса. А главное — он был очень наблюдательный, с крепкой памятью. Постепенно мы привыкли к тому, что подготовленные им данные можно не проверять.

В конце марта в дивизии проводилось очередное совещание командиров полков. Тревожил противник, завладевший шоссе Велиж — Сурож Витебской области, в районе совхоза «Миловиды». Его предстояло выбить отсюда. По данным начальника разведывательного отдела майора Чуйкова, противник готовился нанести контрудар в районе дислокации 1122-го полка. Командовал этим полком майор Кудрявцев. Летом 1941 года он попал в окружение и несколько дней был в плену. Затем ему удалось бежать и

возвратиться в Красную Армию. На совещании Кудрявцев делал пометки на своей карте, задавал вопросы, уточнял задачу. Около полуночи все разошлись, а спустя сутки майор исчез. Часовой на командном пункте полка сообщил, что глубокой ночью командир вышел из землянки, направился в лес, да и не вернулся. Действительно, недалеко от КП, в сторону противника, остались следы лыж.

В штабе горячо обсуждали разные версии. Но вот наступило утро 2 апреля — в тот год это был первый день немецкой пасхи. Штаб дивизии подвергся обстрелу артиллерии, а затем один за другим пикировали фашистские «юнкерсы». Деревню забрасывали бомбами, каждый дом обстреливали из крупнокалиберных пулеметов.

В момент обстрела, стремясь отдать соответствующие распоряжения, я перебежал дорогу, но войти в дом, где находилось наше 4-е отделение, не успел и был прижат к стене пулями. Затем я вбежал в сени. Одна из зажигательных пуль пробила бревно стенки и дымилась в расщелине венца, рядом с моим плечом. Вероятно, эта «деталь» заставила меня буквально упасть в открытый люк погреба, где хранился картофель и где уже находились мои сослуживцы. Последовал взрыв, и мы получили легкую контузию. Когда налет прекратился, стало ясно: бомба разорвалась за дальним углом дома, так как сорвало крышу, потолок упал, печная труба повалилась. В комнатах тоже все кувыркком: пишущая машинка и столы перевернуты, бумаги разбросаны. К счастью, никто из нас не пострадал. И вообще, несмотря на ярый обстрел, жертв было немного. Зато теперь для нас стало ясно: противник получил точные данные о расположении штаба.

В этот же день было сброшено несколько тяжелых бомб по дороге на КП комдива. Они образовали большие воронки, быстро заполняемые водой, и напоминали смоленские «саженки», в которых крестьяне мочили лен и пеньку. Кто-то обратил внимание на полу моего полушубка, в которой зияло три рваных дырки, заметив: «Тебе везет!» В самом деле, три пули пробили шубу и ни одна не задела. Бывает и такое.

Вечером мы с ординарцем на санках выехали на КП комдива. Дорога шла лесом и болотом. Вскоре опустилась темная ночь. Шел мелкий дождь, таял снег. Под ногами хлюпало.

В землянке комдива было жарко. Тускло горели самодельные светильники. Начальник штаба майор Ю. З. Но-

виков сидел за телефоном, а комдив Н. М. Мищенко и комиссар Ф. Л. Уваров отдыхали на тесовых топчанах.

Николай Михайлович, не вставая, просмотрел мои бумаги и подписал несколько приказов. Он сообщил: на станцию Старая Торопа прибыло пополнение, и надо немедленно выехать за ним. Начальник штаба стал инструктировать меня, как лучше подготовиться к приему пополнения, как организовать марш в обстановке постоянных бомбежек немецкой авиации. А путь намечался неблизкий — по шоссе Старая Торопа, Ильино, Кресты, Верхний и Нижний Взвозы. Давал другие советы. Наша беседа заняла не более получаса и подходила к концу. Все было спокойно. И вдруг — автоматные очереди и взрывы гранат! Не успели даже понять, что происходит, как с шумом раскрылась дверь и ввалился майор И. Д. Чуйков с автоматом, в грязи, доложил: «Товарищ полковник, немецкая разведка. Ведем бой... Разрешите идти?» — «Идите. Скажи ребятам, что сейчас буду», — без видимого беспокойства произнес комдив. Он быстро оделся, пристегнул «маузер» и распорядился: «В землянке остаются Новиков и Ионенко. Юрий Захарович, передайте в соседний батальон — пусть на всякий случай пошлют взвод. Если что случится, сожгите карты и документы».

Мы остались вдвоем. Тщетно звонили мы в штаб полка: связь была нарушена. Звуки боя не утихали. Секунды казались минутами... Нас тянуло наверх из землянки, но тут вбежал мой возница и сообщил, что немцев окружили и добивают. Сколько наших мы, примерно, знали — немного: охрана комдива и комиссара, связисты, несколько человек штабных командиров. А сколько фашистов? Оказалось, немало — сорок солдат и офицеров. Исход боя решила выведенная на отдых рота 1122-го полка. Если бы не ее помощь, пришлось бы туго. Так, дерзкая попытка захватить в плен комдива кончилась провалом. Из допроса пленных еще раз выяснилось: немецкая разведка действительно располагала данными о КП комдива.

Майор Чуйков, вспоминая этот эпизод, еще долго не скрывал своего недоумения и огорчения: как немцам удалось пройти незамеченными нашими постами, охранявшими расположение командного пункта?

Тревожил завтрашний день. По всем приметам немцы готовились к контрудару в районе Миловиды. Главные бои предстояло принять 1122-му полку, которым теперь командовал И. П. Гапоненко. Мое знакомство с ним состоялось раньше, когда он был командиром заградительного батальона

она. Его штаб находился рядом со штабом дивизии. И Гапоненко и комиссар батальона П. Г. Корнилов часто бывали у нас. Илья Петрович имел высшее образование, на «гражданке» работал в пищевой промышленности где-то в Сибири. В армии числился на хорошем счету. Мы сблизились, стали друзьями. Под Велижем, когда дивизия находилась во втором эшелоне, мы и вовсе часто встречались, много говорили о людских судьбах, особенно на войне, мечтали о времени, которое придет после этой бойни.

Как-то раз я приехал в батальон по делам и заночевал у комиссара Корнилова. Дружбе его с командиром можно было позавидовать. В ту долгую зимнюю ночь в изрядно натопленной просторной избе мы пели песни, играли: Илья на гитаре, я на скрипке, а Павел Корнилов на трехрядке. С особым чувством исполняли наши любимые песни: «Раскинулось море широко», «Три танкиста», «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед», «На рейде», «Любимый город», «Синий платочек». За окном редела вьюга и в порывы ветра иногда врывались приглушенные разрывы снарядов, а нам хорошо думалось, хорошо мечталось.

По пути в штаб дивизии, что расположился в деревне Тивонцы, я решил побывать у Гапоненко, прежде чем отправлюсь за пополнением. Попросил своего заместителя Шамиля Шарафутдинова никому не говорить, что на полтора-два часа заверну в 1122-й полк. От штаба дивизии до командного пункта полка было недалеко, минут двадцать езды на лошади.

Моему приезду Гапоненко обрадовался. Мы начали разговор в землянке, потом вышли на волю. Неподалеку за валом курилось болотце с мелкоколесьем, а за ним — немецкие траншеи. Над нашими ушанками пронесся веер пуль. Пришлось отползти к землянке.

— Скоро в бой, — как-то спокойно сказал Илья. — Для меня он будет последним.

Я стал разуверять его. Он лукаво улыбнулся:

— Эх, ты, материалист, не хочешь верить, что человек на войне может почувствовать смерть. В случае чего, не забудь отправить жене похоронную.

Это были его последние, всерьез сказанные слова при нашем прощании. Я уехал в тяжелом раздумье.

Не задерживаясь в Тивонцах, отправился на станцию Старая Торопа, где меня уже дожидалось пополнение.

Марш неожиданно оказался трудным. Это было связано с разнообразным составом пополнения: значительную часть представляли мобилизованные из освобожденных нашей

армией районов Калининской и Смоленской областей, было десятка два девушек, остальные узбеки, казахи. Страдала дисциплина. В пути следования колонну обстреливали немецкие самолеты, люди рассеивались.

В момент, когда утром командиры наводили порядок, в голове колонны неожиданно появились две машины. Движение замедлилось. Мне передали: какой-то начальник требует старшего. Я не мог даже предположить, что встречу члена Военного Совета, генерала Михаила Васильевича Рудакова. Он не выслушал до конца мой доклад и начал крепко ругать за то, что колонна растянута, люди бродят в стороне от дороги.

На наше счастье налетов до Крестов больше не было. Во время привала мне удалось позвонить в свой штаб. Спросил Шарафутдинова: «Как дела у Гапоненко?» Он ответил: «Гапоненко смертельно ранен в бою. Находится в медсанбате.» Предложив Шарафутдинову немедленно ехать в Кресты встречать пополнение, я направился в медсанбат.

Уже вечерело, когда наконец добрались до места. Главного врача я застал дома и вот что узнал: капитан Гапоненко тяжело ранен в живот. Это произошло в контратаке. Вынести командира удалось не сразу, часа через полтора-два. После операции он пришел в себя, даже шутил. Вспомнил разговор со мною и попросил врача: «Передайте Ионенко, что перед боем человек все-таки может предчувствовать беду...» На следующие сутки начался перитонит, и его не стало...

Смерть Гапоненко дорого обошлась фашистам. Вот что рассказали участники того боя. После того как части нашей дивизии перешли в наступление за Миловидами, противник перебросил сюда полк берлинских студентов «Молодая Германия», поддержал его артиллерией. Полк этот воевал в Белоруссии по личному указанию Гитлера и Геббельса.

На левом фланге 1122-го полка создалось угрожающее положение. Командир не растерялся: на фашистов обрушился шквал огня наших минометов, орудий и станковых пулеметов. Пулеметчики открыли огонь, когда цепи изрядно подвыпивших берлинских студентов находились в 50—70 метрах. В решающий момент Гапоненко сам повел бойцов в наступление, вырвался вперед, но... получил ранение. Бой завершился полной победой: только убитыми фашисты по-

теряли около 1 500 солдат и офицеров. Похоронили героя в братской могиле у деревни Малая Ржава¹.

Навсегда остался в памяти командир минометного дивизиона капитан Ипполитов. Он пал смертью героя в районе деревни Мокрые Нивы и похоронен рядом со штабом дивизии у деревни Тивонцы.

Один из политруков 1122-й полка Сливовский в своем дневнике записал: «Все эти дни 4, 5, 6, 7, 8 апреля не было никакой передышки, с 6 апреля вражеские автоматчики обстреляли штаб полка. Погиб комбат Бадерный». В дневнике говорится, что исполняющий обязанности командира полка Локтев оказался не на месте, и эти подразделения понесли потери. В то же время отмечаются инициатива и смекалка комиссара Акчурина, старшего политрука Кашафа Тухватуллина, уполномоченного Особого отдела Боровкевича. Они навели порядок в войсках и организовали отпор контратакующему противнику².

О тяжелых боях 1122-го полка сообщал в письме своей дочери в Казань политрук Шилов: «...с 11 марта и по 11 апреля находился в непрерывных боях... Одно помни... отец твой не трус и если нужно будет — умрет, как подобает воину Красной Армии и военному комиссару...»³.

Утром следующего дня в штаб дивизии явились представители полков — за прибывшими воинами из нового пополнения. Во время распределения подъехал инструктор политотдела 358-й дивизии, которая находилась северо-западнее Демидова, И. И. Назаров. Он был мне хорошо знаком еще с 1939 года: работал преподавателем русского языка Казанского педагогического института.

Завязалась беседа. Иван Иванович рассказал об очень впечатляющем подвиге, совершенном 23 февраля 1942 года воинами одного из батальонов, который отстоял деревню под городом Демидовом. Это был неравный бой. Немцы, наращивая силы, непрерывно атаковали. Оставшиеся в живых красноармейцы, в том числе и раненые, собрались в

---

¹ См. воспоминания Корнилова П. Г. Мой комбат. — В кн.: В боях и походах. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1975, с. 83—87.

В сентябре 1983 года в связи с 40-летием освобождения Смоленщины я проехал по местам боев в Велижском районе и побывал на могиле Ильи Гапоненко. На ней увидел букеты полевых цветов. В соседней школе узнал, что несколько раз присажала из Ленинграда жена героя Райса Петровна. В школьном уголке Славы собран материал о боях в 1942—43 годах.

² См. Дневник Сливовского, 1942 г. Материалы 334-й дивизии. — Фонды Государственного музея ТАССР.

³ Подлинник хранится в семье Шиловых.

крестьянской избе и отстреливались. Все подступы к дому были завалены трупами фашистов. Иссакали боеприпасы. Немцы предлагали сдаться в плен. Но наши воины отвечали выстрелами. Тогда фашисты подожгли дом, рассчитывая, что русские сдадутся. Но они услышали пение «Интернационала»... Как показывали в последующие дни пленные, немцы были потрясены. Их охватил страх: русского можно убить, сжечь, но не победить. В этом они еще раз убедились...

Назаров поделился со мной своими записями фронтового фольклора, чем обострил мое желание искать побольше характерных черт и отметин, по которым, если останемся живыми, будем рассказывать молодым о том, каким был советский воин в суровые годы Великой Отечественной войны. Он обещал еще раз побывать у меня.

Высокий седой солдат, прибывший в составе пополнения, уже давно ждал разговора со мной. Он просил Шарфутдинова оставить его при штабе дивизии. А так как тот решить этого вопроса не мог, заявил, что ему «с глазу на глаз» необходимо поговорить с начальником. До войны этот солдат работал в НКВД Витебской области и хорошо знал район Рудня — Яновичи, Сураж Витебский. За превышение власти он был осужден и отбывал наказание в Казахстане. В начале войны обращался с рапортами по начальству: просил отправить на фронт для искупления вины. Однако, не дождавшись решения, сумел попасть в эшелон с пополнением...

Вскоре произошла очередная перегруппировка войск 4-й Ударной армии. Нашей дивизии отвели Понизовский район Смоленщины, так называемые Сураж-Витебские ворота.

* * *

Лето 1942 года мы уже встречали на западном берегу небольшой речки. Штаб дивизии разместили в деревнях Лапиха и Борода.

Понизовский район запомнился буйным цветением трав и чистой водой в петляющей среди болот и пашни речке. Наши полки заняли рубежи на болотах. Через них шла партизанская тропа. В тылах противника уже действовали отряды смоленских и витебских партизан. Дивизия, как это было под Нелидовом, входила в контакт с ними. Особое внимание — установлению связей, переброске наших разведчиков в немецкие тылы. Вспомнили о старом работнике НКВД, прибывшем с пополнением. После короткого колле-

гиального обсуждения решили испытать его на деле. Мищенко и комиссар Уваров перед самой переброской провели с ним беседу.

Спустя месяц мне стало известно: разведчику в одежде колхозника удалось вступить в связь с одним ефрейтором-антифашистом и с его помощью перебраться из Янович в Витебск, где уже действовало сильное подполье. В штабе ходила версия, что одной из задач разведчика была поимка или казнь изменника Кудривцева, которого немцы использовали в разведшколе для подростков. Впоследствии эти сведения частично подтвердились¹. В частности, в беседе с Н. И. Дорофеенко, доцентом кафедры истории КПСС Витебского педагогического института, выяснилось, что посланный из нашей дивизии пожилой седой разведчик был связан с партизанами и витебскими подпольщиками и успешно там действовал.

Едва сошел снег и подсохли поля, Управление тылом 4-й Ударной армии в помощь населению освобожденных районов организовало весенний сев. В уцелевших деревнях Калининской и Смоленской областей после мобилизации остались одни старики, женщины и дети. Им нужно было помочь тракторами, лошадьми, семенами.

«Свои вернулись», — сразу разнеслось в округе. Этими скупыми словами люди выражали и свое отношение к освободителям, и благодарность им.

Посевные работы шли в непосредственной близости к фронту, можно сказать, под огнем вражеской артиллерии. Нередко немецкие самолеты поливали свинцом мирных пахарей. Но люди, презирая опасность, не оставляли плуг.

Газета «Вперед», освещая ход сева, в одной из заметок сообщала: «На пашне гулко разорвался вражеский снаряд. Семен Полынкин не выпустил ручки плуга. Пара коней как ни в чем ни бывало тянула его вперед, оставляя позади глубокую борозду. Разорвался второй снаряд... Полынкин посмотрел на Игната Ефимовича Григоренкова, пахавшего неподалеку: «Не испугался бы дед, а то гитлеровцы в бинокль увидят — смеяться будут». Старик снял шапку, перекрестился и снова взялся за плуг...»

Обосновавшись в Понизовском районе, части и подразделения дивизии не спускали глаз с так называемых «Витебских ворот». Не забывали и свои повседневные военные

---

¹ Речь идет о ветеранах войны, с которыми автор встречался как в Витебске в 1969 г., так и в Казани во время слетов ветеранов 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии.

дела, вели разведку обычную, а в отдельных случаях и разведку боем, сколачивали боевые подразделения, занимались боевой и политической подготовкой солдат. В штабах полков и в штабе дивизии обобщали опыт прошедших боев. Дивизионная газета рассказывала о наиболее результативных тактических приемах, об инициативе и смекалке бойцов и командиров, о политработе в подразделениях и среди местного населения.

Проходившая через болото партизанская тропа исправно несла свою службу. Однажды в 4-е отделение явился начальник штаба партизанской бригады «Бати» капитан Алексеев. Его направил ко мне начштаба дивизии. После деловой беседы оформили наградные листы и представления на очередные звания военнослужащим, которые сражались в партизанских отрядах. В то время партизаны представлялись мне героями-богатырями, людьми высокого роста, особого мужества и храбрости. И хотя рост их оказался обычным, но твердости духа, смелости оставалось только позавидовать.

Население деревень, проявляя постоянную заботу о Красной Армии, снабжало нас скотом, верховыми лошадьми. Мне достался оседланный орловский рысак, а мой ординарец Головастиков выбрал гнедую кобылу, которую он почему-то называл «донской», хотя, по-моему, это была обычная смоленская лошадь.

Как-то вдвоем с ординарцем мы поехали в отдаленный батальон, что оборонял наш западный участок. Оказалось: там готовилась группа для глубокой разведки в тылу противника. В составе ее — мой земляк из Казани, старший политрук П. И. Шилов. Возвращались к вечеру, петляя среди болота. Стемнело. Мы сбились с пути и отвернули влево по узкой тропинке, терявшейся в густых зарослях лозняка. И вдруг застрочили два пулемета, в небо взметнулось несколько ракет. Медлить было нельзя. Я резко повернул лошадь в сторону, прищпорил. Но тут мой «орловец» увяз в болоте и с трудом, рывками, выбирался на твердый грунт. Вскоре противник потерял нас. Еще две-три очереди трассирующими, — и все стихло. Повернув к деревне Губы, мы встретили группу бойцов охранения и выяснили: за болотом — немцы. Сержант даже сообщил, что тут они не имеют траншей и дзотов.

Через несколько дней в штабе дивизии стало известно о героической гибели П. И. Шилова. Спустя много лет, в 1983 году, внук героя студент исторического факультета КГУ Петр Шилов передал мне несколько писем старшего

политрука, его фотографию 1942 года, а также «Извещение» штаба 1122-го полка о его гибели под деревней Пони-зовье Смоленской области. Погиб Петр Иванович 29 июня 1942 года.

С наступлением теплых дней сотни людей стали болеть фурункулезом. Как говорили тогда, «давала о себе знать» зимняя простуда. К чести врачей лечение наладили образцово. Проводилась простейшая, но очень эффективная мера: переливание собственной крови. Я тоже был около недели в медсанбате, испытав ее на себе. Казалось необычным: боев не было, а напряжение в 430-м медсанбате не спадало.

Летом 1942 года для нашего 4-го отделения штаба самым трудным оказался контроль за похоронной командой. Захоронение погибших вроде было налажено, карта могил велась. Но дивизия теперь оказалась в десятках километров от тех мест, где зимой шли бои. До этого команда действовала в полосе других соединений. Не так-то просто было выделить погибших из наших частей. Приходилось проверять медальоны, сверять их со списками, которые мы передавали начальнику команды. А тут прокурор дивизии Калмыков заявил мне, что есть сведения, будто «обозники» подозрительно долго не сдают имущество и деньги дивизионному интенданту. Предстояло разобраться по существу. Начальника команды вызвали в 4-е отделение. Разговор был тяжелым. Действительно, в обозе похоронной команды скапливалось продовольствие, в том числе полбочки топленого коровьего масла, сотни карманных и наручных часов, значительная сумма денег. Все это было сдано по описи.

Спустя несколько дней я продолжил проверку захоронений воинов. Отправился верхом, с ординарцем. Между Щеткино и Верхним Взвозом остановились, чтобы посмотреть на город Велиж. Он лежал в неглубокой котловине и просматривался далеко в глубину. Был солнечный полдень. Не слезая с седла, я наблюдал в бинокль ту часть, которая была занята нашими войсками, потом другую, большую, с древним собором, в которой находились немцы. С колокольни собора, видимо, шла корректировка артиллерийского и минометного огня. Но не думалось, что нас видят: неподалеку был еловый лес. Однако вскоре мы услышали характерный звук: разорвалась первая мина. Резко повернув коня, я по сырой пахоте взял в сторону. Позади еще шлепнулась мина. Мой рысак рванулся вперед, но через

два-три прыжка вдруг осел на задние ноги. Подъехал ездовой. Мины больше не падали: мы оказались вне видимости со стороны собора. Тяжело было расставаться с «орловцем». Что было делать? В его крупе была большая рана, перебита задняя нога. Единственное, что могло унять страдания лошади — это смерть...

На обратном пути мы сообщили о случившемся людям какого-то тылового подразделения и посоветовали им распорядиться «павшей в бою» лошадью.

Вскоре произошел случай, который надолго стал сенсацией в нашей дивизии. Над деревней, которую занимал штаб, почти ежедневно пролетали «Юнкерсы-87». Они возвращались на свои аэродромы. Комендант штаба, выполняя приказ комдива, строго следил, чтобы по самолетам не стреляли. Это привлекло бы внимание противника. Но однажды часовой не устоял, видя, как совсем низко, прямо на наш дом, летел огромный самолет с ясно различимыми крестами. Как оказалось, винтовка часового была заряжена бронебойными патронами. Боец сделал несколько выстрелов и попал в бак самолета. Машина задымила. Услышав стрельбу под окном, я выбежал на улицу, набросился на часового: «Почему стреляешь, кто разрешил?» Он в ответ: «Товарищ начальник, самолет я сбил. Упал за деревней».

Я отправился к командиру дивизии. Но там уже обо всем знали. Многие сами видели, как загорелся и упал «юнкерс». Трудно представить, как отнесется к нарушению приказа Н. М. Мищенко. Но его решение было справедливым. Хотя боец и ослушался, однако нанес врагу немалый урон. «Сделай ему внушение и составь рапорт на орден «Красной Звезды», — распорядился комдив.

Подходил к концу июнь, в пойме реки Борода бушевали травы. Буйно цвели луга. По утрам курились болота. Хотелось жить и радоваться, но еще силен был враг. Изю дня в день прощупывала немецкая разведка фланговые обходы и тропы на болотах. Однажды даже чайки своим криком открыли вражескую разведку¹.

4—6 июля 1942 г. 334-я дивизия, сдав свою полосу обороны частям 145-й дивизии, отправилась в район города Торопец на отдых. В предвидении возможного прорыва на

---

¹ В 1977 г. я получил письмо из Сарапула Удмуртской АССР, в котором бывший командир взвода управления 3-й батареи 908-го артиллерийского полка Е. А. Немиров сообщал мне: «...это были не чайки, а чибисы, их тревожные крики разгадал я дождливой ночью».

шоссе Велиж — Демидов оставили в составе заслона 1122-й полк.

До Торопца добрались благополучно. Штаб дивизии занял большую деревню вдоль озера, в километре от города, а штабы полков разместились в городе, батальоны — в хвойном молодняке, недалеко от железнодорожной станции.

После пережитого под Велижем новые условия казались благом. Но расслабляться нельзя: дисциплина и готовность к выполнению боевых задач всегда говорят сами за себя. Поэтому штаб сразу же взял под контроль размещение частей и служб. В этой связи с первых же дней передислокации командир дивизии выезжал ежедневно то в отделы Управления фронта, то в свои части. Начальник штаба, вызывая подчиненных, давал указания, как работать в новых условиях. Интенданты занимались снабжением и ремонтом, а медсанбатальон — налаживанием своей службы в частях. Производились перемещения по должности, представления на очередные звания. Политотдел налаживал соответствующую информацию, выявлял лиц, заслуживающих награждения.

Новые заботы прибавились даже у дивизионного клуба. Надо было на должном уровне организовать культурный отдых бойцов и командиров, заполнить их досуг. Словом, обычная работа, но в новых условиях.

В дни отдыха нас не только обеспечивали газетами, не только читали лекции, но мы имели возможность знакомиться и с художественной литературой, в том числе и с некоторыми произведениями татарских писателей. Особенно сильное впечатление производили тогда повесть «Неотосланные письма» Аделя Кутуя, стихи К. Симонова, А. Твардовского, М. Исаковского, публицистика Алексея Толстого и Ильи Эренбурга. В политотделе всегда можно было взять нашу газету «Вперед», армейскую — «Врага на штык», фронтовые газеты. Сотрудники дивизионной газеты часто бывали в 4-м отделении и подсказывали темы для выступлений. Писал в газету мой помощник Шамиль Шарафудинов.

Находясь в резерве фронта, мы готовились к новым боям: получили необходимое снаряжение, боеприпасы и оружие, укомплектовали роты и батальоны. С учетом опыта войск всей 4-й Ударной армии отрабатывалась тактика разных боев в лесисто-болотистой местности, где нам приходилось воевать. Особенно большую нагрузку несли оперативное отделение, разведотдел, отдел связи. Не остава-

лось «забытым» и 4-е отделение. Возглавлял учебу в штабах подполковник Новиков.

В целях дезориентации нашей разведки в определении главного удара летом 1942 года фашистское командование предприняло 20 июля наступление в полосе 4-й Ударной армии между Велижем и Демидовом. Десять дней шли кровопролитные бои. Ценой больших потерь соединения 3-й танковой и 4-й полевой армий немцев заняли значительное пространство в тылу Калининского фронта — до 50—60 километров в глубину.

Участник боев В. А. Озеров, рядовой 2-го армейского батальона, вспоминает: «В одну из тревожных ночей в районе Велижа в расположение нашего боевого охранения приползла молодая деревенская женщина: чудом ее не застрелили наши или немцы. Пароля она не знала и попросила солдата доложить о ней старшему... Командиру подразделения сообщила, что к нам пробираются немецкие разведчики и скоро будут здесь. Фашисты имеют задание уничтожить нас, а часть взять в плен. Хотят, чтобы утром пленные выступили по радио. Меры были приняты срочно. Но свершилось непоправимое: нас женщина спасла, рискуя жизнью, а мы не смогли ее уберечь. Во время схватки она погибла...»

Далее В. А. Озеров пишет: «Бой закончился нашей победой, но победой, которой бы не было, если бы не совершила подвиг велижская женщина. Ее похоронили вместе с нашими бойцами... Установить личность погибшей тогда не удалось»¹.

К началу августа прекратились тяжелые бои в «предполье», и в район Торопца прибыл 1122-й полк во главе с командиром майором Киреевым. Встречали их как героев, торжественно, с чувством большого уважения и признания. Воины полка вместе со 2-м армейским батальоном дрались мужественно и приумножили славу дивизии. Немало героев осталось на поле боя.

Вскоре наш штаб занял район деревень Лагуны и Большая Богатка, а 23 сентября ночью дивизия сменила 360-ю Оренбургскую. Спустя три дня полки втянулись в бои местного значения в районе Большой Будницы на северо-западных подступах к Велижу.

Не знаю, как у других, но в нашей дивизии эти «мест-

---

¹ В 1983 г. вместе с В. А. Озеровым мы были в Велижском районе по случаю 40-летия освобождения Смоленщины от фашистской оккупации.

ного значения» бои уносили немало жизней, а иногда оказывались не менее тяжелыми, чем во время проведения операций армейского и даже фронтового масштаба. Поэтому здесь наблюдался и массовый героизм, и боевые подвиги отдельных бойцов, командиров и политработников. В этом районе часто проводилась разведка боем, а охота «за языками» стала первоочередной задачей. Героями дня были разведчики и снайперы.

Особенно отличался отвагой и смекалкой командир конной разведки Андрон Михайлович Липатов, впоследствии начальник разведки дивизии. Его взвод не раз врвался в населенные пункты, занятые противником, вносил панику и выходил из короткого боя без потерь.

В частях развивалось снайперское движение. Одним из его зачинателей на Калининском фронте был лейтенант И. М. Сидоренко. В нашей дивизии он подготовил десятки замечательных снайперов, которые наносили ощутимый урон противнику. Они охотились прежде всего за офицерами. Сам Сидоренко ко времени присвоения ему звания Героя Советского Союза уничтожил 383 фашиста, а подготовленные им снайперы 1122-го полка истребили более двух тысяч солдат и офицеров противника. В частях и подразделениях распространялась листовка-обращение «Будем такими, как наш учитель». Особенно необходимы были снайперы в Велиже. И не случайно, что это движение возникло в 1122-м полку, когда его первый батальон занял позицию на северо-западной стороне города.

Немало подвигов совершили бойцы, командиры и политработники 1126-го полка. Так, связист, сержант Иван Пьявка забросал гранатами штаб подразделения противника, был тяжело ранен и умер на руках своих боевых товарищей. Группа бойцов, ведя неравный бой, нанесла противнику заметный урон, но вся погибла (Ф. Седов, А. Никольский, Н. Мешков, Н. Михайлов, К. Прекуль). Пять бойцов из наблюдательного пункта артиллерийской батареи были внезапно атакованы ротой гитлеровцев. Смертью героя пали Садриев, Редько, Бычков. Подоспевшее подкрепление дало противнику решительный отпор, уничтожив десятки его солдат.

В штабе 4-й Ударной, обсуждая ратный труд бойцов и командиров дивизии, отмечали высокий уровень создания в болотистой местности огневых точек, взаимосвязанных между собой, инициативу командира Н. М. Мищенко, теперь уже генерал-майора. Он лично занимался разведротой и полковой разведкой, считая, что необходимо — и очень опе-

ративно — иметь сведения не только о силах противника, но и о его повадках в этом особенно трудном по топографическим особенностям участке обороны.

На первых порах к нам с проверкой, различными требованиями довольно часто выезжали офицеры из 4-й Ударной армии. По их наблюдениям, штаб производил хорошее впечатление — слаженностью в работе, подготовкой личного состава отделов и служб Управления, оформлением документации.

Конечно, порой и у нас не обходилось без курьезов, а то и несуразностей. Помню, однажды в 4-е отделение явилась машинистка Особого отдела и заявила: ее начальник приказал принести ведомость боевого и численного состава дивизии. Разумеется, мы с моим помощником Шарафутдиновым разъяснили, что такой документ дать не можем. Она ушла, а через некоторое время начальник позвонил мне и, угрожая, потребовал этот документ. Моих объяснений он либо не хотел, либо не мог понять. Пришлось отправиться к начальнику штаба. Он подтвердил, что сведения о боевом и численном составе даются только командиру, комиссару и начальнику штаба, и посоветовал доложить об этом инциденте комдиву. Генерал возмутился. Тут же приказал адъютанту вызвать начальника Особого отдела. Генерал потребовал, чтобы он принес мне извинения. Когда мы вышли от комдива, начальник в грубой форме сказал мне, будто проявлено непонимание его особых прав и полномочий. Так он и не понял, что речь шла не об амбиции, а о существенном и принципиально важном во взаимоотношениях с отделами штаба. Вскоре однако этого начальника сняли с занимаемой им должности и откомандировали из нашей дивизии.

Подобные факты вызывали протест, открытое осуждение. О начальниках-невеждах писали в письмах, в дневниках. Недавно появилась публикация записок Льва Успенского, которые он вел с осени 1941 по июль 1943 годов¹. «Разговор с бригадным комиссаром Ф. малоприятный, — заявляет он в записи от 29 ноября 1941 года. — Не люблю невежд, поставленных на пьедестал администрации и полагающих, что высокое положение заменяет голову...» А в записи от 23 декабря подмечено то, о чем мы не раз говорили и в своем штабе: «Масса бойцов, солдатская масса всей душой жаждет обожать командира. Стоит ему быть хотя бы сносным, она уже сочиняет о нем легенды. Надо быть

---

¹ Нева, 1987, № 3, с. 172, 175.

дубиной или негодяем стопроцентной марки, чтобы тебя не любили».

Огорчало и то, что мой законный отказ начальнику оказался «основанием» считать меня «неудобным» и «неудобным». Каждый мой шаг и критические замечания теперь «учитывались». Ну, а если бы я передал секретный документ машинистке? Несомненно, мое место оказалось бы в штрафном батальоне. Бывало ведь и такое.

Конечно, эти отдельные служебные «несуразности» не мешали общему подъему настроения. Стояла на редкость теплая, сухая осень. Золотились окрестные леса. Особенно «пылали» клены и молодые осины. Пospели орехи, на рябинах свисали тяжелые красные гроздья. А каких только грибов не встретишь в здешних местах! На мху, как на перинах, нежилась чудодейственная клюква. Все в природе отрицало войну, смерть, страдания.

Хорошая осень всегда благотворно влияет на духовный настрой людей любых занятий. Не только в штабах, но и на передовой в ротах и батальонах возрос с конца лета поток писем с фронта и на фронт. Наша полевая почта снабжала воинов разнообразными открытками и конвертами, листками почтовой бумаги. Но чаще всего отправлялись письма-треугольники. Фронтовые письма — это доверительное откровение и исповедь, настроения и чувства воинов. Родная земля, природа с ее неиссякающей красотой обновления жизни были неотделимы от людей на войне, и в родной природе черпали люди силу в борьбе с заклятым врагом.

Письма из тыла всегда были желанны и поднимали боевой дух воинов. У нас, в 4-м отделении, мы читали их вслух, обсуждали. Мы знали, у кого кто остался в тылу, в чем нуждается, кому чаще пишут. Радовались, что на Средней Волге, как и по всей стране, люди напряженно трудятся, не хнычут и нас зовут бить врага беспощадно. В такой нерасторжимости фронта и тыла мы видели залог скорой Победы.

После боевых действий в районе Будницы была проведена новая перегруппировка, и части дивизии оборонялись вплоть до лета 1943 года на рубеже озера Карачево и деревень: Тимохи, Дрозды, Верхнее Ольгово.

В октябре часто приходилось выезжать в полки и разведроту дивизии. Мы вновь встречались с Илюхиным и его комиссаром Соловьевым, с майором Коржиком, капитаном Поршневым и другими офицерами, с которыми познакомилась еще в Казани. Многие бывшие командиры взводов уже

командовали батальонами, другие работали в штабах полков. Встречалось немало командиров из запаса. Все они по-настоящему возмужали и выросли: за плечами был самый трудный за всю войну год. Особенно радовали артиллеристы и разведчики, настоящие мастера своего дела.

Как-то, будучи в арtpолку, я встретил его комиссара Окунева и узнал, что студент-историк Казанского университета Сергей Бурматин служит в батарее. Больше того, является одним из лучших политработников, в беседах с бойцами охотно использует свои знания по истории о героическом прошлом народа. К сожалению, мне так и не удалось повстречаться с ним, а в начале 1943 года он пал смертью героя¹.

Во время боев у белорусской деревни Тимохи разведчики наткнулись ночью в лесу на спящего мальчика. Оказалось, скрывался от немцев. Отец и мать его были расстреляны фашистами, а сестренку и брата он потерял, когда население деревни бежало в лес при очередном налете карателей. Мальчику было 12 лет, звали его Колей. В разведроту его встретили как родного. Портной сшил по росту шинель, гимнастерку и брюки. Сапожник стачал сапоги. Вскоре о мальчике узнали в штабе дивизии. Было решено взять Колю в штаб. Впоследствии его усыновил генерал Мищенко.

Заканчивался октябрь. Приближалась 25-я годовщина Советской власти. Ожидали приезда высокого начальства. Действительно, Ю. З. Новиков сообщил, что в ближайшее время в дивизию придет командующий армией генерал-лейтенант В. В. Курасов, он будет вручать награды. Согласно спискам мне предстояло приготовить 259 орденов и медалей.

Вскоре такой торжественный момент в дивизии, приуроченный к годовщине Великого Октября, наступил. Во все полки и подразделения были переданы указания о сборе награжденных на опушке леса, около дома пасечника, недалеко от штаба дивизии. К установленному часу более двухсот отличившихся в боях воинов построились в каре. Посередине стоял стол, табуретка и скамейка. На столе в специальном мешке — ордена и медали, тут же в папке списки награжденных.

---

¹ Имя С. Бурматина навечно занесено в список павших преподавателей и сотрудников Казанского университета. Мемориальная плита установлена при входе в исторический Актовый зал Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина.

Командарм ждать себя не заставил. Он прибыл с полковником Генштаба, адъютантом и охраной. После короткого посещения штаба направился к каре. Последовали приветствие и поздравление. В краткой речи генерал Курасов высоко оценил мужество и героизм личного состава дивизии.

Началась церемония вручения наград. По списку назывались фамилия и награда. Воин выходил из строя вперед и останавливался в двух метрах от стола. Я подавал медаль либо орден Курасову. Командарм прикреплял награду к шинели, благодарил воина и пожимал ему руку. Награжденный отвечал: «Служу Советскому Союзу!» — и становился на свое место. Дошла очередь и до Коли Мищенко. Озаренный счастьем, он бодро подошел к командарму. Чтобы прикрепить ему медаль, генералу пришлось нагнуться. Звонким детским голосом Коля почти прокричал: «Служу Советскому Союзу!» — и также проворно занял свое место в строю. Пожалуй, это была самая волнующая минута. Вручение наград закончили к вечеру.

Командир дивизии пригласил командарма и нашу группу в дом, где были накрыты два длинных стола. За обедом состоялся непринужденный разговор с полковником, сопровождавшим командарма. Его заинтересовала моя работа до войны. Узнав, что начальник 4-го отделения — старший преподаватель и замдекана исторического факультета Казанского педагогического института, он доверительно поведал мне, что Генштаб организует в штабах армий и фронтов специальные отделения по изучению опыта войны и истории военных действий. Такое отделение в ближайшее время надо организовать и при оперативном отделе штаба 4-й Ударной армии.

Обед был закончен. Курасов и Мищенко покинули дом. За ними вышли полковник и начштаба дивизии. Спустя две-три минуты подозвали меня, и полковник сказал: «С командующим вопрос согласован, на днях вас вызовут в оперативный отдел штаба армии».

Так наметился поворот в моей службе.

Я знал: командир дивизии к переводам его подчиненных относился болезненно. Он готов был сделать все зависящее от него, чтобы только перевод не состоялся. Начальник штаба Новиков реагировал по-другому. Будучи патриотом дивизии, он, однако, понимал неизбежность перемещения отдельных офицеров, считал, что раз из штаба дивизии переводят в штаб армии, значит, признают высокую подготовку его подчиненных.

Разговор с Новиковым и начальником политотдела Москвиным убедил меня, что с их стороны «упреков» не последует, более того, оба намекнули, что будет совсем неплохо, если «наш человек» займется историей военных действий. Во всяком случае, можно рассчитывать на вполне объективное и достаточно полное описание боев, проведенных частями 334-й дивизии.

До разговора с начальником штаба у меня не было сомнения, что он будет повышен в должности. Теперь в ходе беседы стало ясно: в 334-й дивизии он продержится недолго, скорее всего, до первой крупной перегруппировки или большой наступательной операции.

Как-то вечером меня вызвал генерал. В свободное время Николай Михайлович любил вести спокойный доверительный разговор за шахматной доской. В этот раз разговор был трудным. Сначала он спросил: почему я не отказался от предложения полковника Генштаба? Потом начал упрекать за то, что я будто бы не любил свою работу, недостаточно уважительно к нему относился, «... не так, как к Новикову».

Николай Михайлович, видимо, знал, что его уважают за личную храбрость, но не «боготворят», как это было в первые месяцы формирования дивизии. Расстались мы холодно.

Пришло письмо от бывшей моей ученицы, студентки филологического отделения Казанского университета. Оно помогло мне окончательно утвердиться в целесообразности перехода на работу, очень близкую к моей профессии и деятельности накануне войны. Я тут же ответил: «Когда читаю восторженные слова о ваших учителях в университете, академике Б. Д. Грекове (у которого я научился смотреть в глубину истории нашей), Е. В. Тарле, Е. А. Косминском, профессоре Б. Ф. Поршневе, когда читаю о конференциях на историко-филологическом факультете, сердце мое шепчет, охватывает грусть и тоска, хочется быть среди вас... страстно работать и помогать вам, как прежде».

Однако до получения распоряжения командующего прошло почти две недели. Части дивизии в условиях осенней распутицы осваивали новые участки обороны. На этот раз в лесисто-болотистой местности, на границе Смоленской и Витебской областей. Наша дивизия в составе 4-й Ударной армии первой ступила на землю многострадальной Белоруссии. Запомнился переезд в деревню Тимохи. Повозки с трудом передвигались по заболоченным лесным просекам, увязали колесами. Хлестал холодный изматывающий

дождь. Уже в сумерках, промокшие и иззябшие, мы втянулись в деревню, не зная, где размещаться, где искать тепло и приют.

Рядом с нашим домом оказался политотдел. Майор Григорьев вечером пригласил на чай. В избе было тепло, горела десятилинейная керосиновая лампа. На лавке лежала кипа газет. Разговор шел о новом произведении о войне. Кто-то показал повесть Ванды Василевской «Радуга». Потом перешли на Сталинградскую битву. По последним данным, величайшая битва на Волге завершается нашей победой. Еще трудно было понять и оценить в полной мере историческое значение Сталинградской эпопеи, но нас вдохновлял невиданный массовый героизм советских людей. Мы верили: происходит великий перелом в ходе войны, и не сомневались, что впереди последуют наступательные операции Красной Армии.

В Тимохах наш уважаемый всеми начальник 48-й полевой почты Мирсияпов вручил мне письмо из Казани. Это был ответ студентки Гали Грошевой на мое длинное послание бывшим питомцам школы имени Белинского. Она хотела успокоить, снять мою озабоченность, рассказав о своих сверстниках и подругах: «Многие из нас добровольно идут на фронт. Так, четверка выпускниц 19-й школы работает сейчас связистами на фронте: Лидюкова, Андреева, Порсева, Косолапова. Галя Андреева — лейтенант, член партии, она переписывается с И. Эренбургом, недавно получила от него «Падение Парижа» с автографом. Порсева и Косолапова награждены медалью... На днях еще проводили двух студенток... на Сталинградский фронт и двоих добровольцев в школу лейтенантов». Далее говорилось о защите диссертации моим коллегой по институту М. Д. Бушмакиным на тему: «Внешняя политика Генриха IV», о научной сессии, посвященной 25-летию Октябрьской революции, о нововведениях Комитета высшей школы, о вышедших книгах.

На химфаке, сообщала Галя, вожак комсомольской организации Галя Благовещенская. Она приходила в октябре 1941 года в штаб 334-й дивизии на ул. Миславского и рассказывала мне о патриотических делах бывших выпускников 19-й школы, об учителях, моих коллегах в довоенные годы.

Все это радовало в канун Нового 1943 года.

Вскоре уже из оперативного отдела штаба 4-й Ударной армии я написал в Казань ответ, в котором сообщал: «Наступление Нового года совпало для меня с переходом на новую работу...»

В ШТАБЕ 4-й УДАРНОЙ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ АРМЕЙСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Морозным солнечным днем накануне Нового года выехал я в штаб армии с надеждой и затаенной тревогой. О работе в большом штабе имел лишь общие представления. В составе оперативного отдела было немало офицеров запаса. По свидетельству начальника отдела полковника В. К. Португалова, «запасники» не уступали по уровню подготовки многим нашим кадровым офицерам. Дополнение кадровых «запасниками» (специалистами народного хозяйства) шло по линии обмена знаниями, расширения эрудиции, обогащения культурой в целом.

Как отмечалось в одном из приказов Верховного Главнокомандующего, в 1943 году наша армия стала кадровой. Среди моих новых коллег были преподаватели высшей школы, научные сотрудники, инженеры и другие специалисты народного хозяйства, науки и культуры¹.

Штаб 4-й Ударной армии находился в те дни в большом селе Алексеевское Смоленской области. Оперативный отдел располагался в пятистенном доме, в конце верхней террасы, выходявшей на улицу. Разбросанность строений, свободный обзор деревни, ограниченность передвижения машин и повозок — все это не должно было привлекать воздушной разведки противника. Каждое утро около 9 часов «Фокке-Вульф», или как мы называли — «рама», облетал деревню, иногда сбрасывал листовки и уходил на запад.

Начальник оперативного отдела Португалов, разъясняя задачи нового отделения по изучению опыта войны и истории военных действий, обещал оказывать необходимую помощь. Его требование — тщательно изучать все без исключения документы, поступавшие в отделы штаба, в том числе и шифровального 8-го отдела, обращаться постоянно к направленцам и офицерам, составлявшим оперативные

---

¹ В 1943 году в штабе 4-й Ударной армии почти все офицеры имели высшее образование.

сводки,— определяло объем и стиль работы помощника по истории военных действий.

Пока Португалов являлся начальником отдела, мне приходилось встречаться с ним часто. Обсуждались итоги, давались оценки действиям войск, затрагивались вопросы военной истории, которую начальник отдела знал превосходно.

Генерал В. М. Седов, вспоминая свою службу в оперативном отделе 4-й Ударной армии, отмечал высокую профессиональную подготовку, культуру и интеллигентность начальника отдела, его индивидуальный подход к подчиненным, стремление развивать их инициативу, постоянно совершенствовать специальную подготовку. Сам начальник, по оценке Седова, скрупулезно работал «над каждым словом, строкой, фразой донесения или сводки, добываясь четкости, лаконичности и правдивости документов».

По признанию Португалова, у него «...всегда было обдуманное с историками мнение, с которым при необходимости он выступал перед командованием армии в дни разработки планов и принятия решения на боевые операции войск».

Начальником нового отделения по обобщению опыта и истории боевых действий войск в составе оперативного отдела являлся кадровый офицер, подполковник Нечаев. Он не отличался умением запросто входить в контакт, говорил сдержанно. Но это не мешало ему быть чутким и отзывчивым, не лишенным юмора и наблюдательности человеком. При первой беседе с ним я заявил откровенно: не знаю, справлюсь ли с обязанностями. В одном был уверен — описании отдельных боевых подвигов. Еще в штабе 334-й дивизии мне приходилось постоянно составлять или редактировать наградные листы. Подполковник Нечаев улыбнулся: «Не боги горшки обжигали». На мою реплику, что этим делом занимались мастера, заметил: «В отделе все заинтересованы и будут оказывать любую помощь».

Действительно, уже первые недели службы в штабе армии показали, что в отделе трудился спаянный коллектив информаторов и направленных.

Мне довелось работать в паре с писателем-очеркистом Иваном Жига-Смирновым, москвичом. Необычайно сложной и трудной, наряду с ведением Журнала боевых действий (ЖБД), была подготовка рукописи — с приложением карт, схем, фотографий — боевого пути армии с декабря 1941 г. до конца 1943 года.

Прикомандирование к оперативному отделу И. Жига-

Смирнова связывалось с заинтересованностью нашей работой члена Военного совета 4-й Ударной армии полковника И. А. Стулова, в прошлом первого секретаря Витебского обкома ВКП(б). Члена Военного совета беспокоила полнота информации и оценка взаимодействия армии с партизанскими бригадами и отрядами Смоленщины и Белоруссии. В частности, речь шла о событиях 1942 года в районе Демидов, Рудня, Яновичи, Сурож-Витебский, с одной стороны, и Усвяты — Невель — с другой. В то время в полосе 4-й Ударной армии действовала 314-я дивизия ночных бомбардировщиков (командир дивизии С. Ф. Плахов), которая выполняла задание штаба партизанского движения.

Вскоре стало известно, что весьма важной информацией по интересующему нас вопросу обладает майор госбезопасности С. С. Бельченко, но встретиться и поговорить с ним так и не удалось¹.

Заместителем начальника оперативного отдела был подполковник С. Г. Себик, кадровый офицер, получивший военное образование в Академии имени М. В. Фрунзе. По своим личным качествам он заметно уступал начальнику отдела — никогда ни с кем не советовался, считал, что его указания всегда безупречны. Однако дело знал.

На первых порах, кроме упомянутых начальников, привлекал мое внимание майор В. М. Седов, который составлял в штаб фронта ежедневные боевые донесения и подробные ежемесячные оперативные сводки с приложением отчетной карты. Седов прибыл из 51-й стрелковой бригады, сформированной осенью 1941 г. в Нурлат-Октябрьском районе ТАССР. В феврале 1942 г. он участвовал в тяжелейших боях на шоссе Велиж — Витебск.

То, что в 1941 году после ранения он лечился в госпитале в Пензе, где в то время лежал и я, а затем мы участвовали в формировании новых частей на территории ТАССР, сыграло определенную роль в нашем сближении и дружбе.

Из всех оперативников Седов, пожалуй, был самым спокойным, собранным и по-своему застенчивым офицером. Говорил Виктор сравнительно мало, любил больше слушать, не чурался веселого смеха. В свободные минуты он играл на мандолине, всегда с улыбкой, сидя на краешке табуретки и чуть подавшись вперед. Когда заканчивал, непременно обводил взглядом слушавших, как будто хотел

---

¹ Во время недавней встречи с генерал-полковником С. С. Бельченко у него дома в Москве мы долго говорили об особенностях связи с партизанами 4-й Ударной армии в 1943—44 гг.

удостовериться: понравилось ли? Играл он превосходно старинные вальсы, народные песни и, конечно, новые, военные. Его по-настоящему, без оговорок, уважали и любили, доверяли свои сокровенные мысли. Несомненно, Виктор принадлежал к той сравнительно небольшой группе штабистов, которые являлись неформальными лидерами и оказывали благотворное влияние на сплочение коллектива, на поддержание духа взаимной помощи в работе. Нас с первых дней знакомства сближала работа. Он постоянно помогал мне в сборе материала для поденных записей в ЖБД, а затем и для написания истории боевых действий войск армии за два года.

Овладевать стилем, лаконичным военным языком помогал мне майор Б. Г. Соловьев, по характеристике В. К. Португалова, — «человек знающий, думающий и отлично владеющий пером». Но с ним я встречался реже. Словом, в отделе было у кого и чему поучиться.

Первая половина 1943 года прошла в осмыслении и обобщении боевого опыта. Все отделы штаба и Управления армии в основу боевой и политической подготовки войск, отдельных операций, особенно разведывательного характера, стремились вносить опыт Торопецкой, Велижской наступательной и Велижской оборонительной операций. Этим объясняется та высокая ответственность, которая была возложена на офицеров-оперативников, изучавших оперативно-тактический опыт и историю военных действий.

Работая с И. Жига-Смирновым, мы занимали отдельную избу. Кажется, нам ничто не мешало, кроме ежедневных, ставших теперь назойливыми, налетов небольших групп, либо одиночных «Юнкерсов-87» вражеской авиации.

Б. Г. Соловьев вел карту фронтов, регулярно отмечал перемещение линии фронта на Запад и освобождение наших городов. Он был главным информатором хода второй мировой войны.

В оперативном отделе, как и во всем штабе, с радостью и гордостью говорили о разгроме и капитуляции немецких войск в Сталинграде, о приказе Верховного Главнокомандующего в связи с Днем Красной Армии.

Много толков вызвало введение погонов. Иван Жига-Смирнов вспоминал, что четверть века назад он срывал «золотые погоны» в Ревеле с офицеров гарнизона. Мне приходилось давать своего рода историческую справку и объяснять, чем вызвано введение генеральских и офицерских званий и погонов.

День Красной Армии совпал в 1943 году с 25-летием образования новых, Советских Вооруженных Сил, — РККА и Военно-Морского Флота. Этот праздник мы отмечали с самым хорошим настроением, и в своих письмах родным и близким с гордостью называли и разгром фашистской группировки под Сталинградом, и прорыв блокады Ленинграда.

Накануне праздника меня вызвали в политотдел и дали партийное поручение — постоянно проводить беседы и лекции для офицеров штаба.

Истекал срок моего кандидатского стажа, и в начале марта я получил партийный билет. Конечно, это событие было для меня одним из самых значительных и ярких в первые дни работы в оперативном отделе.

Наступило 8 Марта 1943 года. Вместе с мужчинами наши женщины вот уже двадцать месяцев сражались на полях войны за честь и свободу Родины. Я выступил перед ними с докладом. Говорил о подвигах Зои Космодемьянской под Москвой и Лизы Чайкиной — в городе Пено Калининской области, который освободили войска 4-й Ударной армии в январе 1942 г., называл имена Героев Советского Союза москвичек Натальи Ковшовой и Марии Поливановой, снайпера Людмилы Павличенко. Отмечал медицинских работников армии, особенно 430-го медсанбата 334-й дивизии, среди которых военфельдшер Раиса Ибрагимова, медсестра Сазиды Гильязова из Татарии, медсестры Нина Серова и Нина Либман, санинструктор Аня Липатова и др. Накануне праздника Раиса Ибрагимова получила орден Красной Звезды, а Нина Серова в 19 лет принята в ряды ВКП(б).

А сколько других славных имен — разведчицы Людвиги Вязовской, связисток Ани Бобровой, Гали Андреевой. Немало примеров героизма девушек, работавших за линией фронта в партизанской бригаде Бати, в Витебском подполье. В заключение я назвал и наиболее отличившихся на службе в штабе армии, в их числе и нашу чертежницу Ларису Молочкову.

Знакомство с документами за 1942 г. и начало 1943 года приводило к некоторым обобщениям, связанным с особенностями работы штаба армии в начале боевых действий, когда командовал армией генерал А. И. Еременко, а также и в последующее время, когда на посту командарма находились генерал Голиков (кратковременно) и генерал Курасов.

Например, Еременко отдавал предпочтение идеям и их воплощению в планах операции¹. К последующей, отчетной документации он относился не столь взыскательно и придирчиво. Курасов, как ученый (кандидат наук), с безупречной штабной подготовкой, требовал от руководителей отделов и всех, кому он поручал составление тех или иных отчетов и справок, квалифицированных докладов, описаний боев, четкого и красивого оформления схем, карт и т. д.

Еще будучи начальником штаба 4-й Ударной армии, Курасов поручил начальнику оперативного отдела Португалову подготовить карты, схемы и расчеты для разбора Торопецкой операции. Затем продиктовал ему тезисы доклада на предстоящем разборе. Вопросы взаимодействия с соседними армиями и обеспечения левого открытого фланга армии раскрыл сам на нескольких страницах. Все было подготовлено, но в связи с отъездом командарма Еременко, после ранения, разбор Торопецкой операции не состоялся. С другой стороны, как рассказывали оперативники, командарм отдавал предпочтение не столько «классическим» разборам, сколько внезапным наездам в дивизии и заслушиванию там докладов командиров, критике их действий.

Подготовка документации к соответствующим разборам с приходом командарма генерала Курасова велась методично, можно сказать, по негласному плану. Это органично вошло в обязанности оперативного отдела, особенно когда при отделе сформировалось отделение по изучению опыта и истории военных действий. Разбирали операции 1942 года в районе Крестов, под Велижем, а также итоги боев в Предполье, когда войска армии отошли от Понизовья и Демидова к Западной Двине. Уровень отдельных разборов, как можно было судить по документам, был высоким.

В. К. Португалов вспоминал, что последний разбор боев, проходивших летом 1942 года, содержал теоретические рекомендации с разными чертежами, схемами круговой обороны. Он продолжался с утра и до вечера, напоминал хороший учебный семинар и, конечно, принес существенную пользу не только командирам и политработникам, но и работникам штабов всех уровней.

Во время работы над Журналом боевых действий за

---

¹ Это нетрудно заметить и в его последней книге «Годы возмездия». — М.: Наука, 1969.

1942 год, материалами для разборов, а также другими документами не раз приходилось советоваться с Нечаевым, Соловьевым, Седовым и другими офицерами отдела, но только Португалов, высоко ценивший талант командарма Курасова, ставил вопрос на уровень научного осмысления. Он считал, что поденные записи «часто грешат неточностями». И причины тут не только субъективные, но и объективные. Во-первых, собрать все оценки на различных уровнях управления войсками почти невозможно. Часто в ЖБД дивизии записано одно, а в армейском журнале — другое. Это случалось, когда несколько командиров и начальников наблюдали бой на НП дивизии или армии и затем по-разному оценивали обстановку, чья-то оценка через документ перешла в журнал, другие оставались в иных документах, тоже подлежавших хранению.

Однажды во время моего дежурства у командарма В. В. Курасов поинтересовался моей работой до войны. С удивительным знанием дела приводил примеры из историй войн, вспоминал «Поденные записки» Петра Великого, называл Клаузевица и других. Владимир Васильевич стремился уже в ходе войны сделать все возможное для полной и правдивой истории ратного подвига нашего народа. Хорошо помню его предостережение от переоценки или недооценки документов, о необходимости сравнения и сопоставления информации оперативных сводок и донесений политотдела и т. д. Впоследствии я выяснил: наш командарм читал лекции по военной истории, знал источниковую базу и приемы работы с военными документами. Думается, что и характер этой незабываемой беседы отчасти определялся тем, что он убедился в необходимости профессиональной подготовки нового «армейского летописца».

Командующий армией, несмотря на свою занятость, находил время для встреч с офицерами оперативного отдела и, прежде всего, с теми, которые были взяты в отдел уже после того, как он передал дела начальника штаба генералу Глинскому. Вскоре после назначения в оперативный отдел Соловьева Б. Г. Курасов вызвал его к себе и предложил пройти к его столу, сесть на стул. В это же время командарм давал указания начальнику штаба Инженерного управления, подполковнику Тутевичу, и уже не раз поглядывал на записную книжку, в которую тот вносил его распоряжения. Наконец он прервался и попросил у подполковника карандаш. Осмотрел его и, взяв на столе лезвие, не торопясь стал затачивать. Тутевич просидел в

явном смущении, пока генерал не передал ему тщательно заточенный карандаш, и тут же спокойно сказал: «Таким карандашом вам будет работать удобнее и записи будут достаточно четкими». Спустя много лет Б. Г. Соловьев вспоминал: «Преподаанный урок штабной культуры мне запомнился на всю жизнь». А тогда, отпустив подполковника Тутевича, командарм задал ряд вопросов по службе в армии, поинтересовался образованием, гражданской деятельностью, дал ценные указания, как изучать опыт боевых действий. Затем он встал из-за стола и, прощаясь, посоветовал проявлять инициативу и настойчивость в поиске эффективных форм работы и оперативно доводить их до командного состава батальонов, полков, батарей и других подразделений.

Наступила годовщина Ивановской имени М. В. Фрунзе 332-й стрелковой дивизии. На празднование вместе с командармом В. В. Курасовым приехал член Военного совета М. В. Рудаков. Более ста бойцов, командиров и политработников прославленной дивизии получили награды, которые вручил член Военного совета. Это было 20 августа 1942 года. А в канун Нового 1943 года вновь в дивизию приехал В. В. Курасов и вручил награду особо отличившимся воинам. На этот раз после удачного боя у деревни Жгуты, а также состоявшейся разведки боем в районе деревни Маклок. Рассказывали, что незадолго до этих событий Владимир Васильевич распорядился, чтобы разведчикам объявили о предоставлении отпуска на 10—15 дней.

О разумной требовательности, доброте, великодушии, такте, душевном чутье нашего командарма говорили часто и много. Говорили и в штабе армии, и в войсках. В этой связи как не вспомнить мысль биографа Наполеона Огюста Форнье: «О человеческом мы узнаем от людей, а не из ведомств». Нельзя забыть отношение командарма и к моей просьбе — выехать в Казань на три дня по семейным обстоятельствам. Он не только дал согласие, но и разрешил использовать самолет ПО-2 до станции Ржев.

Однажды во время моего дежурства у В. В. Курасова явилась бывшая машинистка 4-го отделения штаба 334-й дивизии. Она нарушила воинскую дисциплину, покинув дивизию, не имея на то официального разрешения, и работала в артиллерийском полку. Командование дивизии потребовало сурового наказания. И вот она приехала в штаб армии с повинной.

Я доложил командарму суть дела, передал рапорт старшины-машинистки и поддержал ее просьбу. На рапор-

те появилась резолюция, разрешающая машинистке продолжать службу в полку, которым командовал горячо любимый ею офицер.

В складывавшихся, на первый взгляд стихийно, отношениях между равными по служебному положению начальниками и между их подчиненными порой наблюдались любопытные факты, не лишенные противоречий. Об отношениях В. В. Курасова к начальнику оперативного отдела В. В. Португалову можно было судить даже по документам Торопецкой и Велижской операций 4-й Ударной армии. Будучи руководителем штаба армии со дня ее формирования, генерал хорошо знал уровень подготовки начальника отдела. В самом деле, подлинник текста плана крупнейшей в зиму 1942 года Торопецкой операции, написанный Португаловым, был принят без единой поправки. Под этим документом поставили свои подписи А. И. Еременко и В. В. Курасов. И последующие проекты планов, приказов, распоряжений, которые готовились в оперативном отделе, принимались без существенных поправок.

С отъездом Португалова в оперативное Управление штаба фронта положение несколько изменилось. Войска армии находились в обороне, лишь на отдельных участках фронта происходили бои местного значения, и обстановка вряд ли требовала излишней жесткости в понимании и взаимоотношениях. При новом начальнике оперативного отдела и ему, и его подчиненным работалось нелегко. В коллективе складывалась напряженная, «нервная обстановка». Мы не боялись разумной, пусть жесткой требовательности, но хотели, чтобы проявлялось уважительное отношение к каждому офицеру, чтобы учитывались и развивались сильные стороны личности. Стиль работы С. Г. Себика, как вспоминает генерал В. М. Седов, был несколько иным. Он держал себя высокомерно по отношению к офицерам. Часто к попыткам проявить инициативу или изложить свое личное мнение... относился пренебрежительно, нисходя до унижения достоинства личности офицера...

В деталях помню поразивший всех случай с подполковником Нестеровым, человеком интеллигентным. До войны он работал инженером в Москве. Начальник отдела вызвал его к себе в кабинет. Докладывая, Нестеров употреблял обороты: «Я полагаю...» или «...вероятно, было так...» Это не понравилось начальнику. Он повысил голос и стукнул кулаком по столу, не предполагая, к чему это приведет. Под столом находилась немецкая овчарка, взятая как

трофеей. Нестеров не видел ее, так как со стола до пола свисала оперативная карта. Между тем у собаки был выработан рефлекс на удар кулаком. Собака выскочила и с рычанием и лаем бросилась на Нестерова. От неожиданности он упал, очки его разбились. Несколько минут длилось состояние обморока. Поначалу начальник даже упрекнул его за «малодушие». Как, мол, боевой офицер с оружием мог упасть, увидев собаку. Потом понял, что не прав, извинился, а собаку отправил к разведчикам.

В штабе этот случай вызвал разговоры. Многие офицеры прямо отмечали, что стиль работы и поведение нового начальника опирается на власть, данную ему в условиях войны, что он не понимает главного: необходимости морального авторитета в коллективе. Все вроде продолжалось по-прежнему — субординация соблюдалась, но между начальником и подчиненными пролегла черта отчужденности и недоверия. Настороженность сохранялась и тогда, когда он порой даже пытался быть благодушным.

Конечно, частности не могли заметно отразиться на нашей службе, на выполнении долга, но хотелось жить по-человечески и на войне, тем более — по совести. Само собой, люди, лишенные чувства стыда, готовые ко всему, лишь бы сделать карьеру и получить побольше наград, вызывали досаду. Велись разговоры о жизни и после войны. И тут проявлялись разные точки зрения. Одни мечтали о вольготной, обеспеченной жизни, о том, что ветеранам войны будет «все позволено», иначе говоря, служба на войне будто бы будет «оплачена» по большому счету. Такие стремились приобрести «трофеи», получить в первую очередь «американские подарки» — дефицитную кожаную куртку или штаны, водонепроницаемые светящиеся часы, поступающие в Управление тыла. К счастью, таких людей было немного. Подавляющему большинству подобное бытовательское потребительство претило, вызывало чувство омерзения. Лично мне казались кощунственными «материальные вожеления» отдельных штабистов, когда ежедневно приходили из дивизий сводки о гибели сотен, а во время армейских операций — тысяч наших солдат. И, видимо, не случайно, что даже во фронтовых письмах нередко ставились вопросы чести и совести, долга перед другими и перед собой. К слову, в нашей литературе о минувшей войне ставились и решались попутно вопросы, связанные с подобной ситуацией, особенно в публицистике и романах К. Симонова. Словом, затаенная тревога о человеческих отношениях в семье, в коллективе, на службе не

покидала многих. Какими мы придем с войны и как пройдем по жизни? А вдруг «стиль» нашего нового начальника не уступит, не сойдет с дороги новой послевоенной жизни?

Но общий «настрой» был таков: вникать в подобные вопросы считалось «непозволительной роскошью». Кончится война, начнется новая мирная жизнь — вот тогда и разберемся в тонкостях отношений между людьми на всех уровнях.

КОРЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

С наступлением весенней распутицы в полосе армии отмечалась «...редкая ружейная и пулеметная перестрелка». В моем письме от 5 апреля, посланном из деревни Алексеевское, были некоторые наблюдения о противнике: «Участились случаи перехода немцев в плен. Не так давно разговаривал с одним поляком, перешедшим на нашу сторону. Он рассказывал о тяготах войны и сообщил, что уже несколько месяцев назад (то есть в конце 1942 года), когда был дома под Краковом, на семейном совете решили о его побеге. И вот он у нас... Перебежчики-немцы заявляют: война для Германии проиграна, потому нет смысла дальше воевать. Однако фрицы продолжают упорно обороняться и зарываются поглубже в землю».

Эти наблюдения отражали истинное положение. Действительно, на нашем фронте противник готовился к продолжительной обороне. Немецкое командование понимало: летом или в начале осени наши армии перейдут в наступление.

Разгром войск Фон Паулюса и Манштейна под Сталинградом и отчасти в Донбассе вызвал заметный упадок морального духа в войсках группы «Север».

Письмо, отправленное в Казань 23 апреля, было другого содержания: «...Чувствую, как глубоко в моей натуре заложены черты народной жизни этого края. Отсюда вышли лучшие современные наши поэты: Твардовский, Исаковский, Рыленков. В стихах последнего о России много такого, что можно почувствовать до боли только в этих местах... Впрочем — глушь, фон серый... На нем ярче краски прошлого и сильнее воспоминания». И тут же: «Фронт спокоен. Люди думают, как бы больше убить фрицев и как бы засеять пустующие поля...» «Армия живет напряженной жизнью, сложной, гигантски сложной борьбы...» «Новые «военные реформы» заметно влияют на раздумья и поведение людей».

Ветераны войны помнят, что нам запрещалось вести

дневники. Но возросшая в этом потребность заставляла искать свои новые формы. И наши размышления по широкому кругу вопросов фронтовой жизни нашли свое выражение. Мы стали обращаться к черновикам писем родным и друзьям в тылу и на фронтах. Благодаря этим наброскам сохранилась ценная информация. Один из таких «неоформленных» документов датирован концом апреля 1943 года. В записи сказано: «Первый том (История 4-й Ударной армии), примерно на 250 страницах машинописи, охватывает события 25 дней». Это значит — Торопецкая и наступательная Велижская операции. Затем: «Располагая сейчас интересными материалами по партизанскому движению, а также о зверствах немецкой армии в занятых перед нами районах». На самом деле, в первую часть рукописи входил раздел по образованию 4-й Ударной армии — выразительная характеристика дивизий: 249-й, 332-й Ивановской имени М. В. Фрунзе, 360-й Оренбургской, 334-й Казанской, 358-й, сформированной в Бугуруслане, 51-й стрелковой бригады из Татарии и др. Описывались сосредоточения дивизий в районах, перегруппировка на ходу разработки Торопецкой операции и, наконец, 9 января 1942 года — первый день операции — и последующее развитие боевых действий до 1—5 февраля 1942 года.

Далее сказано: «Продолжаю заниматься «собираательством», однако это побочное занятие, на которое мало остается времени. Главная тема — бои! Что вмещало это слово — «собираательство»? Это «хобби» многих запасников — историков, литераторов, лингвистов и др. Писали «записки», маскируя, как уже говорилось, в форму черновых набросков писем, местный фольклор, копии характерных документов, меткие крылатые выражения. Так, например, отмечено, что на одном из разборов очередной военной операции генерал А. И. Еременко резко критиковал действия одного из подчиненных ему генералов и обобщил критику словами: «Там, где надо было действовать сжатым кулаком, вы били растопыренными пальцами». Собирали фотографии с помощью политотдельцев и работников армейского клуба и др. Увы, далеко не все было привезено с войны, да и привезенное тоже сохранилось не полностью.

В записках-набросках для писем немалое место отводилось природе и погоде: «За окнами холодная, сырая весна. Грязно. Прибалтийские ветры день и ночь гонят лохмотья облаков на восток». Наконец, топография местности: «Вокруг бледная, пересеченная холмами равнина,

окаймленная лесными массивами. Бедный край, но в нем много стародавнего русского духа».

В последнем апрельском письме я сообщал в Казань: «Настроение окружающих самое бодрое. Люди как-то выросли, поумнели, стали интереснее». Это — об офицерах штаба армии, о кадровых военных и тех, которые в первую мировую войну назывались «чиновниками военного времени», о специалистах народного хозяйства. Тогда же было написано: «Первую часть заканчиваю... В мае (и летом) должен сделать столько же...»

Мой коллега по работе над рукописью Иван Жига-Смирнов с наступлением распутицы чувствовал недомогание, жаловался на головные боли и постепенно утрачивал интерес к работе. Как-то он сказал: автор не нуждается в помощи, стилем владеет и править его незачем. Отчасти он был прав. Нужна была помощь по сбору материалов в войсках, но по возрасту и состоянию здоровья этот милый человек не подходил для частых поездок и командировок. В мае 1943 года я остался один. Пришлось совмещать ведение Журнала боевых действий и их описание в Торопецкой операции и до январского 1943 г. «дела» в Велиже. Дальнейшая служба старого солдата, участника Октябрьской революции Ивана Жига-Смирнова мне не известна, но близкое знакомство с ним, доверительные разговоры, советы и его яркие рассказы о прошлом живут в памяти и поныне.

Накануне 1 Мая я отправился в свою родную 334-ю дивизию. Цель командировки — привлечь дополнительные сведения о боевых действиях, начиная с 9 января 1942 года. Проверить, кем и как ведется Журнал боевых действий и др. Запомнилась встреча с командиром 1126-го полка майором Илюхиным. Он «признавался», что отношения его, как впрочем и других командиров, с комдивом Н. М. Мищенко сложные, и хотел сдать полк и уехать на учебу. В штабе дивизии друзья также доверительно сообщали: работать стало трудно.

То, что отношения комдива со многими командирами были действительно трудными, вскоре подтвердилось — генерал Мищенко оставил дивизию, получив назначение в один из сформировавшихся стрелковых корпусов.

Поездка в свою Казанскую дивизию оказалась полезной для завершения работы над рукописью по Торопецкой и Велижской операциям. А встречи с друзьями натолкнули на размышления. Как заметно переменялись отношения за прошедший год. Вспомнилось: осенью 1942 года в

штабе шли разговоры о сенсационной пьесе А. Корнейчука «Фронт». В спорах сталкивались почти взаимоисключающие оценки. Кое-кто, в том числе и комдив Мищенко, проявляли настороженность, вероятно, полагая, что столь откровенная критика наших недостатков в начальный период войны может повредить субординации, вызвать раздумья, которые многим начальникам представлялись в те дни «излишней роскошью». Наиболее откровенно выражал такие опасения начальник разведотдела И. Д. Чуйков. Но в его личных отношениях с подчиненными как раз преобладала поддержка смелого поиска, даже дерзкой инициативы.

Как «запаснику» и по профессии историку, мне казалось, что Корнейчук поставил очень острые, большие проблемы, утверждая в конечном счете веру в победу над заклятым врагом. Более того, я был убежден, что жизнь заставит пойти дальше в утверждении нового во имя Победы. Не раз, как уже отмечалось, шли разговоры с начальником штаба Новиковым. Он не поддерживал намеков, что и в 334-й дивизии есть свои (в определенной степени) Иван Горлов и молодой генерал Огнев. При такой мысленной примерке — сопоставлении — нашим Огневым представлялся именно Новиков. Но Юрий Захарович считал в целом пьесу своевременной и, безусловно, полезной.

Как-то мне пришло письмо из Москвы с информацией о первой постановке пьесы «Фронт» в Московском художественном театре. Роль Ивана Горлова исполнял народный артист И. М. Москвин. В письме сообщалось, что на спектакле было много военных, в том числе фронтовиков, по преимуществу «старых» офицеров и генералов. Безразличных не было. Пьеса вызвала горячие споры, затронула глубинные чувства и эмоции. Это был яркий пример того, как художественные образы выполняли свою функцию в историческом процессе, как «образ» оказывал воздействие на изменения в военной психологии и обыденном сознании руководящего состава в войсках.

Можно сказать, что к началу 1943 года уже отрицались казавшиеся незыблемыми генералу Ивану Горлову постулаты: «Солдаты не едят, а воюют», «Действуй без рассуждения» и т. д. И даже те немногие работники управлений и штабов соединений, которые поначалу были встревожены осуждением старого и пафосом утверждения нового стиля ведения навязанной нам войны, понимали: раз газета «Правда» опубликовала пьесу, а заглавный столичный театр поставил по ней спектакль, надо пере-

страиваться, как говорили тогда, на ходу, в деле, вести поиск оптимальных решений и действий по разгрому врага.

В оперативном отделе штаба 4-й Ударной армии мне не раз приходилось участвовать в спорах вокруг образов Горлова и Огнева. И в начале 1943 года еще не всегда считались с необходимостью приобретать прежде всего моральный авторитет, а не только полагаться на силу власти в отношениях с исполнителями. Только «гордыня» и «самоуверенность», а значит, нежелание поддержать разумную инициативу сразу же, морально поощрить подчиненного, объясняет известные просчеты, которые порой дорого обходились... Конечно, подобные явления не были распространены и не имели уже решающего влияния ни в дивизиях, ни в армии и возникали все реже в последующие годы войны.

В мае в штаб армии приехал «Московский театр эстрады». Номера более всего касались семейных отношений фронтовиков. Был «скетч», в котором ярко и с юмором показывалась встреча командира-фронтовика, прибывшего в отпуск, со своей женой. Вдоволь насмеялись и много переживали.

В условиях временного затишья в войсковых подразделениях шла интенсивная боевая и политическая подготовка к предстоящим наступательным операциям. В штабе армии проводились беседы и лекции. Обычно перед слушателями выступали офицеры отделения по изучению опыта и истории военных действий. Это были лекции и беседы, освещающие международное положение, ход второй мировой войны, историю пресловутого «Дранг нах остен», жизнь наших великих полководцев, войну 1812—1814 гг., гражданскую войну 1918—1920 годов. Работники политотдела выступали с темами о руководящей роли ВКП(б) в организации сил и средств для разгрома врага — фашистской Германии, о партизанском движении.

Наступило 22 июня — вторая годовщина начала Великой Отечественной войны. В этот день особенно вспоминалась наша мирная, полная надежд жизнь. Письма, датированные 22 июня в Казань и Москву, были длинными и разнообразными по информации. «Сейчас очень много работы. Помимо основной, повседневной, читаю лекции. Как-то получается так, что чем дальше война, тем ближе занятия довоенного времени».

В конце июня и первой половине июля перемещался штаб: сначала — в деревню Городно, а затем в деревню Поташня. Происходила частичная перегруппировка войск

армии. Это было связано с началом боев на юге и в направлении Смоленска.

В оперативном отделе поговаривали о подготовке фашистами основного удара летом 1943 года в районе так называемой Курской дуги. Наши «прогнозы» сходились на том, что Калининский фронт перейдет в наступление и свяжет силы группы армий «Север», лишит немцев в решающий момент переброски войск на юг, а затем двинется в Белоруссию к «партизанским краям». Эти мечты придавали большой смысл нашей работе и как-то снимали усталость, внутреннюю неудовлетворенность затянувшейся обороной. Короче говоря, все мы наполнялись чувством приближающихся больших перемен и энергией для наступления.

Письмо за 22 июля «зафиксировало» факт проведенной перегруппировки и активизации местных боев, преимущественно разведывательного характера. И далее: «Сейчас мне предстоит очередная работа не менее чем на месяц. Отпуск представляется реальным в сентябре...» Командование и Политуправление армии летом 1943 года разрешало отпуска в первую очередь тем офицерам штаба, которые находились на фронтах с первых дней войны, участвовали в обороне Москвы и разгроме немцев в Московской битве.

В тот же день я получил письмо из Казани от отца. В нем по-крестьянски просто рассказывалось о жизни в городе, о жене моей О. В. Меньшиковой: «...в поведении хорошо, материальные условия скудны и тяжелы»... На войне мы гордились своими отцами и дедами, часто размышляли: как это простые, малограмотные люди умели воспитывать в детях неистребимую и нежную любовь к родному краю, Отчизне, готовность встать на их защиту в дни страшной беды и опасности. Отец мой, Михаил Фролович, эвакуировался из Смоленска с семьей в августе 1941 г. в Казань. Я глубоко уважал его. Потомственный крестьянин, колхозник, он обладал от природы способностью аналитически мыслить, был добрым, отзывчивым человеком. «Мастер на все руки» — говорили о нем в деревне. Отец всегда был готов помочь соседям — мог печи класть, сруб срубить, овчину выделать, кастрировать «баранчиков», «хрячков» и даже «жеребчиков» (это называлось «коновалить»), превосходно стачать сапоги. Обладая идеальным слухом, он играл на скрипке и сам их делал. А скольких моих сверстников, а не только меня, приобщил к народной музыке, научил играть на скрипке. И что приме-

чительно — он хорошо знал историю и культуру Смоленщины, особенно со времени Екатерины II, когда начинался род крепостного мужика Ионы.

Да, рассказы об отцах и дедах, матерях и бабушках нередко занимали наше личное время. У людей обострилась потребность знать нерасторжимую связь прошлого и той обновленной, советской жизни, за которую поднялся народ всей огромной страны.

В условиях обороны (летом 1943 г.) оперативники, располагая свободным временем, много читали. Армейская походная библиотека была достаточно богатой. От «Исторического журнала» до литературных, большой выбор книг, брошюр по отдельным темам. Была представлена и классика. Я читал различную литературу по истории искусства, главным образом, музыки, которая в то время занимала меня. Прочел «Эмигранты» А. Толстого. Умно и легко доходит до сердца, особенно в наши дни. Понравились стихи К. Симонова. Много говорили о послевоенных проблемах, о предстоящей работе. Понимали: «нагрузки» будут предельными — без этого не достичь ни восстановления, ни дальнейшего развития порушенных войной народного хозяйства, науки и культуры. Конечно, война никого не щадит и впереди еще большие жертвы, особенно в войсках, на передовой линии.

В Поташне мы жили вдвоем с майором Б. Г. Соловьевым. Занимали домик у болота, рядом с банями. Метров через четыреста улица сворачивала влево. Тут сохранились большие дома, в которых размещались Управления и службы армии. В нашей избенке стоял мрак: стены были почти черные, лавки тоже. «Красный угол» под образами занимал стол, большой и очень старый, на крестовине. Чтобы забытая хибара обрела жилой вид, мы с усердием скребли и мыли ее. За едой ходили на другой конец деревни. И все-таки это были условия, более благоприятные, нежели те, в которых приходилось жить и работать в 1942 году.

Результаты нашего труда существенных замечаний не вызывали. Считалось, что стилем владеем, пишем грамотно. Претензии предъявлялись нередко к нашему внешнему виду, к выправке и уж очень «цивильной» походке. Успех написания истории боев за два года и ведения ЖБД зависел в большой мере от работы информаторов. Они обеспечивали сбор надежных сведений — о боеспособности и укомплектованности частей, о потерях и болезнях, о снаб-

жении и расположении войск на данное время, о характере местности, погоде и т. п.

Сведения поступали по разным каналам: передавались техническими средствами, доставлялись офицерами связи. Особенно значительными в ряде случаев оказывались записи указаний и распоряжений командарма, членов Военного совета, начальников служб и управлений во время их выездов на места, на передний край. Не все записи по оформлению были равноценными. Все зависело от того, насколько офицер-направленец владел их искусством, насколько понимал их значимость. По возвращении в оперативный отдел направленец докладывал начальнику содержание устных указаний и распоряжений, предварительно составив план или тезисы своего донесения. Этим объяснялась заинтересованность направленца в хороших, толковых записях на ходу: в траншеях и блиндажах, в штабах, иногда за обедом или ужином.

Особое внимание обращалось на записи во время совещаний, когда обсуждались какие-то итоги и ставились задачи по совершенствованию подготовки войск, инженерному обеспечению, разведке, боевым действиям, использованию снайперов. Эти записи представляли интерес, но, к сожалению, они, как правило, не сохранялись.

Немалую помощь мы получали от редакций газет: фронтовой — «Вперед на врага», армейской — «Врага на штык», дивизионных газет. В них содержались ценнейшая информация о боевых подвигах и героических поступках воинов всех уровней и степеней военной службы. Кое-что попадало из газет в Журнал боевых действий, особенно из газеты «Врага на штык». Выпускались газеты на языках народов Советского Союза и РСФСР. На нашем фронте, например, где служило много татар Поволжья и Приуралья, выходила газета на татарском языке, ее редактировал Бари Курбанов, опытный журналист из Казани, бывший редактор газеты 334-й дивизии.

Интересные и важные для истории материалы поступали из дивизий. Они отражали связь фронта и тыла, особенно связь дивизий с областями и автономными республиками, в которых они формировались. На первом месте была 332-я дивизия. В связи с днем Красной Армии Ивановский обком ВКП(б) прислал ее воинам поздравительную телеграмму, помог пополнением — батальоном автоматчиков, коммунисты и комсомольцы в нем составляли 85 процентов. А 19 августа дивизия принимала делегацию трудящихся во главе с секретарем Ивановского обкома

ВКП(б) Бекетовой, тогда же прибыло несколько вагонов с подарками. На встрече комдив полковник Назаренко рассказывал о боевых действиях дивизии, а член Военного совета 4-й Ударной армии по тылу генерал Кузнецов горячо поблагодарил ивановцев.

В январе 1943 года 334-я дивизия направила свою делегацию с рапортом в адрес Верховного Совета Татарской АССР¹. Обмен делегациями с тыла на фронт и с фронта в тыл происходил не однажды. ЖБД фиксирует такую неразрывную связь, затрагивая не только вопросы снабжения оружием и продовольствием, но и идейно-политическое, духовное сотрудничество. Записывали, основываясь на интервью с теми, кто выезжал в тыл. Все это обогащало историю боевого пути 4-й Ударной армии.

В разгар лета 1943 года с глубоким волнением и интересом в штабе армии изучали великую битву на Курской дуге. Самым осведомленным о положении дел на фронтах являлся майор Соловьев, он скрупулезно вел карту боев и знал, где что происходит. В это время наше внимание было также привлечено к реформам и переменам в вооруженных силах. Мы много говорили, делали выписки из газет по поводу героических традиций, войн, долге, жизни. Сохранилась тетрадь — журнал из серой оберточной бумаги с надписью на обложке «Всякая всячина». Это не дневник, а выписки, афоризмы и раздумья, связанные с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке присвоения воинских званий военнослужащим Красной Армии».

Вот некоторые из них: «Мы должны видеть не только источник войны, но и ее завершение»; «Война заставила нас иметь дело с основными, первоначальными ощущениями жизни, истории, судьбы»; «Для подвига нужна биография, нужна жизнь»; «Во весь размах должна звучать скорбь о погибшем».

Затем шли выписки из Г. Гейне, М. Лермонтова, В. Шекспира. Они разные, но все заключали одну проблему — человек и война. Мы понимали: завершается коренной перелом в ходе второй мировой войны. «С величайшей радостью и гордостью прочли приказ Верховного Главнокомандующего... по поводу занятия нашими войс-

---

¹ Сохранилось командировочное удостоверение старшего политрука 1122-го полка К. Тухватуллина на поездку в Казань, подписанное командармом В. В. Курасовым и членом Военного совета М. В. Рудаковым.

ками Орла и Белгорода. Какой колоссальный резонанс вызовет это в Европе!» И далее: «Июль 1943 г. дал столько огромной важности событий, что становится очевидным близкий конец войны... А какая зрелость и солидность в наших действиях!»

Наконец запись за 28 июля: «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1943 года вызвал в штабах горячий отклик. Нам, историкам, особенно импонирует то, что «...наименование офицер» закрепляется общегосударственным актом». В тетради несколько страниц занимали «мысли» об офицерской чести. Она определялась как совокупность норм поведения и действия офицера при любых обстоятельствах и в любое время. Особенность офицерской чести определялась характером военной профессии.

Вокруг понятия чести горячие дебаты продолжались в оперативном отделе еще долго. Мы говорили о необходимости специального воспитания мальчиков в школе. Назывались: честность, обостренная совесть, чувство собственного достоинства, инициатива, находчивость, выносливость и выдержка, смелость и отвага, патриотизм и интернационализм, наконец, «рыцарское» отношение к девочкам. Все качества вместе выражали наши представления об «идеальном» офицере, о модели советского офицера в условиях войны.

Сходились на том, что Указ Президиума Верховного Совета «О порядке присвоения воинских званий...» ставит перед необходимостью совершенствования воспитательной работы с офицерами. Обстановка этому способствовала: войска армии находились в длительной обороне. Коммунисты, офицеры оперативного отдела и наши друзья из других отделов, с которыми мы постоянно общались, считали, что старший начальник, безусловно, должен быть честным перед своими подчиненными. Ничто так не вредит воспитанию чести, как проявление произвола со стороны старшего. В то же время каждый офицер должен быть подготовлен к решительному использованию всей полноты власти там, где это необходимо в интересах дела. Каждая заслуга, как и каждый поступок офицера, должны гласно отмечаться старшим начальником, который всегда несет ответственность за правильное отношение между людьми на любом уровне.

В отделе проходил как бы незапланированный семинар, в котором наибольшую активность проявляли подполковники Нечаев и Нестеров, майоры Седов и Соловьев,

капитан из 8-го отдела Рытов и др. Именно во время наших, всегда открытых бесед, критики недостатков вырабатывались и коллективная воля, и творческое восприятие тех черт, которые проявлялись в отношении к подчиненным со стороны целого ряда старших начальников, с которыми мы так или иначе общались по службе.

Передовица газеты «Правда» за 29 августа 1943 г. отмечала: «В огне сражения за советскую землю... выработался и определился тип настоящего советского командира, человека серьезной военной культуры, сочетавшего в себе передовую военную мысль с боевой практикой...» Это вполне совпадало с теми оценками командиров дивизий и корпусов, которые складывались и в нашем отделе на основе оперативно-тактических документов, постоянных рассказов офицеров-направленцев и информаторов.

К осени 1943 года работа по обобщению опыта и истории боевых действий в целом отвечала требованиям, и мы с Соловьевым смело высказывали свои соображения о ходе боевых действий и поведении отдельных командиров.

В отделе начались занятия по командирской подготовке, на которых, не опуская остроты взаимоотношений, высказывали — в форме вопросов — претензии друг другу, а также пожелания, как лучше составлять оперативные документы, вплоть до протокола допросов пленных. Наши пожелания передавались начальникам и офицерам — исполнителям других отделов: разведки, связи и др. Особое внимание уделялось изучению новой техники, средствам истребления неприятеля. К занятиям примыкали и наши лекции и беседы, в которых мы знакомили слушателей с военной историей, с ходом второй мировой войны.

Думается, что полгода относительно спокойного «стояния» в обороне позволили залечить раны, полученные в тяжелейших боях 1942 года, поднять уровень управления войсками, а это было немыслимо без напряженной работы всего штаба и в особенности оперативного отдела.

К исходу лета 1943 года наша прославленная 4-я Ударная армия была готова для большой армейской наступательной операции.

* * *

В августе 1943 года уехал генерал В. В. Курасов. Мы понимали целесообразность его назначения начальником штаба фронта. И все-таки были огорчены. Владимир Васильевич имел большой моральный авторитет. Его отноше-

ние к штабным работникам было всегда ровным и доброжелательным.

Как сложатся отношения с приходом нового командующего? Этот вопрос не был праздным. Армию принял генерал-майор Швецов, который пробыл сравнительно недолго. Наконец назначение командующим получил генерал-лейтенант Малышев.

Прошла большая перегруппировка войск фронта. Наша армия начала срочную подготовку к наступлению в районе Волчьих Горы — Росси́денье на Невельском направлении. Полоса ее базирования составила по своей протяженности сто километров. Войска были нацелены на стык двух групп армий фашистской Германии: «Север» и «Центр».

Особо выгодное оперативное направление позволяло командованию армии постоянно засылать в глубокие тылы группы «Север» разведывательные и диверсионные отряды, установить воздушный мост с партизанами, наладить помощь их бригадам в лесах между Невелем и Дретунью. Мы были свидетелями замечательной боевой работы частей и подразделений 314-й авиационной дивизии ночных бомбардировщиков полковника Плахова и не забывали о том, что ее история начиналась с Приволжского военного округа, а самолеты строились в Казани. Эта дивизия находилась в подчинении 4-й Ударной армии вплоть до 1945 года.

Какие силы противостояли нам по всей полосе армии? Это, прежде всего, 2-й авиакорпус, 3-я танковая армия. Противник располагал резервом, который при необходимости мог по рокадным дорогам быстро перебросить в любые наиболее угрожаемые места. Кроме того, рассчитывали на части и подразделения предателей из так называемой «власовской армии». Летом и осенью 1943 года они усилили карательные операции против партизан, забрасывали в нашу полосу шпионов и диверсантов, даже малолетних из детского дома в Невеле. (Группа называлась «Двадцать маленьких», ее быстро выявили и отправили в тыл.) Одного из шпионов случайно задержал начальник инженерной службы генерал Развозов. Это был офицер с вещевым мешком, в форме инженерной службы. Разговорились. Генерал предложил подвезти его на машине к месту следования. В разговоре выяснилось: в том пункте, куда следовал офицер на инженерные работы, таковые не велись. У генерала появилось сомнение. Когда машина подъехала к штабу армии, «офицер» быстро выскочил из машины и побежал в кусты. Развозов и его шофер кинулись за ним. В перестрелке «офицер» был ранен. В мед-

санбате признался, что заброшен с целью собрать информацию о наших войсках.

Оперативники, особенно направленные, рассказывали и о других попытках врага использовать сложившуюся ситуацию, когда ни у противника, ни у нас не было сплошного фронта, а патрулирование между расположением частей не всегда оказывалось эффективным, особенно в ночное время. Конечно, принимались ответные меры, и мы знали, какими средствами располагал противник, какие у него расчеты на случай нашего наступления.

К моменту разработки плана предстоящей наступательной операции в 4-й Ударной армии было пять стрелковых дивизий и одна особая бригада, сравнительно небольшое число отдельных частей артиллерии, подразделений инженерной службы, управления тыла и химической службы армии. В среднем дивизии имели не более 65 процентов штатного состава.

На правом фланге находились 360-я дивизия, она примыкала к 28-й дивизии 3-й Ударной армии, за ней по фронту занимала участок 47-я дивизия. В районе Велижа продолжали вести бои 334-я и 358-я и на Демидовском направлении — 332-я дивизии. Против нашего правого фланга противник имел четыре авиаполевых, а в районе Велижа — две пехотные дивизии. Численный состав их дивизий вряд ли превышал состав наших.

По данным разведки, оперативники знали, что глубина обороны противника едва ли превышает 4—5 километров и опирается на хорошо укрепленные опорные пункты, хотя и не везде достаточно прочно связанные между собой.

Все это учитывалось при подготовке к наступлению. Замысел командующего фронтом состоял в том, чтобы осуществить стремительный прорыв обороны, вывести пехоту и танки на оперативный простор, расчленив сопротивление, обеспечить ликвидацию контратакующих резервов врага.

Командование 3-й Воздушной армии принимало во внимание то, что свои авиаполевые дивизии противник обеспечит сильной поддержкой с воздуха, тем более, что шефом авиаполевого корпуса являлся сам Геринг. Учитывалось и другое — это активизация в тылах корпуса противника действий партизанских бригад и отрядов.

В конце сентября я отправился на командный пункт Воздушной армии, к генералу Папивинову, затем в 47-ю дивизию в район Бабуrowsкой высоты (район Волчьих Горы — Расседење). Это был особый по значению и впечатлениям выезд в войска в 1943 году. Справедливость тре-

бует отметить, что план предстоящей операции представил начальник оперативного отдела. Мы знали: новый начальник штаба, генерал-лейтенант А. И. Кудряшов положительно оценил эту разработку, сравнительно легко получив одобрение со стороны командарма В. И. Швецова.

Вспоминается характерный эпизод на исходе осени 1943 года. Как-то во время моего дежурства у начальника штаба зашел в избу командарм, и мне довелось стать свидетелем такого разговора. Кудряшов настаивал на изменении одного пункта в приказе армии, обосновывая целесообразность изменения. Чувствуя какую-то правоту, но сомневаясь в ее достаточной аргументации, Швецов с «легким металлом в голосе» заявил: «Хоть вы и умный мой начальник штаба, но делайте, как я приказал». Конечно, для меня эта сценка явилась надлежащим уроком.

Мое кратковременное пребывание в отпуске в начале сентября обострило восприятие мирной жизни. Я почувствовал, что снова в родной стихии, будто никогда и не отрывался от нее. Дни отпуска пролетели как миг. По возвращении было много расспросов, друзья благодарили за привезенные из личной библиотеки книги. Но все это оказывалось на втором плане. Прошло время стояния в обороне. Штаб напряженно работал над подготовкой войск к предстоящей Невельской операции. Чувствовалось: инициатива прочно удерживается в наших руках. Настроение боевое... Люди готовы были пережить любые испытания и трудности, лишь бы хоть чем-то помочь Победе. С восторгом следили они за нашим тогдашним наступлением на юге и под Смоленском.

Наступила «золотая осень». Погода стояла холодная и ясная. Летали паутинки, хмурилось по-осеннему небо. В лесу было много брусники, грибов, отгулявшей, осмелевшей дичи. Вспомнились стихи Тютчева: «Не то, что мните вы, природа: не слепок, не бездумный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык».

По возвращении из отпуска я прочитал лекцию о борьбе с немцами в прошлом столетии. И очень кстати. Возрастал и обострялся интерес к изменениям в настроениях войск противника, особенно офицерского состава. Мы располагали многими документами, в том числе перепиской, записными книжками. Мыслящие офицеры противника находились в состоянии скепсиса и морального упадка. Они начинали осознавать, что нет будущего для тех «целей», ради которых они творили зверства на чужих землях. Об-

реченность, а может быть и запоздалое раскаяние — вот что неотвратимо приходило в их сознание, росло из дня в день.

Во время первой мировой войны в английской армии имелась группа офицеров, которая изучала переписку на фронтах, в минувшую войну не было такой службы ни у нас, ни у противника. Но мы делали все возможное, чтобы душа советского солдата крепла, чтобы человек и на войне не утрачивал здоровые духовные потребности, имел возможность их удовлетворять.

Характер и содержание нашей работы в сентябре и в первые дни октября определялись планом подготовки наступления на Невельском направлении. В то же время на левом фланге шла успешная подготовка к овладению Велижем, с последующим выходом войск на реку Каспля. Эта операция предшествовала Невельской. Она развернулась в полную силу 20 сентября. В тот же день из 358-й дивизии донесли о занятии города. Полуокруженная группа частей и подразделений противника покинула город, не оказав упорного сопротивления. Сохранилась моя запись дневникового характера. «20 сентября. Дер. Поташня. Сегодня на рассвете сообщили из 358-й дивизии, что немцы оставляют г. Велиж и уходят по шоссе Велиж — Витебск к большаку Велиж — Рацковины. Таков финал почти двухлетней Велижской эпопеи.

Велиж стоил много, очень много крови. Здесь, начиная с 29 января 1942 года, непрерывно, из дня в день, гремели орудия, трещали пулеметы... Здесь возмужала, окрепла, научилась воевать 4-я Ударная. Еще так недавно думалось, что будет битва за город. Войска преследуют отходящего противника. Вновь занимают деревни и рощи, такие знакомые по марту — апрелю 1942 года: Щеткино, Проявино, Тивонцы, леса, болота, перелески...

Военный совет ходатайствует о наименовании трех дивизий Велижскими...»¹

НЕВЕЛЬСКО-ГОРОДОКСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ПРОРЫВ К ПОЛОЦКУ

В 20-х числах сентября, когда обозначился значительный успех на левом крыле, последовало письменное распоряжение командующего фронтом А. И. Еременко о подго-

---

¹ Подлинник записи передан музею боевой славы при школе № 2 города Велижа в дни 40-летия освобождения Смоленщины.

товке Невельско-Витебской операции. Документ этот определял предельно ясную задачу: 4-й Ударной армии совместно с войсками 3-й Ударной нанести поражение 3-й танковой армии противника и, освободив белорусские города Витебск и Полоцк, выйти на границы Прибалтийских республик. Выполнение этой задачи затянулось из-за осенне-зимней распутицы, не всегда своевременного подхода новых дивизий и средств усиления, и, конечно, ввиду отчаянного сопротивления врага, стремившегося не допустить вклинения наших войск в стык армий «Центр» и «Север». Названная директива открывала широкую перспективу для проведения ряда армейских операций. Действительно, чтобы летом 1944 года выполнить в полной мере замысел командования фронтом¹, пришлось провести четыре операции.

Поскольку составлял описание всех четырех, назову их, указав время проведения: Волчьи Горы — Росседенье, затем прорыв через перешеек между Невелем — Иван-Озеро и озером Езерище — в октябре — начале ноября 1943 года; Езерищенско-Выравлянская — в декабре 1943 года; Городокско-Витебская — в январе — феврале 1944 года; Полоцкая операция — конец июня — начало июля 1944 года. Все эти операции проводились силами Калининского, а с ноября 1943 года — 1-го Прибалтийского фронтов, но в каждой из них войска 4-й Ударной занимали, можно сказать, центральное место.

В Невельской операции первоначально ставилась задача по захвату Невеля ударными группировками двух армий к исходу 1 октября 1943 года. Продвижение войск включало помощь партизан. В Журнале боевых действий записано обращение Военного совета армии к начальнику штаба Партизанского движения генералу П. К. Пономаренко: просьба дать распоряжение пяти партизанским бригадам поскорее разрушить железную дорогу на участке Невель — Витебск, где-то в районе Езерища — Старая Бычиха, и взять под контроль передвижение между Городком и Межа. Однако обстановка не позволила выполнить в полной мере эту задачу, хотя партизаны оказывали существенную помощь, особенно сведениями о передвижениях противника в тылах. Подготовка Невельской операции завершилась лишь к 6 октября со взятием Невеля и прорывом войск в районе перешейка Невель — Езерище. Решаю-

---

¹ См.: Еременко А. И. Годы возмездия. — М., 1969, с. 95—121.

щее значение приобретала операция по взятию станции Бычиха и Городка. Здесь мы уже имели дело с остатками 2-го авиакорпуса. А на северо-западе с частями 16-й армии, на юге — с 3-й танковой армией противника.

Кроме информаторов, ни одного из оперативников в 20-х числах сентября и в первую неделю октября в штабе не было. Историк Соловьев находился на НП комдива 47-й дивизии в районе Бабуrowsкой высоты. Время было горячее, не оставалось даже свободного часа, чтобы написать домой обстоятельное письмо. Но я был рад, что моя Родина — Смоленщина полностью освобождена от оккупантов.

Проверяя состояние наших специальных штурмовых подразделений, я обратил внимание на передний край противника — проволочные заграждения в три километра — тянутся зигзагообразно с гребней высот в овраги и лощины. Траншеи от заграждений — в 70—200 метрах. Только в Росседенье траншеи от проволочного заграждения подалее — метрах в 200—300. Здесь ровная местность, луга. Кое-где фруктовые деревья... Десятки блиндажей, землянок, много дзотов, которые построены недавно и наспех... Все это я наблюдал в окуляры стереотрубы...

В Бабуры осматривал огневые позиции нашей артиллерии. Обширная равнина с небольшими балками и лощинами. Десятки орудий разбросаны побатарейно. Артиллеристы, укрепляя позиции, «опутывали» проволокой всю местность. Солдаты орудийных расчетов одни несли караульную службу, другие отдыхали, приводили себя в порядок. У всех бодрое настроение. Встречались батареи зенитного полка 46-й зенитной дивизии. От наблюдения противника укрывает Бабуrowsкая высота. Сама она вся изрыта: целый лабиринт траншей, ходов сообщения, несколько десятков наблюдательных пунктов. С ее макушки прекрасно просматривается весь передний край противника. Видно лесное озеро Днико. Смешанный лес его берегов скрывает наши войска. Однако при внимательном наблюдении замечаешь пробивающийся среди деревьев дымок. Близок час, когда эти тихие рощи обрушат на врага тонны металла. Отсюда полки скрытно выйдут на исходные позиции для атаки. Это произойдет сегодня ночью. У переднего края противника окопаются метрах в 200—500.

В 22-00 офицеры оперативного отдела штаба корпуса направились в дивизии «контролировать выход и сосредоточение» нашей части. Я сообщил им свои наблюдения и выводы.

За два часа наблюдений за немецкими позициями видел лишь одиночных солдат без оружия: и на переднем крае, и в глубине обороны. Роются в земле, получают продукты в рогожные мешки. Артиллерия противника выпустила за сутки чуть больше 20 снарядов. Может, немцы не поняли наших приготовлений? Или тщательно скрывали свои? А пока что все спокойно.

Утром десятки офицеров армейского штаба были заняты проверкой готовности частей и подразделений всех родов войск к началу операции.

Возвратившись в штаб армии, я узнал, что в середине дня командарм генерал Швецов вызывал в деревню Пестряково командиров корпусов и дивизий и окончательно согласовал с ними в деталях первый этап операции: артподготовку и атаку по всей четырехкилометровой линии.

В то время когда на полях сражений проявлялся массовый героизм, особое значение и смысл имела просветительская и агитационная работа. Так, отступая, противник густо минировал местность и старался развить минобоязнь у красноармейцев. Политотдел и специалисты службы штаба армии выпустили листовку «Как бороться с минными заграждениями немцев», в которой говорилось об объемах и способах минирования. Фашисты не останавливаются ни перед чем, минируют даже трупы своих солдат, ставят всякие приманки, отравляют колодцы, пищу, овощи на огородах, зерно. Листовка призывала к бдительности, бойцам давались советы, как соблюдать осторожность на местности и в деревнях, оставляемых противником. Листовка заканчивалась так: «При внимательном отношении к делу и бдительности все, даже самые коварные и дьявольские уловки врага могут быть вовремя разгаданы. Ничто не остановит нашего могучего, победоносного движения вперед, на Запад! Смерть немецким оккупантам!»¹

Кроме того, все военные газеты, наряду с информацией о всех фронтах и рассказами о героизме личного состава войск, печатали материалы с конкретными советами и указаниями, как вести бой в разных ситуациях, особенно в ночное время, как форсировать водные преграды, используя подручные средства и т. д. Иногда авторами таких материалов были и офицеры оперативного отдела.

На главном участке прорыва обороны противника под

---

¹ Отпечатана и размножена в типографии армейской газеты «Врага на штык». 1943 г., 24 сентября.

Невелем находились 360-я дивизия и приданные ей две роты штрафников, 47-я дивизия и 2-й отдельный штурмовой батальон из штрафников, сильное артиллерийское обеспечение. Особое внимание обращалось на готовность подвижной танковой группы, за которой для развития успеха вводилась 235-я дивизия 83-го корпуса. Здесь впервые использовались для удара по огневым точкам и блиндажам немцев реактивные снаряды, фугасные огнеметы. Помню фамилии офицеров, с которыми пришлось встречаться в эти незабываемые дни. Это оперативник 47-й дивизии М. Г. Вилинов, командир 143-й танковой бригады полковник А. С. Подковский, совсем тогда молодой начальник штаба бригады майор В. Г. Куликов, начальник штаба 148-го полка 47-й дивизии капитан Н. И. Реут, офицеры артиллеристы и оперативники штаба 360-й дивизии, фамилии которых не сохранились в памяти¹.

Операция Калининского фронта началась утром 6 октября мощным огневым налетом, за которым около часа длилась артиллерийская подготовка, затем снова мощный огневой налет. Горели Волчьи Горы, Исаково, Барсуки, Росседенье и другие населенные пункты. Противника охватила паника: неотразимое воздействие оказали залпы гвардейских минометов. Как только налет завершился, последовала команда в атаку: «За Родину, вперед!». Понесший большие потери, деморализованный противник был выбит и отброшен в глубь обороны. В то же время до полсотни штурмовиков ИЛ-2 наносили ощутимые удары вдоль шоссе, в районе деревни Зеленые Луга, Малая Будница. Около полудня бои завязались за деревню Пестраки, Большую Будницу, Барсуки. Фашисты не успевали отводить вглубь артиллерию. В одном месте мое внимание привлекли несколько пушек 105-миллиметрового калибра, оставшиеся на позициях. Вокруг еще были ящики со снарядами, брошенные зенитные орудия и другая техника. Это ли не доказательство поспешного бегства! Превосходно действовали наши пехотные части, особенно 148-й полк 47-й дивизии. Вперед вырвались танковые подразделения, чем обеспечили дальнейшее продвижение без больших потерь.

Усилились налеты авиации противника. Девятки

---

¹ В конце 60-х и в 70-е годы на встречах в Москве мы вспоминали об этих днях с генералом Н. И. Реутом — преподавателем Академии Генерального штаба и полковником Вилиновым М. Г. — преподавателем одной из ленинградских академий. Согласовали наблюдения, касающиеся подготовки и хода Невельской операции.

«юнкерсов» наносили массированные удары не только в полосе наступления, но и по объектам тыла армии. За этот первый день сбили двадцать вражеских самолетов.

Командарм Швецов неотступно следил за сражением и тут же принимал соответствующие меры. Порой это были даже меры поощрения, но они обязывали действовать еще более решительно и смело.

К исходу дня наш прорыв в глубину обороны немцев составлял более десяти, а на отдельных участках — 15 километров. Самой ощутимой потерей для нас в этот день был выход из строя 13 танков. Людские потери были небольшими. Столь же успешным оказался первый день боев и для 28-й дивизии 3-й Ударной армии. В результате 7 октября подразделения 78-й танковой бригады и 59-го полка 21-й гвардейской дивизии между 16 и 17 часами освободили Невель и очистили город от противника¹. В тот же день соединения 3-й Ударной армии захватили участок железной дороги Невель — Городок и дорогу Невель — Полоцк. Это надежно обеспечивало правый фланг нашей 4-й Ударной армии при ее продвижении через «перешеек» между Иван-озером и озером Езерище.

Вечером 7 октября в штабе армии уже знали о Приказе Верховного Главнокомандующего по поводу взятия Невеля. В этом документе говорилось о том, что войска Калининского фронта прорвали «... сильно укрепленную оборону противника...» и после ожесточенных боев овладели Невелем. Отмечались войска 3-й Ударной армии генерал-лейтенанта Галицкого, 4-й Ударной армии — генерал-майора Швецова, летчики генерал-лейтенанта авиации Папивина, особо отличившиеся соединения и части. Двенадцати дивизиям, бригадам и полкам присваивалось наименование Невельских. Войскам объявлялась благодарность, а поздно вечером в 22 часа 30 минут столице Советского Союза городу Москве от имени Родины предстояло салютовать в честь освобождения Невеля двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий. Приказ заканчивался традиционно: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!»

Все армейские и дивизионные газеты опубликовали этот приказ 8 октября. Политруки и командиры довели его до личного состава. Это вызвало в войсках новый

---

¹ В кн. Еременко А. И. «Годы возмездия» подробно описан захват Невеля. — М.: Наука, 1969, с. 110—112.

боевой порыв. В газете «На разгром врага» вторая полоса имела аншлаг: «Защищай Родину мужественно, с достоинством и честью!» Сегодня она поместила обращение «К бойцу» и текст Военной присяги. Как отклик на героическое прошлое русского солдата газета напечатала четверостишие:

Мы не можем от предков отстать.
В этом гордая русская честь!
Лишь коротким дыханием: — Есть!
Разомкни перед боем уста.

Приводилась старая армейская пословица времен Суворова: «Солдат честь не кинет, хоть головушка сгинет». В этом же номере генерал Б. Антропов выступил с большим — на всю полосу — статьей «Ночной бой». Залогом успеха генерал считал внезапность. Статья заканчивалась словами: «Не считай, сколько перед тобой немцев, нападай стремительно, и ты победишь...» Наконец, на последней полосе — «Заветное слово Фомы Смыслова — русского бывалого солдата». Это рифмованные и стилизованные под древние сказки советы и наставления солдатам. Приведу это «Слово» полностью: «Ну, бойцы, товарищи дружные, боевые соратники по оружию, говорю вам, как бывалый солдат: наши дела пошли на лад. Обстановку я точно вижу — немец нажил в России грыжу. Раньше-то он задавался, а попробовал русскую землю поднять — не по весу ему — надорвался. Показали поганому кузькину мать. Началось изгнание немцев массовое, окружаем их, гоним, отбрасываем.

Знает всякий из нас, что немец бежит не от ветра. Гитлер без боя не сдаст ни одного километра. Если его штыком не пырнуть, да гранатой не повернуть, да строчкой не прошить пулеметной, — немец бежит неохотно. А вот от удара штыком, от обхода кругом, от советского окружения у врага замечается в пятках жжение, немец теряет спесь, весь дрожит и бежит. Тут, конечно, встают офицеры, принимают ответные меры, вводят в дело танки, нападают на наши фланги. Но и наши, само собой, не стоят на линии. Научились вести маневренный бой, отвагой горят глаза соколиные! Начинают наши клещи сжиматься, обходим врага со спины, отрезаем противнику коммуникацию — и фашисту дни сочтены... Умный солдат, напористый, не потеряет скорости. Ударив немца как следует, ни секунды не медля, преследует! Один отряд идет по пятам, а другой обходит дорогой. И немец объят тревогой. Враг — на Запад, а путь-то заперт! Немец вправо,

а там застава. Немец левой возьмет, а там косит пулемет! Вот и некуда немцу деваться, только сдаваться. Врага неустанно преследуй — станет успех Победой! Продвигайся срочно, по приказу точно, славу добывай, закрепляйся прочно, немца добывай!»

Бряд ли этот сказ нуждается в комментариях. В нем народный юмор, оптимизм, русская удаль, смекалка, а все в совокупности говорит о горячей любви воинов к своей Родине, готовность любой ценой отстоять ее и повергнуть в прах врага.

В те дни редакциями газет выпускались специальные «Бюллетени». В них рассказывалось о подвигах солдат и офицеров в ходе наступления. Как правило, авторами коротких заметок, зарисовок, статей были в основном рядовые бойцы и писали они о своих боевых товарищах.

Находясь в войсках до 14 октября, мне не только удалось многое увидеть, узнать, но и многое записать. Полевая сумка буквально была набита мелкоисписанными листками бумаги, картами, газетами, листовками.

Порой попадал в трудные ситуации, когда гибель казалась неотвратимой. Так однажды чудом уцелел среди сплошных разрывов мин и снарядов, по пути в штрафной батальон опять попал под массированную бомбежку «юнкерсов». В момент их пикирования успел отбежать к яме на огороде. В гуле разрывов не обратил внимания, на что упал. Запахло гарью. Оказалось, загорелась моя шинель от углей, покрытых пеплом и потому не замеченных вначале. Видимо, ночью бойцы тут кипятили чай.

За время командировки прошел десятки километров. С чем только не встречался! Исключительное мужество, находчивость проявил под Невелем отдельный штурмовой батальон солдат капитана Тетушкина. Для того чтобы с наименьшими потерями выбить противника из укрепленных высот, солдаты и офицеры этого батальона скрытно сделали десятки щитов на деревянных колесах. Сбитые из теса, заполненные песком, они предохраняли людей от огня стрелкового оружия. Щиты толкали вперед, а сами попластунски почти вплотную подползали к дотам и дзотам противника. Лишь в решающий момент, при последнем броске к цели, бойцы вставали в рост и стремительно атаковали. Применяли солдаты и своеобразные, на манер древних предков, железные щиты (панцири) небольшого размера, которыми прикрывали туловище от пуль и осколков.

По рассказу сотрудника газеты «Врага на штык»

К. Я. Иванова, находившегося тогда в этом батальоне, солдаты его проявляли исключительное бесстрашие и героизм¹.

Литсотрудник газеты «Боевой натиск», затем офицер штаба дивизии Евгений Савинов написал балладу о разведчице Людвиге Вязовской. Эта девушка из взвода пешей разведки 1195-го полка подняла в атаку солдат, залегших под огнем врага у небольшого хутора близ села Езерище Витебской области.

Да, в жизни нашей есть причины,
Когда охрипшим надо петь,
Когда угрюмые мужчины
Идут за девочкой на смерть.
Они вошли в горящий хутор,
Что взять неделю не могли²...

Рядовой П. Суслов первым ворвался на укрепленную высоту и водрузил Красное Знамя. Политрук Ф. Тихонов из 920-го арtpолка, когда на их батарее кончились снаряды, повел расчеты в атаку, и враг был отброшен. Сам политрук получил тяжелое ранение. Аналогичные подвиги совершались нашими воинами во всех дивизиях армии.

Возвратясь в штаб армии после завершения Невельской операции, я доложил начальнику оперативного отдела о проделанной работе и сел писать письмо в Казань. После десяти дней командировки одолевала усталость. Но самое тяжелое казалось позади, тем более, что вокруг было так много страданий. На миру, говорят, и смерть красна. Так что — со всеми вместе. Что положено всем, то и мне. А в военную пору каждый добросовестно делал свое: один водил солдат в атаки, другой составлял ежедневно метеорологическую сводку, третий отражал вражеские танки, четвертый доставлял письма. Были и такие, как мы с Борисом Соловьевым, которым надлежало все видеть, обобщать,

---

¹ С Константином Яковлевичем Ивановым мы подружились еще в 334-й дивизии. После войны талантливый журналист внес неоценимый вклад в движение ветеранов ТАССР, в подготовку книг и публикаций статей о воинском героизме, в практику военно-патриотического воспитания молодежи.

² Сб.: «В первом эшелоне». Воспоминания ветеранов Невельской Краснознаменной дивизии. — Челябинск: Южно-Уральское изд-во, 1974, с. 48, 49, 111—113.

После войны Людвиг Вязовская в течение многих лет являлась секретарем Комитета ветеранов 4-й Ударной армии. Мы много раз встречались в Москве, обменивались опытом работы с ветеранами и молодежью.

фиксировать на бумаге. То, что делал он, предназначалось для использования сейчас, пока шла война. То, что составлял я, считалось важным для истории. А в Москве уже обсуждали вопрос о Центральной комиссии по истории Великой Отечественной войны¹.

Вторая половина октября была особенно трудоемкой. Много времени забирал Журнал боевых действий, записи в котором запаздывали. По всей полосе армии продолжались бои. Овладение Городком явно затягивалось. Войска оказались перед необходимостью развернуть два фронта — в направлении на Полоцк и по реке Выровля на юго-восток. Предпринимается перегруппировка сил.

Отступая под нашими ударами, немцы обильно минировали дороги... Как показывают пленные, они удивлены нашим напором, умением смело маневрировать. Большинство пленных заявляют: война надоела, и Германия обречена. Однако в силу жестокой дисциплины солдаты еще воюют.

За время нашего наступления в октябре, а также в результате упорных боев на уже занятых рубежах противник потерял более 14 тысяч солдат и офицеров, были захвачены большие трофеи.

Об этих боях в опубликованных в разное время воспоминаниях встречаются, к сожалению, разночтения. Вряд ли, например, можно принять утверждение бывшего командующего 3-й Ударной армии генерала Галицкого, считающего, будто бы в Невельско-Городокской операции главный удар нанесла его армия. Задача «...захватить г. Невель, обеспечивая операцию Усвятской группы войск с северо-запада», поставленная перед 3-й Ударной 29 сентября, считать так не дает оснований. В приказе командующего фронтом Еременко внимание сосредоточивалось на глубоком прорыве долговременной обороны противника под Невелем войсками 4-й Ударной армии с последующим овладением местностью в направлении Полоцка².

При обсуждении октябрьского наступления обнаружались некоторые недостатки в планировании Невельско-Городокской операции. Было ясно, что 4-я Ударная весьма

---

¹ Некоторое время ее возглавлял известный историк И. И. Минц, ныне академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

См. Г а л и ц к и й К. Н. Суровые испытания 1941—1945 гг. — М.: Наука, 1973; Е р е м е н к о А. И. Возмездие. — М., 1969; Во имя жизни героев. — М.: Медицина, 1973; С е м е н о в Г. Г. Наступает Ударная. — М.: Восниздат, 1970, с. 83—84.

трудно справлялась с одновременным наступлением на правом и левом флангах. Это привело к тому, что войска Восточной группы генерала Кутузова не сумели развить первоначальный успех не только из-за распутицы и бездорожья, но и потому, что не имели возможности усилить ее за счет резерва армии. Даже на главном направлении ощущались нехватка горючего, недостатки в средствах связи, задерживалась эвакуация раненых, не всегда с должной эффективностью использовалась артиллерия. Конечно, хотя и учитывалось воздействие авиации противника, но то, что случилось на самом деле, превзошло ожидания. Бесперывные массированные удары — при сильном прикритии бомбардировщиков истребителями, — невиданное до этого минирование дорог сдерживали наши войска. Только по частям 2-го гвардейского корпуса наносили удары 300 немецких самолетов. Сюда, в полосу оперативного направления Калининского фронта, по распоряжению Геринга был переброшен 6-й воздушный флот. Затем прибыли пять пехотных и одна танковая дивизии с Южного фронта, две дивизии из-под Ленинграда, авиационные подразделения из района Киева. Можно представить себе, какое важное значение придавала ставка Гитлера нашему глубокому вклиниванию в стык двух групп армий фашистской Германии — «Центр» и «Север».

Существенное значение Невельско-Городокской операции и последующим боям, развернувшимся в ноябре и особенно в декабре 1943 года, придавало наше Верховное Командование.

Условия, в которых происходили бои, требовали массированных артиллерийских ударов. Планирование огня не всегда было удачным. В оперативном отделе тогда считали, что отдельные штабы дивизий и бригад не всегда справлялись с задачами, возникавшими из-за частых перемен в ситуациях боя, честно признавали свои недоработки в сборе информации, в доведении всяких, пусть частных, но в ряде случаев существенных, указаний начальника штаба и начальников специальных служб. Не всегда справлялся в столь сложных условиях отдел связи, хотя его начальник И. Д. Ефимец никогда не отказывал нашим офицерам принять те или иные срочные меры для обеспечения связи со штабами дивизий и корпусов, непрерывно перемещавшихся в полосе до трехсот километров. И все-таки исключительный героизм солдат, офицеров, высокий в целом уровень оперативно-технической подготовки командиров полков и дивизий, не говоря уже о корпусах, опреде-

лили победу войск в эти незабываемые дни осени 1943 года. Признанием этого было массовое награждение бойцов, командиров и политработников.

Командарм В. И. Швецов был награжден орденом Суворова I степени; орденами Суворова II степени награждались: начальник артиллерии генерал Н. Н. Михельсон, командир 47-й дивизии генерал Г. К. Чернов. Начальник штаба армии генерал-лейтенант А. И. Кудряшов получил орден Кутузова II степени, генерал Т. Я. Бялик — член Военного совета — был отмечен орденом Красного Знамени. Получили награды и другие начальники и офицеры управлений и штаба армии.

В конце октября штаб переехал в деревню Зеленые Луга. В пути и при размещении отделов комендантская служба обеспечивала хорошую маскировку, и, надо сказать, что фашистской авиации не удавалось установить наше расположение.

Оперативный отдел занимал два крестьянских дома в середине деревни. В домах было чисто и просторно. Деревню захватили внезапно, и противник не сумел учинить расправу над населением, которое разбежалось по окрестным лесам. Не видно было и следов боя, если не считать нескольких воронок от разрывов снарядов и мин на окраине деревни. Здесь мы работали до наступления холодов и пережили незабываемые дни больших перемен и трудностей.

В наш коллектив влился молодой майор Михаил Вилинов. Его назначили старшим помощником начальника оперативного отдела. Многие из нас встречались с ним, либо разговаривали по телефону ранее, когда он работал в штабе 47-й дивизии. Спустя много лет Вилинов напишет мне, что первой радостью для него была тогда встреча со знакомыми оперативниками, а первым огорчением — ощущение неподготовленности для работы на армейском уровне, определенная утрата самостоятельности. Ведь будучи начальником оперативного отдела штаба 47-й дивизии, ему нередко приходилось — ввиду болезни или отъезда начальника штаба — отвечать за весь штаб и принимать самостоятельные решения.

Направляясь в штаб армии, под Езерищами ночью он попал под обстрел и чуть не угодил к немцам. Выручили солдаты переднего края. На первых порах Вилинову поручили вести 83-й стрелковый корпус. Помню, его огорчало, что иногда не удавалось получать от штаба корпуса данные раньше, чем они появлялись на столе начальника

штаба армии, либо начальника оперативного отдела. Полковник Себик делал замечания: «С чем вы явились? Ваши данные давно известны». Это означало, что его опять опередили.

Майор Вилинов, будучи общительным и безупречно вежливым человеком, пользовался особым вниманием у телефонисток узла связи. Одна из них, Верочка Суетина, иногда выручала молодого направленца. Она по его просьбе подключала телефон оперативного отдела к каналам связи, когда из корпуса звонил начальник штаба. Конечно, подслушивать разговор начальников, хотя и с самыми благими намерениями, было нарушением воинского порядка. Но знать, что делается в «твоем» корпусе на полчаса раньше, чем доложит об этом помощник начальника оперативного отдела штаба корпуса, очень хотелось. В дальнейшем Миша Вилинов старался чаще выезжать в корпус и оттуда, из первых рук, получать и отправлять информацию. Накануне Нового 1944 года определилиась дружба М. Вилинова с Б. Соловьевым и со мной. Она связывает нас более 40 лет, до сих пор.

В связи с формированием корпусов и их боевыми действиями на Калининском фронте происходила передвижка ряда штабных офицеров из дивизий в штабы корпусов, армии и фронта. Заметная передвижка и перемещения политсостава происходили и на основании Приказа Министерства Обороны о переходе к единоначалию. Комиссары дивизий и другие работники либо переводились на должность заместителей командиров по политической части, либо получали другие посты и убывали из состава корпусов и армий.

В год коренного перелома мы незаметно привыкли к названиям; офицер, генерал, солдат, а также и к ношению погонов. В среде штабных офицеров вновь заговорили об офицерской чести. В конечном счете речь шла о качественных переменах в отношениях, культуре офицеров, их духовных запросах и потребностях. Так что коренной перелом в Великой Отечественной войне определился не только переходом стратегической инициативы в руки нашего руководства, не только насыщением армии новейшими средствами для разгрома противника, но и переменами в настроениях, интересах и потребностях, то есть в социальной психологии и обыденном сознании.

Эти сдвиги находили отражение в личных и служебных отношениях, в переписке фронтовиков. Менялось к лучшему представление о престижности нашей работы и служ-

бы на войне. Даже в обиходе появилась фраза о чести мундира, но еще не каждый мог понять, что мундир как таковой может приносить честь или бесчестие лишь портному, который его сшил.

Приметой перемен в психологии явилось понимание и того, что важно не только, кем быть, но и каким быть, не только достичь чинов и орденов, но и какими средствами. Для солдата на передовой все было ясно, как на ладони, его поступки, поведение в бою на глазах командира и его боевых друзей.

В штабах корпусов и армии встречались «угодные» и «неугодные». Иногда мы вспоминали мудрые строки Сергея Есенина: «Но коль черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней». Мои друзья и коллеги верили в добро и желали, чтобы честь и совесть являлись для каждого высшей нравственной ценностью.

ЮЖНЕЕ НЕВЕЛЯ

Волнующим событием первой половины ноября 1943 года были бои на перешейке, проходившие с 8 ноября и в последующие дни. С чувством гордости за нашу страну, за народ, поднявшийся на защиту великих завоеваний Октябрьской революции, встречали мы 26-ю годовщину Советской власти. Управление тыла доставило в штаб подарки трудящихся разных городов, областей и республик. Мне оказали честь быть 7 ноября оперативным дежурным по штабу 4-й Ударной.

В полосе армии было относительно спокойно. Войска, находившиеся за перешейком, где-то в районе Дретуни, вели разведку и следили за противником. Левый фланг, прикрывавший перешеек, вызывал беспокойство: накануне там принимались меры для его укрепления техническими средствами. Вблизи озера Езерище стояли в обороне два наших истребительно-противотанковых полка. Здесь же размещались огнеметы. С правой стороны около Невеля фронт особой тревоги не вызывал: северо-западнее деревни Зеленый Луг была сосредоточена 28-я дивизия, готовая в любую минуту вступить в бой, но она входила в резерв командующего фронтом.

Особое внимание занимала информация штаба 47-й дивизии. В ночь на 7 ноября, а также в течение дня данными о готовности противника нанести удар со стороны станции Бычиха — Езерище оперативный дежурный не рас-

полагал. Не мог он и думать об окружении наших войск на Витебско-Полоцком направлении.

Меня сменил Седов. Я хорошо поел и завалился спать. Утром 8 ноября кто-то уже трепал за волосы: «Вставай, немец прорвался на перешейке, мы едем туда с Александром Ивановичем, а тебе приказано дежурить и вести карту у начальника штаба...» Быстро собравшись, я попрощался с друзьями и направился в дом генерала Кудряшова.

Кроме часового и старшины из охраны, в доме никого не было. С обжигающим чувством тревоги склонился над картой. Там рукою Александра Ивановича уже был обозначен прорыв и примерная линия фронта. Стало ясно: фашистское командование сумело ввести значительные силы пехоты, тяжелых танков «Т-VI», самоходок «фердинанд» и «пантера» и, воспользовавшись тем, что мы отмечали праздник, нанесло мощный удар. Цель — захват перешейка, как коридора, через который ушедшие вперед войска были связаны с тылами армии и фронта. Я позвонил в штаб 47-й дивизии, узнал: положение трудное, войска стоят насмерть.

Было около 10—11 часов утра. Раздался шум автомобильного мотора. Не успел я выглянуть в окно, как послышались шаги и открылась дверь. На пороге стоял командующий фронтом Еременко. Грузный, в распахнутой шинели, с полевой сумкой через плечо и с палкой в руке, он шагнул вперед и остановил на мне тяжелый взгляд. Первая его фраза была примерно такой: «Пропили перешеек, сукины дети. Где Кудряшов?»

Я доложил, что начальник штаба с группой офицеров выехал в район боев. «Вы кто?» На мой ответ командующий фронтом никак не реагировал. Сильно прихрамывая на одну ногу, он прошел к столу и, тяжело опустившись на большую табуретку, склонился над картой. Спустя минуты две повернул голову в мою сторону, уже более спокойно сказал: «Докладывайте, что знаете». Когда в разговоре я упомянул о целесообразности скорее ввести в дело резервную дивизию, командующий заметил: 28-я дивизия должна быть в движении, следует связаться с ней.

Спустя пять минут, раздался энергичный телефонный звонок. Аппарат «ВЧ» стоял на тумбочке в углу. Зная, что «ВЧ» — это канал связи со штабом фронта и Ставкой Верховного, я мгновенно поднял трубку. «Этот штаб 4-й Ударной?» — услышал приятный баритон. «Да». — «Говорит порученец Иванова, генерал Казаков. Командующий

фронтом у вас?» — «Он здесь». — «Пригласите к аппарату. Будет разговаривать Иванов».

Андрей Иванович все понял и уже суетливо передвигал табуретку к краю стола, а мне сделал знак: перенести тумбочку с аппаратом к столу. «Товарищ командующий, вас вызывает Верховный Главнокомандующий Маршал Сталин». Передал я трубку и быстро отошел в сторону¹.

Верховный выражал недовольство и тревогу. Дело в том, что за перешейком находилась уже целая группа войск и фронтовых средств усиления, а немцы сбросили листовку, в которой нагло заявляли: «Вы в кольце и мы в кольце, посмотрим, что будет в конце». Разговор с Верховным длился недолго, попытки объяснить ситуацию прерывались, и в такие секунды Андрей Иванович поникшим голосом отвечал: «Есть... Будет исполнено». Наконец разговор завершился. Лицо командующего покрылось испариной, выражало страдание. Этот полный бесстрашия и мужества волевой человек не сразу пришел в себя. А когда оцепенение прошло, обернулся ко мне и ослабевшим, доверительным голосом сказал: «Капитан! Позвоните всем командующим армий, корпусов и в Оперативное управление фронта и сообщите, что в 13—00 проведу здесь совещание. А сейчас надо немного собраться с мыслями, отдохнуть». Шофер Еременко «Минутка» (так звали и знали этого человека на Калининском фронте) помог командующему сесть в машину, и они уехали в направлении леспрохоза.

Не всех удалось застать и сообщить о совещании. Телефонограмму — распоряжение командующего — приняли в штабе 3-й Ударной, 11-й Гвардейской и др. Мой звонок на НП своего командующего запомнился. Трубку взял сам Василий Иванович Швецов. И когда я прочитал распоряжение, командарм возбужденно поругал меня (как будто я в чем-то был виноват) и громко, на высоких тонах заключил: «Вы бы там подумали, как сухари переправить своему командующему». Этого было достаточно, чтобы понять: либо начальник отдела Себик, либо начальник штаба Кудряшов уже информировали его, что из двенадцати километров на перешейке под нашим контролем осталось около пяти, и положение действительно сложное. Вот почему к указанному времени явились далеко не все. Раньше других прибыл командующий 11-й Гвардейской армией генерал И. Х. Баграмян.

---

¹ В ноябре 1943 г. И. В. Сталин подписывал шифровки — «Иванов».

Во время совещания полустеклянная дверь в комнату была приоткрыта, и, находясь в первой половине дома, я слышал все, о чем шла речь. Главное, Еременко сообщил, что его отзывают в Ставку, а командование фронтом Верховный приказал передать командующему 11-й Гвардейской армией Баграмяну. В этот момент я посмотрел в горницу: новый командующий фронтом, крепкий стройный генерал, стоял в положении «смирно» и слушал краткие пожелания теперь уже бывшего командующего Калининским фронтом.

В последующие дни положение на перешейке выправилось. Исключительный героизм полка истребителей танков, пехотных частей трех дивизий (в их числе и 16-й Литовской) не только остановил продвижение противника к Невелю, но и уничтожил более 10 тысяч его солдат, причинив значительный урон в технике.

Как-то в период боев на перешейке начальник штаба генерал Кудряшов вручил мне пакет и приказал немедленно на самолете доставить его на НП командарма, в район станции Дретунь. Самолет вел начальник штабной эскадрильи майор Максимов. Над перешейком постоянно баррожировали «мессершмидты». Кроме того, тут нельзя было снижаться, рискуя оказаться в зоне траектории снарядов и мин. Немцами велся также обстрел единственной, всегда забитой дороги. С воздуха она хорошо просматривалась. Тот тут, то там были видны увязшие в грязи машины, тракторы, подводы. Дорога имела многочисленные объезды и напоминала дельту реки в песках. Перед перешейком наш «У-2» атаковали истребители. Майор Максимов кивком головы показал мне на пулемет «Дегтярева», укрепленный с левой стороны. Но опыта не было, и две-три очереди, выпущенные мною, никакого эффекта не имели. Спустя несколько минут нас снова атаковали. Самолет вздрогнул, что-то заскрежетало, засвистело. Летчик не растерялся: резко пошел на снижение и посадил машину в зарослях молодого леса. Выйдя из самолета, он обратил внимание на мою грудь. Шинель была в крови. Однако боли я не чувствовал. Оказывается, как объяснил майор, при резком снижении открылось кровотечение из носа, которое, конечно, было пустяком в сравнении с тем, что могло случиться. Максимов насчитал более десяти пробоин, но ни одна из них не выводила машину из строя. Он заметил: такие случаи бывают редко, пока «отделались легким испугом». К счастью, небо заволакивали низкие,

стелющиеся облака, и это помогло нам выполнить задание и благополучно вернуться в Зеленые Луга.

Сопоставляя события, даты и ход перегруппировки войск, я догадывался: пакет, который надлежало доставить командарму, содержал полученные из штаба фронта указания о введении в нашу полосу кавалерийского корпуса, переброшенного к нам из сталинградских степей. Спустя несколько дней стало известно, что конно-танковая группа предназначалась для Городокской операции.

Во второй половине ноября из-за дня в день шли холодные, даже со снегом дожди. Единственная дорога на перешейке оказалась в непроходимом состоянии. Правда, с восстановлением положения на перешейке предоставилась возможность заняться ее ремонтом, подвозить лес и камень на самые трудные участки.

О положении на переднем крае и условиях, в которых шли бои за перешейком, свидетельствуют дневниковые записи бывшего переводчика в штабе полка 360-й дивизии Н. Н. Поспелова. 15 ноября он записал: «Пленные занскивают, лепечут, что их насильно заставляют воевать, что «Гитлер капут, Русь зольдат гут», жалуются на холод. А мы получили зимнее обмундирование... Дождь, дождь, дождь... Почти все землянки, даже с пятью накатами, протекают. На потолке крепится плащ-палатка. Самая популярная песня: «Мне в холодной землянке тепло...» Другая запись: «19 ноября противник пытался наступать. Была артподготовка, в которой участвовали шестиствольные минометы («ишаки»), 8 «фердинандов», 16 танков. Атака отбита залпами «катюш». Подобные картины и события наблюдались во второй половине ноября по всему фронту 4-й Ударной.

В условиях ожесточенных боев, начиная с 6 октября и до конца декабря, наши войска понесли заметные потери. Но убитых было меньше, чем раненых и больных, особенно если брать во внимание 1942 год и январь 1943 года под Велижем. Многие солдаты и офицеры заболели от простуды и нуждались в госпитализации. Все это требовало оперативной слаженной работы медико-санитарных подразделений, привносило свою напряженность. Медсестры и врачи в частях, в медсанбатальонах, в госпиталях, на станциях эвакуации раненых проявляли подлинный героизм. Об этом рассказано в книге видных организа-

торов медслужбы армии: Г. Г. Фоломьева, И. А. Зворыкина и Б. В. Милонова¹.

Приближался декабрь 1943 года. Штаб усиленно готовил очередную Езерищенско-Выровлянскую операцию. Чтобы разгромить группировку противника в районе Старой Бычихи и Городка, наши войска концентрировали удар из-за реки Выровля на восток, как бы навстречу дивизиям, наступавшим в юго-западном направлении.

Успех операции имел не только оперативно-тактическое, но и политическое значение, поскольку 4-я Ударная начала освобождать северо-восточную часть Белоруссии.

Мои друзья и коллеги работали в войсках, на командном пункте командарма. Шла обычная проверка выполнения распоряжений в полках, дивизиях, отдельных частях. Необходимые данные передавались в оперативный отдел штаба армии, обрабатывались. Что-то срочно уточнялось, дополнялось, изменяя оценки и выводы. Напряжение спадало лишь в минуты отдыха, когда каждый мог провести их по своему усмотрению.

Майор Вилинов, вспоминая о том времени, осенью 1981 года писал мне из Ленинграда: «Дежурил у командарма (он спал, или отдыхал, как тогда говорили). Я грешным делом (для того времени) любил, да и сейчас люблю, запрященного в то время для исполнения у нас в штабе Рихарда Вагнера (особенно, вступление к третьему акту «Лоэнгрина»). В комнате стоял большой и хороший, по тому времени, приемник. Я включил его и сразу же попал на какую-то немецкую станцию, передававшую именно это произведение. За окном, плотно завешанном плащ-палаткой, свистел ветер, о стекла назойливо бился снег с дождем, а внутри звучала приглушенная музыка Вагнера... Через годы пронес я это радостное ощущение от услышанной тогда любимой музыки».

Конечно, Вилинов про эту «шалость» не рассказывал, потому что его поступок выходил за пределы дозволенного. Но люди, несмотря ни на что, оставались самими собою, и у каждого были свои «соблазны» для души.

Находясь во вторую половину ноября в войсках за перешейком, я исколесил десятки километров пути, побывал во многих только что освобожденных деревнях. Семьи партизан полностью или частично истреблены немцами и предателями-полицаями. Кругом горе, слезы, люди измучены, голодны, забиты. За два года немецкого господства

---

¹ Во имя жизни героев.— М.: Медицина, 1973, с. 111—134.

хозяйство в этой части Белоруссии разрушено. Ограбление и разорение тесно связаны с моральным опустошением населения. Сейчас оно словно просыпалось от кошмарного сна...

Это была вторая командировка, которая связывалась с определенной проверкой и уточнениями по ходу боев, использованием подручных средств в предстоящем форсировании реки с заболоченными берегами¹. Я получил также ценную информацию, которая не входила в оперативные сводки и донесения.

Подготовка операции по окружению и разгрому Езерищенско-Городокской группировки противника развернулась в полную силу в начале декабря. С наступлением похолодания была произведена перегруппировка войск. Оперативный отдел работал с особым напряжением более десяти дней. Короткие «часы досуга» выпадали все реже. Чем мы их заполняли? Виктор Седов доставал мандолину, Вася Колесниченко любил душевную песню, читали и коллективно обсуждали прочитанное. Помню, однажды, когда штаб находился в деревне Грязная, мы прочли вслух «Неотосланные письма» Аделя Кутуя. Искренний рассказ о жизни одной татарки. Место действия — Казань и ее окрестности. В этих «Письмах...» многие мысли и чувства заставили нас поволноваться и задуматься. Первые два письма казались более интересными, чем последние, в них больше правды, «человечности», откровения...

Мне было приятно, что оперативники высоко оценили Аделя Кутуя, который также находился на фронте. В разговоре выяснилось, что мои коллеги мало знали о татарской современной литературе, о писателях и поэтах Казани. Лишь один из них вспомнил стихотворение Ахмета Ерикеева, посвященное метростроителям-москвичам, написанное в 1935 году. Удивительно, что это происходило в разгар новой декабрьской наступательной операции.

Уже на следующий день мы выехали в войска для сбора и проверки наиболее важных сведений и наблюдений. Операция проходила с 13 по 17 декабря. Замысел и план командования ударная группа выполнила быстро и без значительных потерь. Зато противник потерял около 17 ты-

---

¹ На материалах этой операции я написал статью «Опыт форсирования рек с использованием подручных средств» (по заказу газеты 1-го Прибалтийского фронта «Вперед на врага»). Статью опубликовали 23 июня 1944 г. накануне форсирования войсками 43-й армии реки Западная Двина под Витебском.

сяч солдат и офицеров, было взято в плен более 1700 человек. По данным, которые я внес в Журнал боевых действий, мы уничтожили более 300 пулеметов, 107 орудий, около 50 танков и 21 самоходное орудие, 105 минометов, около 400 автомашин и спецмашин, 3 паровоза и два эшелона из 62 вагонов, более 10 складов. Внушительными были наши трофеи.

Несколькими днями позже войска соседней армии взяли Городок. Теперь левому флангу противник больше не угрожал, 4-я Ударная получила простор для наступления в Белоруссии и выхода в восточную Латвию. Развивая успех, войска армии перерезали к концу декабря важнейшие для фашистов коммуникации — железную дорогу и шоссе Витебск — Полоцк.

Возвращаясь в штаб с переднего края, я видел колонны пленных немцев. Куда подевался их бравый вышколенный вид? Скорее, это деморализованные и потерявшие человеческий облик солдаты, вернее, то, что осталось от них. За четыре года войны, ограбив Европу, фюрер не сумел в декабрьские морозы одеть их, дать им хотя бы «эрзац-ватники», шапки. В пилотках и в летнем потрепанном обмундировании, зачастую в рваных ботинках тянутся эти маньяки, возомнившие себя сверхчеловеками, к нам в тыл. Они еще, как и прежде, стреляют, еще исполняют приказ, но при удобных случаях уже предпочитают поднимать кверху руки. «Декабрьских 1943 года» фрицев заботит одно: как спасти собственную шкуру. Невольно рождаются ассоциативные контрасты: создается впечатление, что наша армия еще только начинает вводить главные, решающие силы... Что возможности нашего тыла неисчерпаемы. Здесь все — от генерала до солдата — понимают, что в любое время тыл даст все необходимое, чтобы добиться Победы. Вот почему трудности, которые встречаются на нашем пути, мы переживаем спокойно. Они нас закаляют, делают смысленнее и изворотливее.

21 декабря Верховный Главнокомандующий представил к награждению соединения и части, отличившиеся в Езериско-Городокской операции. В Приказе отмечалось, что операции по прорыву сильной обороны противника к югу от города Невель проведены успешно. Такая оценка воодушевила войска. В тот же день Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами ряд соединений и частей. 166-я дивизия награждалась орденом Красного Знамени, 47-я дивизия и 70-я танковая бригада орденами Суворова II степени.

Во время описания операции непосредственно на переднем крае я столкнулся с рядом необычных и в то же время занимательных случаев, не сказать о которых было бы несправедливо. По пути на один из наблюдательных пунктов командира дивизии мне пришлось переходить по льду довольно широкую речку, петлявшую по заболоченной пойме. Мины и снаряды падали поблизости то тут, то там. У противоположного берега меня оглушило разрывом и, потеряв ориентировку, я попал в полынью. Едва выбрался на берег, поспешил в ближайшую землянку. Снял мокрую одежду. С помощью лейтенанта-артиллериста облачился в сухую шинель и часа три ждал, пока мое обмундирование, начиная с полушубка, просохнет на ветру. Лейтенант охотно рассказывал о героизме своих ребят, о трудностях борьбы с немецкими самоходками — «фердинандами» и «пантерами», которые хорошо замаскированы и прикрыты огнем пулеметов с флангов. Чего только не было в бою! По рассказу лейтенанта, за день до нашей встречи произошел такой эпизод. Один из командиров поднялся на пригорок, чтобы в бинокль посмотреть на расположение огневых средств противника, и вдруг с тревожным криком упал и покатился в укрытие. Выяснилось: между широко расставленными ногами пролетела «болванка», разорвав брюки и кальсоны, часть тела обожгло, но ранения не было. Ни до, ни после мне не приходилось слышать что-нибудь подобное.

В эти же дни с неожиданной, грозящей гибелью, ситуацией столкнулся подполковник Виктор Седов и летчик штабной эскадрильи «У-2». Во время подготовки Езерищенско-Городокской операции части и подразделения 3-го конного корпуса генерала Осликовского растянулись на десятки километров: условия лесисто-болотистой местности оказались для них непривычными. Связь со штабом прерывалась, а обстановка требовала точных данных о местонахождении штабов и частей корпуса, к тому же надо было доставить секретный пакет его командиру. Начальник оперативного отдела получил приказание немедленно направить на «поиски» пропавших опытного оперативника. Им оказался старший группы информаторов Виктор Седов. Вот что он рассказал об этом поиске вечером, по возвращении в штаб. Вылетели во второй половине дня. Более часа самолет на небольшой высоте летел вдоль дорог, над лесными просеками и болотами. Встречались небольшие санные обозы, группы солдат, но скопления лошадей под седлом либо в артиллерийской упряжке не попадалось.

Нервное напряжение росло и заставляло поворачивать машину то влево, то вправо, не отдаляясь от переднего края.

Кончился лес. На склоне вывешенности открылась деревня. И вдруг около бань и «сажалок» (так называли в здешних местах маленькие водоемы для замачивания пеньки) увидели несколько запряженных повозок и просто оседланных лошадей. Сомнений не было — тылы корпуса Осликовского. Летчик решил произвести посадку неподалеку от околицы деревни, прямо на лед, сковавший заболоченный луг.

Может быть, «сработало» предчувствие: бывалый летчик не выключил мотор, когда Седов направился в деревню. Но только оперативник отошел от самолета, как заметил перебегавших между бань и кустарником мальчишек лет десяти-двенадцати. Размахивая руками, как бы привлекая к себе внимание, они наперебой прокричали: «Дяденька, у нас немцы!» — и тут же исчезли в кустах. Виктор мгновенно повернул назад. Оглянувшись, увидел: на улицу выбежала группа военных, затрещали автоматные очереди. Быстро забрался в самолет, машина развернулась хвостом к деревне и, вздрогнув, устремила ввысь. Несколько пуль настигли машину, но уже утратили пробивную силу.

Немецких солдат и поднимавшийся в воздух У-2 разделяло расстояние в 250—300 метров. Немцы стояли возле кустарника, куда спрятались патриоты, предостерегшие нас от неминуемой гибели. Где они сейчас, эти мальчишки? Наверное, не раз рассказывали уже своим сыновьям и их сверстникам, как спасли командира и самолет накануне Нового, 1944 года. Лишь на обратном пути удалось обнаружить расположение кавалерийского корпуса и выполнить приказ начальника штаба армии.

После того как наша армия была ориентирована на наступательные действия в направлении Полоцка, изменились условия работы штаба. Если раньше Полевое управление в основном находилось на стационарном положении и редко перемещалось, то теперь все чаще приходилось трудиться в штабных автобусах, блиндажах и землянках.

Оперативный отдел и вовсе функционировал круглые сутки, отдыхали по очереди и понемногу. Нам с Соловьевым было особенно трудно «успевать» в условиях частых перемещений. Чтобы писать историю боевых действий и вести поденные записи в ЖБД, требовались многие документы и материалы, которые фактически дважды переписывались.

В сутолоке перемещений, поездок в войска и т. п. мы

не могли как раньше встречаться с начальником оперативного отдела, с начальниками других отделов и служб Управления армии.

Но все эти трудности преодолевались, правда, с известными издержками. Дело в том, что интерес к истории боев как-то отступал на второй план. Все время и внимание уходило на те конкретные задачи, которые определялись динамичностью оперативно-тактической обстановки в полосе армии.

В декабре 4-й Ударной армии исполнялось два года. Два года боевого пути. Событие немаловажное. Как только завершилась Езерищенско-Выровлянская операция, начальник штаба генерал-лейтенант Кудряшов дал указание Себику подготовить доклад о боевом пути армии. В разговоре со мной поинтересовался, как ведется Журнал боевых действий и в каком состоянии рукопись, подготовленная еще летом 1943 года по истории боев войск армии. Мой ответ, надо полагать, он оценивал положительно: поручил в канун Нового года выступить на собрании офицеров штаба с докладом.

Сохранились его тезисы. В докладе освещались события важнейших военных операций, говорилось о примерах воинского героизма, связи войск с партизанами, с трудящимися областей и республик, в которых в 1941 году формировались дивизии.

4-я Ударная прошла с боями на Запад более 400 километров, освободила от оккупантов территорию в 20 000 квадратных километров, с более чем 10 000 населенных пунктов. Миллионы советских граждан, оказавшихся в оккупации, освобождены от так называемого «нового порядка». Многие тысячи молодых людей Калининской, Смоленской и других областей были призваны на службу в войска прославленной армии.

Отмечая нерушимое единство фронта и тыла, все возмраставшее снабжение войск первоклассным вооружением, нельзя было не увидеть, что и сама наша армия стала другой. В жестоких боях она выросла и закалилась. Офицеры овладели искусством маневра: обходы, охваты, окружение групп противника стали обычным приемом командиров. Наряду с ростом офицерских кадров, прибывших из училищ и госпиталей, наши армейские курсы подготовили 1289 офицеров, многие из которых командовали батальонами, занимали ответственные должности в штабах. Вместе с тем 209 рядовых и 1130 сержантов, обнаруживших способности к командованию на поле боя, также получили офи-

церские звания. Тринадцать старших офицеров (командиры дивизий и полков) удостоены генеральских званий. 25 175 рядовых, сержантов, офицеров и генералов за проявленные в боях высокие образцы мужества и отваги награждены орденами и медалями (из них орденом Ленина — 11 человек).

Приведенные в докладе данные были собраны и проверены в соответствующих отделах и управлениях и вошли в рукопись «Боевой путь 4-й Ударной армии». В те дни мы были уверены в том, что после войны она явится основой книги по истории армии.

Внушительные цифры характеризовали боевые заслуги войск армии в целом: по данным отделов штаба, за два года она уничтожила около 160 000 солдат и офицеров противника, около 3200 взято в плен, что в общем составляло более пятнадцати вражеских дивизий.

Само собой, путь, пройденный армией, не был легким. Мы потеряли тысячи верных сынов нашей Родины, замечательных советских людей. По дорогам войны встречалась не одна братская могила — скорбные памятники горячих боев... Кровь, пролитая нашими товарищами во имя Отчизны, обязывала нас еще мужественнее, еще решительнее бить иноземных захватчиков, изо дня в день множить успехи и славу советского оружия. «Впереди поруганная, скорбящая, но гордая и славная своей волей к борьбе Белорусь, впереди Советская Прибалтика, зовущая нас...» — заключительные слова доклада.

Этот документ дает представление о том, какой систематической и результативной информацией по изучению опыта и истории военных действий располагали в оперативном отделе штаба армии. К нашим материалам и журнальным записям постоянно обращались работники политотдела. Со мной, например, часто контактировал Сергей Михайлович Петров, до войны он работал в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). С ним мы встречались и после войны, когда профессор Петров возглавил кафедру истории КПСС в Высшей партийной школе, неоднократно обсуждали нелегкий вопрос о подготовке книги о боевом пути и подвигах войск 4-й Ударной. Обращались к нашим материалам и партизаны.

В свою очередь, мы постоянно проверяли информацию в ряде отделов и служб, особенно в политотделе, отделе кадров, разведке и др. Необходимость сравнивать и анализировать факты боевой жизни войск была связана не только с выполнением служебных обязанностей, но и явля-

лась органической потребностью профессиональной подготовки историка. Случалось так, что в аналитическом подходе, стремлении объяснить поведение некоторых начальников, мы выходили за пределы нашей компетенции или, как тогда говорили в штабе, за пределы «дозволенного». Особенно это проявлялось при подведении итогов операций и обсуждении условий для планирования новых. Вероятно, поэтому у нашего начальника нередко прорывалось «ироническое» отношение к историкам, а то и известная настороженность.

В канун Нового 1944 года мои коллеги страстно обсуждали перспективы развития событий, прогнозировали открытие второго фронта в Европе, осуждали союзников по антигитлеровской коалиции за то, что они явно оттягивали срок окончания второй мировой войны. В то же время мы понимали, что решающие удары по врагу в наступающем году нанесет наша армия.

В то время, когда силы и мощь Красной Армии все множились, гитлеровская армия выдыхалась. Попытки немецкого командования перейти к окопной войне, к жесткой обороне не могли в сущности помешать нашим последовательным и сосредоточенным ударам на всем протяжении фронта, который был растянут на четыре с половиной тысячи километров.

Новый год, год решающих побед, мы встретили в районе деревень Горяне и Виронки. Как много изменилось в нашем ратном деле, как все мы возмужали, «поднялись» на должный уровень. И не только в тактике, но и могли судить о стратегии и дипломатии. Так, по крайней мере, нам казалось. Это было залогом того, что во всяком поручении мы действовали по совести и правде во имя великой цели — разгрома фашизма.

Ночь под Новый год всегда овеяна легендами, надеждами на лучшее. Не зря считают: «...под Новый год что ни пожелается, все всегда произойдет, все всегда сбывается». Маршал А. М. Василевский отмечал: «Даже в трудное время светились теплые огоньки». Наши мечты и надежды на скорую Победу и возвращение к семьям в этом году имели вполне реальные основания.

Незадолго до Нового года нас посетил главный маршал артиллерии Н. П. Воронов. Думалось, это было не случайным и как-то связывалось с предстоящими задачами фронта и нашей армии. Встречал маршала майор Вилинов ночью, в буран. Почти все офицеры оперативного отдела находились в войсках. В эту новогоднюю ночь мы много

говорили о прошлых боях, вспоминали, как встречали и провожали 1941-й, 42-й и 43-й годы.

В первые дни января по заданию полковника Себика я отправился в один из корпусов для уточнения и сбора важных сведений по Езерищенско-Выровлянской операции. «Материал», по-видимому, понадобился командующему и начштаба армии для предстоящего разбора операции. Не хватало кое-каких деталей, подробностей. Это задание вполне устраивало меня: предстояло внести ряд уточнений в развернутое описание декабрьских боев 1943 года в Журнал боевых действий. Когда возвращался, стояла на редкость теплая для января погода: на проталинах озимых появилась зелень. Сельчане говорили, что такой зимы здесь не было «испокон веков».

* * *

В конце зимы и в весеннюю распутицу в войсках шла боевая и политическая учеба. Проводились занятия и в штабе армии. В нашем отделе главное внимание обращалось на оперативную подготовку. Занятия вели начальник отдела, ведущие информаторы и направленцы. Привлекались в необходимых случаях и начальники или офицеры из других отделов и служб. Важное значение придавалось обработке оперативных документов, сводок, боевых донесений, распоряжений (текстовых и графических). Помню, такие занятия проводили Седов, Нечаев. Приходилось выступать и нам с Соловьевым.

Однажды состоялся разговор о случаях разнобоя в донесениях, поступавших не только из штабов корпусов и дивизий, но и в некоторых документах, которые уходили в штаб и Политуправление фронта. Нам, историкам-профессионалам, такие факты казались вопиющими, требующими серьезных мер для их предупреждения. Хотелось, чтобы в ЖБД были точные и объективные данные по всем вопросам подготовки войск и результатам боев, которые велись непрерывно, хотя войска до июня 1944 года находились в обороне.

На занятиях мы информировали о положении на других фронтах, проводили беседы на политические темы. Выполнялись и отдельные оперативно-тактические разработки. Так, по поручению заместителя начальника отдела Нечаева, Вилинов занимался оборонительной операцией на случай, если противник предпримет со стороны Дретунь — Полоцк попытку прорваться в полосу 4-й Ударной армии.

«Это задание, — как вспоминает в недавнем своем письме Вилинов, — я выполнил, разработав план на карте с приложением к нему пояснительной записки. Пылится, наверное, сейчас в архиве в Подольске».

Вилинов вспоминает также, что весной он встречал командующего фронтом генерала Баграмяна. С его посещением нашей армии связывалось повышение уровня оперативной подготовки офицеров, так как были наслышаны о высоких требованиях к штабной работе командующего фронтом и его начальника штаба Курасова. Это было первое посещение штаба 4-й Ударной командующим фронтом при новом командарме П. Ф. Малышеве.

Ранней весной на нашем фронте было относительно спокойно. Зато на других Красная Армия громила и отбрасывала на Запад войска фашистской Германии и ее союзников. Все это определяло существенные перемены в настроениях наших солдат и офицеров. Изменился даже характер их переписки. Чаще всего это уже не были письма-скажорок. В начале Нового 1944 года в Москву на учебу отправился наш коллега майор — большой жизнелюб, но с некоторыми, как мы говорили, слабостями. Помню, провожали его ночью, пожелав успехов, и не скрывали чувства белой зависти. Война шла к концу, и ему как кадровому и несомненно способному человеку предоставлялась редкая возможность жить и работать в Москве. Мы еще не знали, что в чем-то он не устраивал начальника отдела, и это явилось одной из причин его откомандирования на учебу.

В первом письме из Москвы, адресованном ко всем офицерам оперативного отдела, он делился увиденным на пути следования: «Великие Луки — какая жалкая картина. Камня на камне не осталось. Тот же Велиж... У дежурного по станции на дверях табличка: «Ни на какие вопросы не отвечаю. Обращаться к военному коменданту...» Уцелевшие «признаки» вокзала — рельсы и небольшая платформа для посадки. Болгое — городишко полуразрушенный, почти без стекол, мрачный, неживой». В Москву наш коллега прибыл 8 января 1944 г., посетил ресторан. Затем был на спектакле «Лебединое озеро» в Большом театре, в театре имени Станиславского, смотрел «Периколу». Кроме того, посмотрел фильмы «Фронт», «Жди меня», «Повесть об одном корабле» (англ.)».

Привлекали оценки и мнения, которые содержались в этом длинном письме. О картине «Фронт»: «Когда сидишь в зале, то как офицер чувствуешь себя неловко... В беседе с одним полковником узнал, что немцы отбросили в пьесе

эпизод боя и пустили ее всю целиком, озаглавив: «Так они воюют». О картине «Жди меня»: «Схема и шаблон. Прав «Крокодил», когда написал: «Зрители сказали — не ждали...» При всей своей субъективности подобные характеристики относились к бытовавшим веяниям и настроениям, которые разделяли многие.

Наш молодой майор был зачислен на подготовительный курс Военной академии. С мая после сдачи конкурсных экзаменов предстояла учеба на протяжении трех лет.

Для нас прозвучало новостью, что бывший командующий 4-й Ударной Швецов, о котором говорили, будто он уехал в Москву исполнять должность начальника академии, в академии не работает: «Тут по-прежнему командует генерал Веревкин-Рохальский». Было приятно узнать, что командир 1122-го полка 334-й дивизии полковник Сорока, которого я хорошо знал в 1942 году, теперь начальник кафедры пехоты в академии. Там продолжали учебу наши товарищи по отделу Филиппов и Клушин. В письме от 15 февраля 1944 г. майор сообщал, что встретился с подполковником В. К. Португаловым еще в январе и передал ему мое письмо.

Слушатели подготовительного курса занимаются на полигоне в районе Загорска — главным образом, изучают военную технику, свою, отечественную, и противника. Живут в одном из монастырских зданий. В Загорске размещалась Ленинградская академия художеств. При ней работал хорошо оборудованный театр, и слушатели имели возможность смотреть спектакли. В частности, постановки «Страсти и таланты», «Лес» и др.

Майор просил выслать бандеролью бумаги, передавал приветы: «Артели Гиршмана» (Вале, Зине — машинисткам отдела, Ларисе — чертежнице). По своей работе он был более других связан с канцелярией.

Спустя месяц майор докладывал друзьям: «Все экзамены сданы на «отлично», появилось свободное время. На экранах кинотеатров — «Багдадский вор», «Леди Гамильтон», в театре оперетты — «Девушка из Барселоны». Далее наш «Дон Жуан», как мы в шутку называли его в кругу офицеров отдела, ссылаясь на факты, замечал: «...Иногда войне сопутствует ослабление семейных нравов, ответственности перед собой. За все это будущее, несомненно, нас осудит». Это не с чужого голоса. Наш майор как раз принадлежал к той немалочисленной группе офицеров, которая хорошо выполняла свой долг, но нередко забывала об ответственности перед собой. Наша переписка поддер-

живалась до мая 1944 года. На последнее письмо он не ответил, и, к сожалению, о дальнейшей судьбе нашего коллеги мы к концу войны не знали.

Весной я послал несколько писем родным и близким. Поздравил с днем рождения жену Ольгу Владимировну. С грустью подумалось: как быстро бежит время! Давно ли ей было восемнадцать. Вспомнил осень 1934 года в Ленинграде, знакомство с милой девушкой. Ее быстрые застенчивые движения, веселый смех и первые взгляды восторженного недоумения и удивления... Ночь на набережной Невы. Тусклый свет фонарей на Сенатской площади и мириады больших, неторопливых снежинок. Снежинки падали на бледное лицо и таяли, таяли... С Балтики подул ветер. Снег сразу заметался, и ночной город будто ожил. Ольга молчала. Мы шли по Дворцовой площади и поистине хотелось воскликнуть: «Остановись, мгновение, ты прекрасно»... Сейчас в моем сердце была боль за поруганный, но героический город Ленина, колыбель Великого Октября. Память высвечивала дорогие лица погибших во время блокады учителей и наставников — профессоров Е. Кудрявцева, П. Андреева и других. Казалось, совсем недавно в институте имени А. И. Герцена мы слушали их лекции, сдавали экзамены.

В письме к жене в Казань мне хотелось воссоздать образ дорогого нам города, полагая, что воспоминания о нем в этот день будут ей приятны. Сообщил также, что 1 Мая начальник штаба генерал Кудряшов наградил меня часами...

Обычно время дежурства у начальника штаба использовалось так, чтобы набрать дополнительный материал для Журнала боевых действий. Сюда, в штаб, приезжали по разным делам командиры, работники штабов, заходили начальники отделов и служб Управления армии. Однажды с так называемыми «подарками из США» — заокеанским кожаным пальто — явился работник из Управления тыла армии. Мы были знакомы, и он доверительно спросил: «Как хозяин?» Это означало: в каком настроении генерал и какая может быть его реакция на подарок. Мне не нравилась такая манера, как и вообще его броская мягкость и учтивость. Легко угадывалось, что с подчиненными он далеко не обходителен и учтив. В отделе о таком человеке говорили: «Далеко пойдет». Субординацию мы понимали не совсем одинаково, если не сказать, — по-разному. Но это, несомненно, был сильный, ловкий и хороший исполнитель, который считал: его служба должна поощряться постоян-

но, а для этого надо быть на виду у начальства. Александр Иванович не считал на этот раз удобным встретиться с работником тыла армии и распорядился оставить подарок его ординарцу.

В этом частном эпизоде проявилась наблюдательность генерала, свое собственное понимание подчиненных. Он не любил ханжей, хотя и принимал в условиях войны стремление некоторых офицеров «выслужиться», вызывать постоянное внимание на себя как неизбежное. И уж никому не запрещал открыто осуждать подхалимаж, нарочитое старание чем-то и как-то угодить начальству, чтобы получить благодарность или другую награду.

Мне не раз приходилось говорить, особенно в бытность парторгом оперативного отдела, на эту щекотливую тему, и однажды Александр Иванович заметил, что его тоже беспокоит, какие характеры, какие черты личности окажутся «на переднем крае» в нашей жизни после войны. Он был сдержан в разговорах, но всегда внимателен и справедлив, и этим определялся его моральный авторитет в доверенном ему штабе.

Моя очередная командировка в войска была связана с проверкой работы разведывательного характера. Когда после семидневного отсутствия я возвращался в штаб армии, то он уже переместился в деревню Малые Скрипки. Пришлось пожить несколько дней в землянке. Ничего, условия быта вполне удовлетворительные. Есть постель, подушка, две простыни, одеяло. Это уже роскошь. Приходилось жить хуже. Режим дня складывался весьма просто, в большинстве случаев дни и ночи проходили, отрицая какой бы то ни было режим. Все зависело от состояния фронта... Сейчас у всех бодрое настроение.

Вторжение союзников в Европу и наши успехи в Финляндии буквально у всех на устах с утра до ночи.

Штаб усиленно разрабатывал новую наступательную операцию. Направленцы находились в дивизиях, «спускались» в полки и батальоны, которые отрабатывали взаимодействие с другими родами войск. Еще не все из нас знали о готовящейся Белорусской операции и той роли, которую сыграет правый фланг 1-го Прибалтийского фронта — 4-я Ударная и 6-я Гвардейская армии.

В деревне Большое Ситно мне привелось при необычных обстоятельствах лично познакомиться с новым командующим, генералом П. Ф. Малышевым. Мы с майором Соловьевым узнали: для командующего топят баню, но его пока нет, и никто не знает, когда он вернется из поездки в

одну из дивизий. Его адъютант зашел по какому-то делу в оперативный отдел, мы разговорились и попросили разрешения попариться. «Давайте, — сказал адъютант, — только не задерживайтесь». Уже через полчаса мы сидели намыленные в парной. Вдруг скрипнула дверь предбанника и в парную заглянул Петр Федорович. Его окутало паром — дверь быстро закрылась. Можно себе представить наше волнение и то неловкое состояние, когда вошел генерал. Встретили мы его стоя в положении «смирно». Командарм поздоровался и сказал: «Продолжайте, продолжайте». Уже лежа на полке с веником, разговорился. Спросил, чем занимаемся в отделе, отметил: работа очень важная и требует высокой специальной подготовки. Между тем мы понимали, что вчетвером в бане тесно и, пожелав «легкого пару», поблагодарили адъютанта и быстро ушли.

Эта первая, столь необычная встреча оставила след в памяти, вызвав чувство симпатии к этому уже пожилому (так нам показалось) человеку, с которым потом прошли до конца войны в условиях непрерывных боев, перегруппировок и перемещений от Полоцка до Даугавпилса (Двинска), Клайпеды и Крекинги. Лишь много лет спустя, после войны, я узнал, что наш командующий совершил подвиг, который никогда не забудет Россия: он взял ответственность перед Родиной, приказав взорвать мосты через Днепр в Смоленске. Этим задержал выход танковых соединений фашистской армии, нацеленных на Москву. В тот июльский день 1941 года мне, раненому, несколько часов довелось провести в родном городе и на Кардымовском шоссе в районе совхоза имени Молотова. Мы благодарны Ивану Стаднюку за правдивое и яркое описание Смоленского сражения и, в частности, гражданского мужества и смекалки коменданта Смоленска, полковника Петра Федоровича Малышева.

ОПЕРАЦИЯ „БАГРАТИОН“

Интенсивная подготовка войск 4-й Ударной армии к наступлению большого масштаба началась с первых дней июня 1944 года. Командование 1-го Прибалтийского фронта, учитывая большие потери войск армии, зимой 1943—44 года оставило ее на правом фланге. В соответствии с планом провело перегруппировку войск фронта.

Накануне операции «Багратион» в 4-й Ударной было 4 стрелковые дивизии и одна стрелковая бригада. Все они

имели вряд ли более половины штатного состава. В начале лета получили пополнение — около 6 тысяч человек. Часть личного состава представляла собой контингент, с которым пришлось много работать, главным образом, политработникам. Из «старых» дивизий оставались 332-я Ивановская имени М. В. Фрунзе, 360-я Оренбургская и 119-я дивизия. В армию входили один танковый батальон, артиллерийский, зенитный и минометный полки, полк гвардейских минометов («катюши»), огнеметный батальон, два саперных и два инженерно-саперных батальона. Армия имела хорошее обеспечение частями и подразделениями связи (полк, линейный батальон, четыре отдельных роты).

По-прежнему нам помогала 314-я ордена Красного Знамени, ордена Кутузова авиационная дивизия полковника С. Ф. Плахова. После войны в Казани Сергей Федорович так определял задачи в операциях 1943—1944 годов: «Переброска боеприпасов и эвакуация раненых из районов, занятых партизанами, с посадкой на почти необорудованные площадки, а то и просто на замерзшее болото. Обеспечение боеприпасами и продовольствием наших частей, оказавшихся в «мешке». Полеты производились в условиях очень плохой погоды».

После Езерищенско-Выровлянской операции, взятия станции Бычиха и города Городок обстановка была другой. Сохранилась карта базирования армии, где обозначены перемещения аэродромов, с которых уходили на боевые задания летчики Плахова. Аэродромы располагались на правом фланге, в непосредственной близости к «партизанскому краю», в 20—30 километрах от лесов и озер севернее Дретуни. Штаб армии перемещался на 15—20 километров восточнее¹.

Мы знали о героических делах этой дивизии, но данные о результатах боевых действий ночных бомбардировщиков обычно доходили до оперативного отдела с запозданием (сказывалась секретность взаимодействия с партизанами, отсюда не исключена возможность неполных записей в ЖБД). Летчики, в основном девушки, выполняли задания успешно. Нередко они выходили из самых трудных ситуаций благодаря мастерству и мужеству, которому могли бы позавидовать многие представители «сильного пола».

---

¹ Эту карту и другие материалы С. Ф. Плахов незадолго до кончины передал мне, как, по его словам, «историку 4-й Ударной».

Офицеры оперативного и других отделов и служб штаба армии непрерывно проводили в частях и подразделениях инструктаж, занятия, в которых разбирались наступательные бои в условиях лесисто-болотистой местности. Изучался опыт организации штурмовых групп и отдельных штурмовых батальонов. Он был зафиксирован в ЖБД и теперь пригодился. Наше внимание привлекал опыт прорыва обороны противника в районе Волчьей Горы — Росседенье и в последующие дни Городокско-Невельской операции 1943 года. Особое значение придавали проведению занятий в 83-м стрелковом корпусе, находящемся на переднем крае. В целом план занятий, разработанный в нашем отделе под названием «Работа штабов стрелковых дивизий, стрелковых полков и батальонов в наступательном бою в лесисто-болотистой местности», проводился в войсках успешно. Кроме того, личному составу подразделений разъяснялось значение предстоящих боев для освобождения Белоруссии и перенесения удара по врагу в Прибалтику.

Инженерные подразделения оборудовали три армейских наблюдательных пункта. На участке одной из дивизий появились электрозаграждения. Совместно с направленцами очень напряженно работал разведывательный отдел штаба. На дорогах проводились проверки, устраивались засады, ночные вылазки за линию огня. Удалось захватить более десяти пленных, которые сообщили важные сведения о противнике на участке 83-го корпуса. Как и в прошлые годы, в тылу противника действовали разведгруппы, поддерживалась связь с партизанами.

В двадцатых числах июня перед войсками армии стояла задача — разгромить сильно укрепленный пункт Ровное и занять коммуникации, соединявшие Витебск с Полоцком (Шумилино, Стариновичи). Командование 83-го корпуса готовило для предстоящей операции 360-ю дивизию. В район ее расположения подтягивались средства усиления.

Генерал И. И. Чиннов, командир 360-й дивизии, 21 июня подготовил приказ — наступать в направлении Ровное. На следующий день он получил «частный» приказ: совместно с танковым батальоном, артиллерийскими и минометными частями быть готовым к наступлению. Но, как стало известно впоследствии, по просьбе маршала Г. К. Жукова начало операции «Багратион» с 23 июня перенесли на 24-е¹. В связи с этим отложили и наступление 83-го кор-

---

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. — М.: Воениздат, с. 433—434.

пуса. 23 июня во фронтовой газете «Вперед на врага» появилась моя статья по опыту форсирования реки с использованием подручных средств. В те дни публикация такой своевременной статьи (накануне форсирования войсками 43-й армии реки Западная Двина) воспринималась, по справедливому замечанию И. Х. Баграмяна, как награждение орденом или медалью. Возможно, что командарм П. Ф. Малышев обратил на эту публикацию внимание.

О том, что наступление на Ровное должно перерасти в большую армейскую операцию по разгрому Полоцкой группы противника, мы знали 23 июня. В разговоре с Виктором Седовым прояснилось: предстоит частичная перегруппировка и вхождение в состав нашей армии новых соединений. Это же подтвердили и офицеры 8-го отдела, когда на исходе дня 23-го я просматривал у них некоторые документы для записи в ЖБД.

Сделав вечером последнюю запись в Журнал о положении и событиях в войсках армии, я прилег отдохнуть. Около двух часов утра 24 июня сон прервал оперативный дежурный по штабу. Командарм лично распорядился явиться к нему не позднее трех часов.

Добротный крестьянский дом, который занимал командующий, находился на окраине деревни Малые Скрипки, метрах в трехстах от штаба. Быстро собрался и уже в половине третьего утра был у дома командующего. Предполагая, что придется вести записи, надел полевую сумку, положил карту с участком 83-го корпуса, чистую бумагу и командирскую линейку, которую и сейчас сохраняю в своем рабочем столе. Мое появление у крыльца заметил адъютант. Мы поздоровались, закурили. В стороне стоял на посту часовой, вернее, не стоял, а сидел на бревне в обнимку с автоматом. «Зачем в такую рань?» — спросил я адъютанта. «Будет что-то диктовать».

Комната, где горела маленькая лампочка от аккумулятора, была пуста. Но через некоторое время из-за печки, за которой размещалась отгороженная тесом спальня, вышел Петр Федорович в полном обмундировании, при оружии. Сильно пахло табачным дымом. После обычного приветствия: «Здравия желаю!» я доложил: «Помнач оперативного отдела по изучению боевых действий... по вашему приказанию прибыл». Петр Федорович пожал мне руку и сказал: «Будем писать приказ. Вот бумага и карандаш». На краю стола на военной карте лежала стопка бумаги. «Устраивайся удобнее», — добавил командарм.

Более часа, расхаживая по комнате и не раз склоняясь

над картой, он диктовал боевой приказ о наступлении войск с 8—00 часов 24 июня. Сразу же стало ясно: обстановку в направлении Ровное он знал, но допускал возможность «сюрприза» со стороны противника. Позже выяснилось, что по его приказу была организована телефонная связь непосредственно с командиром полка, подполковником Коржиком. Знали ли об этом командиры 83-го корпуса Солдатов и 360-й дивизии Чиннов? Я понимал: рождается необычный уставной приказ, так как указывались варианты и отклонения по ходу операции. Разрешались и определялись «лобовые» и обходные действия.

Имея опыт в составлении оперативных документов разных уровней, я видел, что командарм не только развязывает инициативу командиров и начальников в оперативно-тактических вопросах, но явное предпочтение отдает обходному маневру, не отменяя в то же время свой частный приказ о наступлении от 22 июня.

Спустя много лет полковник Вилинов написал мне, что 23 и 24 июня он находился на наблюдательном пункте командира полка под Ровным: «Если ты помнишь, — отмечал он в письме, — наша армия в Белорусской операции выполняла второстепенную задачу, обеспечивая главную ударную группировку фронта справа. В силу этих причин средств для прорыва уже было мало. Все, что имелось в армии, сосредоточилось для удара на Ровное, а наступал здесь 1193-й (может быть, 1197-й) полк. Командир полка подполковник Коржик. От Малышева прямая связь к Коржику, минуя корпус и дивизию. Я, как водится, на НП. У Коржика — представитель штаарма. НП — жалкая хибара из бревен, заглубиться в землю нельзя (высокая вода). Все трясется и скрежещет от огня. Ровное не взяли. Немцы ушли оттуда. **Было оно в лесу, и мы не знали, что там у них было** (подчеркнуто мной. — *И. И.*). Когда пришли туда, поняли, почему не могли прорвать оборону. Населенного пункта не было. Была высота, где он ранее был, укрепленная бронированными колпаками. Стрельба по площадям не приносила никакого результата. Немцы сами оттуда ушли, когда проявились первые результаты прорыва войск под Витебском».

Надо полагать, что Малышев не имел точных данных разведки о положении в Ровном и потому, диктуя «приказ», неоднократно намекал на целесообразность обходного маневра.

Дело подходило к концу, когда в передней послышались голоса. Петр Федорович заметно оживился: «Сейчас

соберутся «исполнители», и тебе надлежит проследить, чтобы по прочтении каждый поставил свою подпись».

Вскоре адъютант доложил, что почти все вызванные командиры и начальники приехали. «Зови!» — сказал командарм. Тут же в горницу вошли несколько генералов и полковников. После приветствия и короткого обмена информацией о готовности штурмовых батальонов и групп, о взаимодействии со средствами усиления командующий предложил каждому прочитать приказ, разрешив сделать пометки на картах, и поставить под ним подписи. Затем он удалился за перегородку и отдыхал в своей комнате около часа. Тем временем «приказ» был прочитан, подписи поставлены. Я держал документ в руках, когда вышел командарм и спросил: «Есть ли вопросы?» Два-три вопроса задали. Он дал на них исчерпывающий ответ, затем, пожелав всем успеха, предупредил об особой секретности его решения и сказал: «Ну, а теперь, как говорили наши деды,—с богом! До свидания!»

Не всех я знал, но помню, что присутствовали генерал Развозов, начальник инженерной службы генерал Папавин — командующий Воздушной армией, командир 83-го корпуса генерал Солдатов и командир 360-й дивизии генерал Чиннов.

Мы остались вдвоем. Как историку военных действий мне казалось, что документ спустя два-три дня можно внести в ЖБД и поглядеть, насколько осуществился замысел командарма. Но меня ожидало досадное огорчение. Пётр Федорович распорядился в его присутствии сжечь «приказ». Как ни пытался я противиться такому решению, объяснять историческую ценность документа, — ничего не вышло. «Если ты хороший историк, — сказал генерал, — то вспомнишь, что записывал своей рукой». Пришлось открыть дверцу печки и, сунув стопку бумаги, зажечь спичку. Оба мы смотрели две-три минуты на пляшущие язычки пламени и думали каждый о своем.

И только когда пламя погасло, командарм, словно разделяя мое огорчение, заметил: «Вы ведь знаете о великом полководце Суворове? Так вот однажды он сказал, что если бы шляпа, которую он носил, знала о его замысле, он бы ее тут же сжег. Идите отдыхать и имейте в виду: вы ничего не знаете. То, что здесь происходило, не должны знать и ваши непосредственные начальники». Мне оставалось сказать: «Спасибо за доверие».

Через занавески на окнах пробивались лучи утренней зари. Подумалось: вот там, где поднимается светило, за

полторы тысячи километров отсюда пробуждается сейчас Казань. Там жена, дети, родители. Тут война. Еще многие семьи получают похоронки. А сколько их отправят после этого наступления на затерянное в лесу и болотах Ровное? Мысли переносились, путались. Усталость была предельная. Надо было скорее отдохнуть, потому что после артподготовки в 8-00, вполне возможно, придется выехать в одну из дивизий.

Но не успел я войти в «наш дом», как дежурный передал приказание начальника оперативного отдела: немедленно явиться к нему. Это насторожило. С тяжелым чувством я переступил порог своего начальника. «Ты где был?» — остро посмотрел он на меня. «У Малышева». — «Что там делал?» Сама форма общения вызывала протест. С трудом сдерживая возмущение, ответил: «Да, был у командующего армией с 3 до 5 часов утра. В 5-00 командарм распорядился, чтобы офицер, выполнивший его задание, отдыхал, а не стоял в положении «смирно» у своего начальника. А что там делал, о том сказать не могу». Мой ответ вызвал взрыв гнева. Конечно, будь начальник более тактичным, сдержанным и надежным, я намекнул бы ему, потому что управление боем входило в его обязанности, его подчиненные находились в дивизии, которая прорывала оборону противника. А ему был известен лишь частный приказ, отданный на сутки раньше. Мой категорический отказ сообщить о сути поручения еще более обострил его неприязнь ко мне. Но я знал — на моей стороне справедливость, коллектив оперативников, в котором, несмотря ни на что, всегда были развиты преданность порученному делу и сильное чувство взаимной поддержки, дружба. И вряд ли преувеличивал роль оперативного отдела подполковник Нечаев, когда говорил о нем как о школе оперативно-тактической подготовки на самом высоком для нас уровне.

Бои под Ровным переросли в Полоцкую операцию, в результате которой 4-я Ударная завершила освобождение северо-восточной части Белоруссии и вступила в Советскую Прибалтику.

К концу 24 июня командование 360-й дивизии отказалось от лобового удара на Ровное и, как предусматривал приказ командарма, осуществило обход селения с юго-востока. Один из батальонов этой дивизии преодолел, казалось бы, невозможное. По пояс, а то и по грудь в воде солдаты прошли около трех километров. Причем не только со стрелковым оружием и необходимым запасом боеприпасов, но и пронесли разобранные 45-миллиметровые орудия и 82-миллиметровые минометы. Появились они для против-

ника неожиданно и там, где их вовсе не ждали. Так, благодаря исключительному и массовому героизму, была захвачена и перерезана важная дорога в районе Стариновичи. В последующие два дня маневр продолжался, и немцы начали вынужденный отход.

На рассвете 27 июня командующий армией потребовал от командира корпуса генерала Солдатова организовать преследование деморализованных частей пехоты противника. Предполагалось, что немцы могут закрепиться на берегу реки Сосница, поэтому важно было не отрываться от них, не дать времени для перехода к сопротивлению на подготовленные позиции.

Поступавшие в эти дни данные о противнике показывали состояние растерянности не только среди солдат, но и офицеров частей 16-й армии. Особенно были подавлены так называемые «тотальники», мобилизованные осенью 1943 и в 1944 годах.

Бывший военный переводчик, после войны профессор Казанского университета Э. М. Ахунзянов, написавший по нашей просьбе воспоминания о солдатах «Вермахта» в год решающих побед Советской Армии, отметил, что одному из пленных «тотальников» он задал стандартный вопрос: «Что вы знаете о новом вооружении, которым все время «грозится» Вермахт?» На это пленный ответил немецким каламбуром. В переводе на русский язык он звучит так: «Мы, старые обезьяны, и есть то самое новое оружие...»

Такие «старые обезьяны» встречались в полосе нашей армии все больше и чаще. Более того, под Полоцком был случай, когда немецкие солдаты (около взвода) подошли к нашим и попросили не стрелять, а поговорить с ними. Они выражали полную апатию к войне, нежелание воевать, считали, что для «третьего Рейха» война уже проиграна. Но основная масса солдат еще выполняла приказы, и нашим войскам приходилось отбивать многочисленные контратаки.

28 июня началась Полоцкая операция. Первый удар нанесли дивизии 83-го корпуса. Осуществив прорыв на реку Сосница, наши войска вышли к Полоцкому оборонительному обводу. В это время перешли в решительное наступление войска 100-го стрелкового корпуса.

В оперативном отделе считали, что наше превосходство в силах было хорошо реализовано, и немецкое командование уже в ночь на 30 июня начало выводить из-под удара свои войска в юго-западном направлении.

Хорошо помню распоряжение командарма П. Ф. Ма-

лышева, чтобы главное внимание при преследовании отступающего противника обращалось на северо-западное направление, в обход Полоцка. 4-я Ударная армия, обходя Полоцк с севера, вырывалась на оперативный простор в общем направлении на Двинск (Даугавпилс).

В эти дни под началом генерал-лейтенанта А. И. Кудряшова полковник Себик, подполковник Седов и другие офицеры отдела разрабатывали для каждой дивизии указания по преследованию противника, причем особо подчеркивалось непрерывное наращивание темпов, преследование деморализованных частей, дивизий и подразделений 1-го авиакорпуса немецкого генерала Гильперта.

4 июля в середине дня я выехал на правый фланг, в район Зеленого Городка, для сбора необходимых данных для ЖБД. К этому времени отдел уже располагал сведениями о левом фланге дивизии. 83-й и 100-й корпуса, используя подручные средства, с ходу форсировали реку Сосницу и обратили противника в бегство. Здесь весьма эффективно проводили ночные бои. Путь к сражению непосредственно за город Полоцк был открыт. В это время в состав 4-й Ударной влился 14-й корпус.

Перед выездом на правый фланг стало известно, что наши войска овладели Зеленым Городком и нависли над Полоцком с севера. Надо сказать, что командование 83-го корпуса, по-видимому, не сразу поняло замысел командарма — не отвлекать силы на занятие Полоцка, а вырываться вперед, прямо на запад. Иначе трудно объяснить попытку частей левого фланга корпуса войти в Полоцк.

Генерал Малышев, получив сведения об этой попытке, выразил неудовольствие и немедленно направил приказание генералу Солдатову, в котором категорически требовал сосредоточить силы корпуса на правом фланге, стремительно наступать, обходя Полоцк с северо-запада.

Первый удар по гарнизону Зеленого Городка нанесла 119-я дивизия генерала Хоруна. В разгар боя пал смертью героя командир полка Мараховский. Полк принял начальник оперативного отдела майор Семец. Он пользовался уважением не только как офицер, знающий дело, но и как общительный, всегда с юмором, собеседник. Вскоре противника атаковали батальоны 1197-го полка 360-й дивизии. Руководивший боем заместитель командира дивизии Малагашвили был убит в момент, когда Зеленый Городок с двух сторон уже заняли наши подразделения.

Не помню другого случая, когда бы в одном бою за небольшой населенный пункт пали смертью героев два ко-

мандира. Вряд ли это было случайностью. Скорее всего, объяснение в отчаянном сопротивлении противника. Видимо, командир 1-го авиакорпуса генерал Гильперт понимал, что если русские овладеют Зеленым Городком, то это неотвратно приведет к потере Полоцка, а значит и выходу основных сил их армий на оперативный простор в направлении Двинска.

В последние годы стали известны факты, показывающие не только растерянность фашистского командования, но и неуважительное отношение к Гитлеру его подчиненных. Когда наши дивизии форсировали реку Сосница и обратили в бегство части и подразделения противника, Гитлер потребовал от командующего 16-й армией провести контрнаступление юго-восточнее Полоцка. Тот ответил: «Я это сделаю, но очень неохотно», а начальник оперативного отдела штаба 16-й армии заметил: «Гитлер вбил себе в голову наступление». Прошло два дня, и командир 1-го авиакорпуса генерал Гильперт докладывает о безнадежном положении частей, оборонявших Полоцк. Он просит оставить «помыслы» и продолжать отвод войск, пока не поздно. Командование 16-й немецкой армии пошло на обман Гитлера. Ему доложили, что так называемое контрнаступление двух дивизий не имело успеха. В докладе основной вывод сформулировали предельно кратко, но образно: «Правый фланг группы — повис в воздухе».

В Журнале боевых действий управления 16-й армии записано, что части 1-го авиакорпуса Гильперта отводились на рубеж с кодовым названием «Скрипач» — Дисна — озеро Ншедра. Уходили от Полоцка в ночное время и на заранее подготовленные позиции. Это позволило немцам высвободить две дивизии и перебросить их в район Двинска.

Оказывается, в день разгрома противника под Полоцком командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Модель обращался к командованию групп армий «Север» за помощью. Его войска оказались в тяжелейшем положении уже на исходе первой недели Белорусской операции советских войск. Ответ командующего группы «Север» был для Моделя неутешительным: «Ничего нет...», а «оставление Полоцка опоздало на трое суток. Полоцкие дивизии должны защищать Двинск».

Последовало вторичное обращение Моделя. Тогда командующий раскрыл карты, сообщив: «Я много приложил стараний для того, чтобы Полоцк был сдан». Это был явный намек на ошибку Гитлера, предлагавшего в конце июня организовать контрнаступление юго-западнее Полоцка.

Возможно, что штаб Моделя «выдал» командующего группой «Север». Гитлер снял его с поста и заменил генералом Фриснером. Отчаянные попытки генерала Фриснера остановить продвижение нашей армии на Запад успеха не имели.

5 июля 1944 года мы узнали о Приказе Верховного Главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность войскам 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал И. Х. Баграмян), назывались знакомые имена генералов: командарма Малышева, командира корпуса Солдатов, командиров дивизий Михайлова, Чиннова, Егшина, генералов Александрова, Развозова. Ряд дивизий получил наименование «Полоцких». В 22 часа 4 июля в Москве прогремел салют в честь войск, освободивших Полоцк.

Вскоре стало известно, что 4-я Ударная армия передается в состав 2-го Прибалтийского фронта, которым командовал первый командующий 4-й Ударной генерал армии А. И. Еременко.

Завершалось освобождение Белоруссии. Еще не были в полной мере подведены итоги, а уже из уст в уста передавались рассказы о героизме офицеров, солдат и целых подразделений, проявивших себя в Полоцкой операции.

В Журнале боевых действий предстояло отразить все значительные факты, особенности тактики, конкретные примеры взаимодействия родов войск, инициативу и находчивость командиров соединений и частей. Хотелось вовремя собрать надежные данные о наиболее ярких подвигах.

Мне удалось побывать в только что освобожденном Полоцке, где еще дымились танки противника, исковерканные снарядами. С площадки Полоцкого собора осмотрел местность и записал некоторые наблюдения. По полученным в оперативном отделе сведениям в районе Полоцк — Дретунь фашисты оставили следы зверств своих спецслужб и воинских частей 16-й армии группы «Север». Предстояло все увидеть собственными глазами.

Был солнечный полдень, стояла жара. В лесу пахло смолой и хвоей. По дороге в противоположные стороны двигались подразделения и группы военнослужащих, встречались автомашины разного назначения. Вскоре за поворотом показались большие, из красного кирпича здания, которые мы называли дретунскими казармами. Недалеко дымилась походная кухня, в мелколесье угадывались две автомашины. Находившиеся при них военные никак не реагировали на наше появление.

Осмотр нижнего этажа пустовавшего здания с выбитыми окнами потряс. В большом полуподвальном помещении я увидел гору человеческих волос и разнообразной обуви. Было тяжело дышать. Пахло прелью и каким-то особенным зловонием... Стало жутко. Сколько же загублено советских людей, стариков, женщин и детей, кто они и откуда? Вставал и другой вопрос: почему фашисты не уничтожили этот невероятно чудовищный склад человеческих волос? Скорее всего, не успели, пришлось спешно отходить под натиском наших частей.

За два года немало встречалось на оккупированных территориях отметин этого «нового порядка», в Калининской и Смоленской областях видел виселицы и сожженные дотла деревни, оставленных на произвол судьбы детей и стариков, но с таким зрелищем столкнулся впервые. Вспомнился Ф. М. Достоевский, который говорил, что на страшном суде человечество в свое оправдание положит книгу «Дон Кихот». А что положит в свое оправдание человечество за содеянное фашизмом на русской земле? Мы не знали, что будет еще Нюрнбергский процесс, но были твердо убеждены в своей победе и полном разгроме фашизма.

Рассказ об этом жутком свидетельстве вандализма, проявленного, как считалось всегда, цивилизованной нацией в Европе, вызвал в штабе разговор о великой исторической миссии советского народа во второй мировой войне.

Еще не раскрыта в полной мере картина героических подвигов, совершенных войсками 4-й Ударной в Полоцкой операции. Много лет спустя после войны я познакомился с письмами командира пулеметной роты старшего лейтенанта Михайловского Алексея Антоновича. Они типичны для командира среднего звена, от мужества и смекалки которых зависели прежде всего успехи наступательного порыва. В 634-м полку хорошо его знали. Он пользовался уважением со стороны командования дивизии и корпуса. В письме к жене, датированном 22 февраля 1944 г., читаем: «...пусть сын мой помнит меня и знает, что я был честным, смелым и умелым воином-командиром... Ему можно гордиться своим отцом. Если я не получу награды, то моя жена и сын получают, — а представлен я и награжден: орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени и одним II степени, двумя орденами Красной Звезды... Почему я это пишу? Оттого, что плохо верю в хороший исход моей судьбы».

Не о себе, а о чести семьи и воспитании сына размышляет воин — муж и отец. Некоторые письма содержат

информацию о наиболее важных и трудных ситуациях при овладении Полоцком и освобождении Советской Прибалтики. Так, в письме от 5 июля, направленном из района Полоцка, сообщается, что противник непрерывно днем и ночью ведет минометный и артиллерийский огонь, много людей выводит из строя. Отступая, минует дороги и здания, взрывает мосты и железнодорожное полотно, насыпь разбрасывает. Это запечатлено с натуры. Далее в письме командира пулеметной роты сообщается: «...наступление ведем пешком, по водянистым болотам, но «матушка-пехота» преодолевает все эти трудности. Наступление идет непрерывно 12 дней, и каждый день приносит много неожиданностей. На виду у противника в 200 метрах от занимаемого им рубежа стояли две легковые машины. Задача генерала — если не вытащить их из-под обстрела, то уничтожить. В помощь мне дали 15 бойцов. Под сильнейшим огнем пулеметов и минометов мы выполнили задачу: машины достали и на себе привели их в штаб. По распоряжению генерала, я подал рапорты для награждения участников дела. В тот же день спасали раненых».

Из письма от 12 июля узнаем, что Алексей Антонович «продолжал преследовать врага, но части оказались в вынужденном привале, так как мост через реку немцы взорвали, войска переправлялись по наскоро построенной переправе... После взятия Полоцка выполнял «особое задание»... полтора суток не кушал, перешел на подножный корм... Немца гоним успешно. За последние три дня повидал много белорусов. Встречают, чем могут — поцелуями, молоком, хлебом и слезами радости, наказом скорее гнать немцев. Три года эти люди жили в неволе».

Наконец узнаем, что генерал, командир дивизии, поручил ему исполнять обязанности адъютанта: «Работаю я теперь при генерале, долго ли — не знаю, а взял он меня... так как его работник ранен». Командир дивизии уважительно и с доверием относился к старшему лейтенанту и, надо полагать, учел его состояние здоровья в связи с ранениями и крайним перенапряжением сил в дни непрерывных боев.

В письмах из Латвии и Литвы рассказывалось о героических подвигах его родной пулеметной роты, о величии наступления... для освобождения Родины. Письма по-своему передают тот микроклимат, который характеризовал отно-

шения между начальниками и подчиненными¹. Его командир, генерал Солдатов, имел высокий моральный авторитет, считался одним из наиболее способных командиров. 83-й корпус выполнял обычно особо ответственные задачи: тут, по рассказам нашего напарвенца Вилинова и других офицеров штаба, постоянно велась работа по сплочению боевых коллективов на основе взаимного уважения и доверия. Личный пример подавал сам генерал Солдатов. На высоком уровне находилась и служба управления. Словом, солдаты гордились генералами, генералы — своими солдатами. Это не просто красивая фраза. Она выражала реальность настроения воинов. Мы знали и высоко ценили случаи, когда офицеры и солдаты спасали жизнь своих командиров и начальников, явно рискуя собственной жизнью. Во время Полоцкой операции старший лейтенант Сантонионев спас жизнь командира 119-й дивизии генерала Хоруна.

В обеспечении истинно товарищеских отношений в коллективах штабных работников, в боевых подразделениях и частях велика была роль политотделов и парторганизаций. Чем ближе становилась победа, тем явственнее проявлялось влияние многих специалистов народного хозяйства, инженеров, преподавателей, работников науки и культуры, партийных и советских работников, проходивших службу в управлениях и штабах соединений и частей.

22 июля штаб 4-й Ударной переехал в Латвию. Двигаясь на Запад, мы ненадолго остановились в городе Крацлава. Наше отделение по изучению опыта войны и истории военных действий заняло дом-усадьбу местного провизора. По всем признакам, хозяева оставили дом перед нашим приходом. Мы успели отдохнуть и даже искупаться в Даугаве. Стояла на редкость для здешних мест жаркая погода. Воздух напоминал дым от пыли, которая висела над дорогами и колыхалась. Никогда ранее я не видел столько пыли. Слабый ветерок с нею не справлялся. Красивый зеленый городок мы оставили вечером, когда над гладью Даугавы стелился едва различимый туман. Туман и дым, дым и туман остались в памяти о первом дне прибытия в восточной Латгалии.

---

¹ А. М. Михайловский имел несколько тяжелых ранений и вскоре после войны в 1952 г. умер.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

ОТ ДАУГАВПИЛСА ДО КУРЗЕМЕ

В дни, когда войска армии успешно продвигались в направлении на Даугавпилс, в оперативном отделе горячо обсуждался ход операции «Багратион» и, в частности, Полоцкой операции. Все сходились на том, что наш командир генерал-лейтенант Малышев обладал глубоким аналитическим умом и завидной интуицией, творчески предусмотрев варианты ее развития. Конечно, немалую роль сыграл штаб и лично его начальник генерал Кудряшов. Мы знали, что в Оперативном управлении штаба фронта высоко оценивали нашу слаженную работу.

Офицеры оперативного отдела трудились с полной отдачей сил. Находясь в корпусах и дивизиях, направленные и информаторы приобретали опыт управления войсками в условиях быстро меняющихся боевых ситуаций. А войска нашей армии теперь наступали во взаимодействии с 22-й Армией, 100-й корпус освобождал Двинск (Даугавпилс) ¹.

С 5 июля по 8 августа 4-я Ударная находилась в составе 2-го Прибалтийского фронта. С переходом вновь в состав 1-го Прибалтийского фронта мы получили задание — совместно с 43-й Армией обойти войска 16-й немецкой армии в районе города Бауска. В этой полосе находилось пять полнокровных дивизий противника, занимавших четыре рубежа обороны.

Первые десять дней войска армии успешно преследовали противника и к середине сентября продвинулись по всему стокилометровому фронту более чем на 70 километров в глубину.

Во время подготовки к наступлению в районе Бауска появилась небольшая передышка, можно было написать несколько писем родственникам и друзьям. Но лично для

---

¹ Бывший начальник штаба 100-го корпуса генерал Ю. З. Новиков написал военно-исторический очерк об освобождении Даугавпилса в качестве главы для коллективного труда по боевому пути 4-й Ударной.

меня наступила «страда». Надо было все обдумать, описать.

На исходе сражения в районе Шяуляя начальник оперативного отдела приказал мне выехать туда и оценить работу наших самоходных установок, описав следы их «болванок», оставленные на броне подбитых «тигров». Надо сказать, что немцы бросали в бой сотни танков, которые горели и крошились под огнем нашей артиллерии. Я застал груды дымящегося искореженного металла. Фронт отодвинулся к тому времени на 2—3 километра. Обошел десяток разбитых машин. Привлек внимание «тигр», который стоял в мелком кустарнике. Он был без башни. Не сразу я сообразил обойти кусты вокруг горевшего танка. Наконец, заметил развороченную башню метрах в 30 от танка. Измерил расстояние, все описал и доложил в штабе. Трудно представить себе силу удара и эффективность наших самоходных установок. К сожалению, не было возможности сфотографировать это «кладбище» немецких «тигров», «пантер» и «фердинандов».

Рижская операция в целом заняла месяц. Но 4-я Ударная участвовала в ней всего десять дней. Согласно директиве Ставки от 24 сентября командование нашей армии сдало свою полосу наступления на Рижском направлении 22-й Армии 2-го Прибалтийского фронта.

План крупнейшей перегруппировки разрабатывал начальник штаба фронта генерал В. В. Курасов. Он предусмотрел все детали, и успех передвижения полумиллионной армии из района Шяуляя, выполненного в рекордно-короткие сроки при отличной маскировке, связывался у нас прежде всего с его деятельностью¹. В передислокации 9300 орудий особую роль сыграл начальник артиллерии фронта генерал Н. М. Хлебников. Офицеры-оперативники хорошо знали и помнили его по 1942 году как начальника артиллерии в 4-й Ударной.

В течение нескольких дней, находясь в резерве 1-го Прибалтийского фронта, наша армия подготовилась к наступлению в направлении Акмене — Эзере во взаимодействии с 6-й Гвардейской армией. 4-я Ударная вновь оказалась на особом положении — прикрывала на правом фланге основную ударную группу войск фронта. Наступление началось 7 октября силами трех стрелковых корпусов (60, 14 и 83). В составе 60-го корпуса находилась Казанская 334-я див-

---

¹ См.: Василевский А. М. Дело всей жизни.— М., 1976, с. 426.

визия. Из оперативной сводки штаба этого корпуса я узнал, что уже в первый день наступления Казанская дивизия отбила семь контратак пехоты и танков противника.

К 10 октября армия вышла на рубеж Ауце — Мажейкяй. Штаб находился в движении. Нередко мы останавливались на хуторах на полутора-двое суток. Бывало, только соберешь необходимые данные и сядешь за Журнал боевых действий, как следует команда готовиться к переезду.

Направленцы и информаторы почти не бывали в отделе, они находились на месте событий. Наиболее трудным являлось форсирование рек и речушек, в большинстве с заболоченными поймами. И хотя у нас уже был некоторый опыт — реки Мемеле и Леелуппе, впереди ожидало форсирование относительно большой реки Венты на Либавском направлении. Причем в условиях, похожих на те, которые зимой 1943—1944 гг. были на реке Выровля под Городком.

С первых дней наступления в политотдел армии стали поступать данные о массовом героизме личного состава, выдающихся подвигах солдат, офицеров и политработников. В донесениях, во фронтовых газетах, в рассказах офицеров-направленцев назывались новые имена героев. Так, старший сержант Петр Никитович Шилов, командир разведки штабной батареи артполка, спасая жизнь командиру, подполковнику Егорову, бросился с гранатой под гусеницы «пантеры». Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В этом же артиллерийском полку командир дивизиона Николай Гаврилович Минаев спас сотни жизней солдат стрелкового полка. Случилось так, что в тыл дивизиона Минаева прорвалось до 15 бронетранспортеров, которых поддерживали огнем с танков. Артиллеристы более часа вели тяжелый бой, и когда силы иссякли, Минаев вызвал огонь батареи на себя. Вокруг места его гибели оказалось более двухсот трупов солдат и офицеров противника. Он также посмертно награжден орденом Ленина и звездой Героя Советского Союза.

Огромную радость принесло известие о том, что 10 октября в районе Паланги 5-я Гвардейская танковая армия прорвалась на берег Балтийского моря и отрезала сухопутные коммуникации группы армий «Север». Однако Мемель (Клайпеду) немцы держали до января 1945 года. Только в конце января город и порт были взяты войсками 4-й Ударной армии. После того, как немцы сдали Ригу, командование группы армий «Север» организовало по всему фронту маневренную оборону, оперативно использовало

рокадные дороги, стремясь во что бы то ни стало не допустить вклинивания наших войск, особенно 4-й Ударной и 6-й Гвардейской армий. На их рубеж перебрасывают дополнительные силы и огневые средства. Вот почему начавшееся 16 октября наступление 84-го корпуса на Эзере и 83-го на Дримани успеха не имело. Непрерывные контратаки, концентрированные удары артиллерии приводили к значительным потерям, и командарм, генерал П. Ф. Малышев, дал распоряжение перейти к обороне. Правда, вплоть до 26 октября на отдельных участках предпринимались атаки, но их смысл определялся необходимостью держать врага в постоянном напряжении.

В эти дни мне приходилось выезжать в 84-й корпус. Беседа с начальником штаба полковником Лапп оставила благоприятное впечатление. Все необходимые данные я получил в штабе. Касаясь вопросов организации разведки и материалов допроса пленных, полковник Лапп вызвал разведчика и переводчика лейтенанта Э. М. Ахунзянова, кандидата филологических наук. Он вполне квалифицированно и толково рассказывал об опыте захватов «языка» и предложил некоторые соображения на будущее¹.

На обратном пути нас застиг сильный дождь — для здешних мест частое явление, тем более, что стояла осень. Скорость упала, а тут в зоне обстрела, недалеко от нашей машины, разорвалось несколько мин и снарядов. Поневоле мы становились мишенью. К счастью, на этот раз все обошлось благополучно.

Командование армии готовило новое наступление. Условия были крайне трудные: сплошные дожди и бездорожье. Казалось, этому явлению не будет конца-краю. А перед войсками стояла задача — к празднованию 27-й годовщины Октябрьской революции выйти на берег реки Венты и прочно закрепиться на этом рубеже.

Весь штаб армии, за исключением нескольких офицеров и технического персонала, находился в дивизиях. В целях проверки готовности к операции побывали тут генералы — командарм П. Ф. Малышев и член Военного Совета Т. Я. Бялик.

Наступление началось 27 октября. Воины 334-й Казанской и 332-й Ивановской имени М. В. Фрунзе дивизий про-

---

¹ По возвращении в Казань Энвер Махмудович Ахунзянов защитил докторскую диссертацию, стал профессором университета, опубликовал десятки монографий и учебных пособий по истории русского и татарского языков. Умер в 1986 году.

явили массовый героизм и накануне праздника вышли на заданный рубеж в Курляндии.

В эти дни разведчик 158-й дивизии М. В. Яглинский захватил в плен 26 фашистов, несмотря на шесть ранений, поля боя не покинул. Его наградили орденом Ленина и звездой Героя Советского Союза. Рядовые 1126-го полка 334-й дивизии Кухтин и Смирнов скрыто подползли к немецким танкам. У каждого было по две противотанковые гранаты. Действуя умело и храбро, они подбили два танка противника. Таких примеров мужества и смекалки было немало. О них регулярно информировали политработники, сообщалось в армейской газете «Врага на штык».

Праздник Великого Октября мы отмечали в оперативном отделе. Многих не было на месте. Подняли тост за грядущую победу, молча выпили за светлую память героев 4-й Ударной, оставшихся на земле Калининской и Смоленской областей, в Белоруссии и Прибалтике. Потом под гармонь пели любимые песни и вспоминали о семьях...

Мы еще не знали, что через неделю войска 4-й Ударной получают приказ о новом, крайне тяжелом наступлении в направлении на Пампали. Трудно передать словами то, что порой было сверх всяких человеческих сил. 20 ноября войскам предстояло форсировать реку Венту ночью. Тьма была кромешная, непрерывно лил дождь. Во многих заранее обозначенных местах, соблюдая маскировку, спускались на воду наспех приготовленные подручные средства. Вдоль реки дул порывистый ветер, ломал и гнал тонкий лед. Только к утру первые подразделения начали закрепляться на правом берегу. Далее спешно и в наикратчайшие сроки наводились переправы.

Наступление началось 21 ноября, но его результаты были ограниченными. Правда, удалось оседлать рокадную дорогу Ауцэ — Эзере, Либава и перерезать в двух местах большак Эзере — Пампали. Данные разведки не оставляли сомнения, что противник в этот район перебрасывает войска и необходимо вовремя перейти к жесткой обороне.

В наступательных боях прошла еще одна неделя. Совершенные подвиги принесли новые имена героев Советского Союза. Старший сержант, командир отделения из 378-й дивизии Б. П. Лоскутов повзгорил подвиг Александра Матросова. Закрыв своим телом пулемет, он спас жизни многих своих товарищей. Командир роты В. П. Прохоров, уже дважды раненный, контуженный, не оставил поля боя.

Звание Героя Советского Союза Прохорову присвоили посмертно.

Форсирование Венты — это, пожалуй, наивысшая точка испытания наших воинов на «прочность», кульминация напряжения и нагрузок. Только высокое сознание долга, святая ненависть к врагу удерживали людей на ногах и превращали простых тружеников в сказочных богатырей, о которых еще так мало известно.

О невероятно трудных условиях боев дает представление последнее письмо командира пулеметной роты старшего лейтенанта Ризы Тагирова от 20 ноября 1944 г.: «Я недавно принял соответствующую должность и продолжаю молотить немцев, отрезанных на берегу Балтики. Сейчас сижу на кочке и пишу это письмо. Через неделю, если уцелею, дам знать о себе. Тогда я расскажу обо всем, что происходило, когда я писал это письмо... А теперь могу лишь сказать, что обут, одет и сыт, только ноздри забиваются пороховой гарью... Дел так много, погода скверная, снег, дождь, холод. Когда прочитаешь письмо — прошу обнять за меня и поцеловать детей».

Да, не удалось герою боев в Курляндии рассказать любимой жене Амине о том, что происходило, когда писалось письмо, оказавшееся последним. Не удалось ему «обнять и поцеловать детей». Риза Тагиров пал смертью героя, и теперь не только сыновья, но и внуки его с гордостью и болью обращаются к незабвенным строкам этого письма, ценнейшей семейной реликвии¹.

Наступала зима. В начале декабря стало известно о крупнейшей перегруппировке войск двух фронтов, связанной с подготовкой разгрома фашистских сил в Восточной Пруссии. Перед нашими войсками, сражавшимися с фашистами на Курляндском полуострове, была поставлена задача: в зиму 1944/45 гг. прочно сковать, а затем рассечь и уничтожить силы противника по частям. Основными оставались Салдусское и Тукумское направления.

Дожди, которые не переставали в декабре, размыли дороги до такой степени, что для передвижения транспорта делали настил из бревен. Окопы на переднем крае были залиты водой. Люди неделями не могли просушить одежду и обогреться. Перебои с доставкой горячей пищи тоже го-

---

¹ Учительница Амина Каюмовна воспитала троих сыновей, сумела передать им глубокую любовь и уважение к их отцу, павшему смертью героя в конце ноября 1944 г. Старший сын Дамир Ризякович — строитель, Индус Ризякович — профессор, доктор исторических наук; младший брат Энгель Ризякович — доцент, кандидат исторических наук.

ворили сами за себя. Все это отражалось на здоровье солдат и, конечно, на настроении. В полках не раз приходилось слышать, что все готовы к выполнению любого приказа, только бы скорее разбить врага и покончить с невыносимыми условиями существования.

Особенно тяжелы были нагрузки у артиллеристов. Так, в минометной бригаде бойцы только за один раз перетаскивали на руках 130 боевых установок, 1500 ящиков с минами на расстояние до четырех километров. И выполнили это без отдыха за двое суток.

Мы уже хорошо знали трудности передвижения и ведения боев в лесисто-болотистой местности. Весной и осенью прошли по территории Калининской, Смоленской областей, Белоруссии. Но таких невероятно тяжелых условий, с какими столкнулись на Курляндском полуострове поздней осенью 1944 года, еще не было. И все-таки войска армии не только сумели приспособиться к ним, но и нанесли противнику существенные удары. Правда, бои шли так называемого «местного значения», — мы «доколачивали» крупнейшую группировку, прижатую к морю, — и многим на других фронтах и в тылу казалось, что в Курляндии было относительно легче и спокойнее.

После войны мне не раз приходилось сталкиваться с подобными представлениями о положении в Курляндии. Конечно, внося в Журнал боевых действий наблюдения за ходом боев, а также их результаты, мы считали несущественным привлекать внимание к тем физическим страданиям, которые усугублялись погодой и характером местности. Только неодолимая жажда победить и покончить с войной, сплоченность личного состава во главе с коммунистами может объяснить тот факт, что в войсках не было уныния.

Командовавший тогда войсками 2-го Прибалтийского фронта генерал армии А. И. Еременко с полным основанием отметил во фронтовой газете: «Восхищение вызывали **умелые и отважные действия** наших бойцов. Я, как командующий фронтом, должен сказать — **золотые у нас солдаты**, любого врага с ними одолеем...» Особенно отличились войска нашей 4-й Ударной. Военный Совет армии объявил всему личному составу благодарность.

В Курляндии заметно обновился состав оперативного отдела. По разным обстоятельствам его оставили многие опытные и уважаемые в коллективе офицеры. Да и характер работы здесь, на полуострове, несколько изменился. Теперь главное внимание обращалось на организацию раз-

ведки во всех ее формах, умение обобщать данные о противнике. Тесно контактируя с разведотделами штабов, высказывать свои соображения, каковы принципы построения его обороны, возможности того или другого маневра. А для этого следовало знать потенциал живой силы и техники врага.

Приближался Новый 1945 год, и ни у кого не было сомнения, что он принесет полную победу. Конечно, солдаты не скрывали досады, что они только «доколачивали» противника в «Курляндском мешке», а главные, решающие события развертывались на Белорусских и Украинских фронтах, к которым было приковано внимание всего мира. Но эта досада лишь обостряла жажду скорейшего разгрома противника. И не было другого пути, как глубокий прорыв его обороны и расчленение группы армий «Курляндия». Вот почему весть о приезде маршала А. М. Василевского вызвала радость и надежду на решающие успехи наших войск, которых все ждали.

Александр Михайлович Василевский был широко популярен в войсках, и приезд его связывался с подготовкой особо важных операций. В Курляндию он приезжал дважды, но мне посчастливилось видеть его только в декабре 1944 года, перед началом крупной операции 2-го Прибалтийского фронта.

Для встречи маршала в районе северо-западнее Тиршкляя, на перекрестке дорог между Вайньоде и Мажейкяй, приказано было выделить опытного офицера оперативного отдела. Выбор пал на подполковника М. А. Вилинова — и не случайно. Как уже отмечалось, в 1943—1944 годах он встречал двух командующих. Так что был в курсе.

Получив точные координаты встречи, Вилинов с офицером связи старшим лейтенантом выехал к указанному месту. Его задача — провести машины маршала и его охраны в штаб армии, а до их появления каждые полчаса докладывать начальнику штаба. Дважды Вилинов звонил с промежуточной телефонной станции, которая находилась в доме метрах в двухстах от перекрестка. Вдоль дорог тянулись деревья, затруднявшие просмотр проезжавших одна за другой машин разного назначения. И вот когда встречающий ожидал вызова начальника штаба и беседовал со связистами, на перекрестке внезапно появились легковые машины. Остановились на обочине в тени деревьев, метрах в тридцати от штабной. Один из приехавших военных подошел к старшему лейтенанту и спросил: «Чья машина?» Тот ответил: «Товарищ генерал! Машина штаба.

Подполковник Вилинов ожидает прибытие маршала». Последовал вопрос: «А где же подполковник?» Офицер связи доложил, что он ушел звонить в штаб и показал рукой на дом, едва заметный сквозь садовый кустарник. Генерал спросил, знает ли старший лейтенант дорогу в штаб армии, и, получив утвердительный ответ, приказал, как можно быстрее следовать в штаб генерала Малышева. Вскоре штабная машина свернула на проселочную дорогу. Офицер связи хотел провести гостя кратчайшим путем, но машины маршала за ним не пошли. Как выяснилось, на карте адъютанта Василевского в этом месте поворот не был обозначен.

Спустя несколько минут после прибытия штабного «вилиса» показались машины маршала Василевского.

Тяжелые и горькие минут пережил Вилинов. Он явился, когда совещание с участием маршала уже шло, и доложить о случившемся было некому. Кстати, совещание началось с опозданием на несколько минут, и Александр Михайлович счел необходимым извиниться перед собравшимися, заметив при этом, что и встреча его оказалась не совсем удачной. Замечание маршала заставило командующего фронтом Еременко бросить взгляд на командарма Малышева, а тот — на своего начальника штаба Кудряшова.

После совещания маршал и генералы вышли на улицу. Несколько приотстав, за ними двигались мы, офицеры оперативного и других отделов. Для меня крайне важно было хоть что-то услышать из того разговора, который вели командующие. Ведь это, как говорили, было бы с натуры, «из первых рук». В таких ситуациях армейские «летописцы» напоминали дотошных репортеров, они могли забывать о субординации или элементарной скромности.

Погода к полудню наладилась. Проглядывало солнце. Из глубины полуострова с боевого задания возвращались эскадрильи штурмовиков и одиночные бомбардировщики. На наших глазах на самолет Пе-2 напали внезапно вынурнувшие из-за облака две машины «фокке-вульф». Наш самолет «задымил». Маршал Василевский что-то сказал Еременко, и Андрей Иванович тут же обратился к генералу Папивину. Командующий Воздушной армией отдал свою команду через микрофон, который висел у него на груди. Взмыли «ястребки», но «фоккера» ушли за облака, и боя не получилось. Маршал и генералы сели в машины и уехали. А вечером того же дня командарм Малышев, по согласованию с членом Военного Совета, наказал за нерасторопность

подполковника Вилинова. Он разжаловал его в майоры, направив начальником оперативного отдела штаба 156-й дивизии. Такое наказание казалось слишком строгим. Как партрэг отдела я обратился к заместителю начальника штаба по политической части полковнику Спасскому. Он тут же связался с начальником штаба Кудряшовым и просил пересмотреть решение командарма.

Мы собрались еще раз, чтобы обсудить, как и чем помочь всеми уважаемому Мише Вилинову. На следующее утро с ведома полковника Спасского мы предложили своему коллеге немедленно выехать на НП командующего фронтом, где находился маршал Василевский, и обратиться к нему непосредственно, объяснить обстоятельства и принести извинения. Вилинов прибыл на место в момент обстрела КП. Около часа ожидал, когда выйдет из блиндажа маршал. Наконец, Александр Михайлович появился в траншее в накинутаой на плечи шинели. Разговор был коротким, но выразительным. Маршал Василевский внимательно, не перебивая, выслушал «пострадавшего» и сказал, что Малышев явно «погорячился». Он просил передать командарму об этом, но тут же заметил, что впредь молодому подполковнику следует быть более расторопным. После отъезда маршала наказание было смягчено, но все же подполковник был направлен в дивизию ввиду «крайней необходимости».

Среди нас, конечно, еще несколько дней не затихали разговоры. Все высоко оценили проявившиеся в столь казалось бы незначительном эпизоде человеческие качества начальника Генерального штаба. В войсках знали о его доброжелательности, как и знали о высокой требовательности, особенно к деловым качествам офицеров.

Спустя много лет, отвечая на мои вопросы о службе в оперативном отделе, полковник Вилинов так определил свое отношение к этому эпизоду: «Что тебе написать о событии, связанном с Василевским. Это моя... боль. Почему? Я — кадровый военный, мне доверили ответственное дело — встретить начгенштаба. Такое может быть один раз в жизни. Я не выполнил задания. Сейчас ощущения притупились. Тогда они были невыносимо горьки. Почему доверили мне? В 1943 году я встречал представителя Ставки Главного маршала артиллерии Воронова. Встретил успешно, несмотря на ночь, зимний буран. В 1944 году встречал командующего войсками фронта Баграмяна, проводил его в Большое Ситно. Тоже без огрехов. И вдруг — такой конфуз, такой непростительный промах. Сам понимаешь, что я пережил...»

Наступление на Салдус и Скрунду развернулось утром 21 декабря. От КП командарма до НП командира одной из дивизий мне предстояло преодолеть около полукилометра и лично наблюдать артподготовку, затем переход в атаку пехотных частей и подразделений. Половину пути я прополз «по-пластунски» по рыхлому покрову. До землянки командира дивизии оставалось около ста метров, когда заговорили наши гвардейские минометы. Сотни снарядов с оглушительным визгом пронеслись рядом и разрывались на виду.

В блиндаже в пять накатов находились командир дивизии, его адъютант и офицер связи. Артподготовка продолжалась; у самой землянки разорвался снаряд. К счастью, взрывная волна особого вреда не причинила, на нас лишь просыпалось немного земли да заклинило входную дверь, наскоро сколоченную из обтесанных стволов молодого осинника.

Вскоре началась атака. Около роты немецких солдат, мечась из стороны в сторону, рассеялись по полю. Наши подразделения, не обращая внимания, стремительно втягивались в глубину их обороны и скрывались в мелких зарослях. Огонь артиллерии, словно готовя дорогу, перемещался вглубь, поражая огневые точки и живую силу врага. Но тут от плотного огня вражеской артиллерии наши части остановились. Немцы пошли в контратаку.

Дул сырой холодный ветер. На командном пункте оставалось два офицера. Один из них сидел за полевым телефоном, принимал информацию и отвечал на «звонки». Я наблюдал за боем.

Возвращение на армейский командный пункт было трудным: противник непрерывно вел артиллерийско-минометный обстрел местности, предполагая, что на опушке леса скапливаются наши части и ведется перемещение артиллерийских позиций. Только вечером я вернулся в оперативный отдел. Мокрая одежда и пронизывающий ледяной ветер сделали свое дело — вызвали острую простуду. Отнялась правая нога, мучила боль в пояснице, поднялась температура. Через три дня меня отправили в армейский госпиталь — местечко Папиле, на границе Литвы и Латвии. В Папиле в начале октября находился наш армейский штаб. Будто что-то близкое — узнавались дома и улицы.

В просторном доме, где принимали больных, стоял едкий запах лекарств. Это как-то снимало нервное напряжение, успокаивало. Наступили дни кратковременной передышки и лечения. У меня оказался травматический радикулит, связанный, как определил врач, с ранением и контузией в июле 1941 года. Лечили горячим парафином, давали разные порошки и таблетки. Так что и в Новый год, и в первые дни января из дома-палаты не выходил, довольствовался случайными, короткими новостями. Сохранился черновик записи за 6 января 1945 года: «Прошлой ночью смотрели американский фильм «Песнь о России», который доставил удовлетворение и произвел сильное впечатление на разум и чувства». Далее следовал критический разбор кинокартины на пяти страницах. В заключение говорилось, что фильм «...поможет американцам понять, почему наш народ — герой, герой-победитель». Отношение к этому фильму было далеко не однозначным. Некоторые офицеры считали его слишком романтическим, надуманным и т. д.

Заместителем начальника госпиталя по политической части являлся москвич майор Борис Басаргин. Это имя мне было известно еще до войны. Не раз приходилось читать его статьи. Мы познакомились, поговорили, а потом он пригласил вечером на чашку чая, прислав за мной санитаря.

Посередине просторной необжитой комнаты стоял большой стол, за которым уже сидели двое гостей. Нас познакомили, приветливый хозяин указал место, и началась беседа четырех, как выяснилось, «гуманитариев». Борис Басаргин поражал остроумием и завидной эрудицией. Он превосходно знал искусство и, прежде всего, литературу, пробовал сам писать. Разговор зашел о военной публицистике. Как в больших штабах организована работа по освещению истории военных действий — ответить пришлось мне. Говорили о подвигах, военной психологии, наконец, о переписке, отдельных записях дневникового характера, о важности сбора и сохранности разнообразных материалов и реликвий. Меня привлекала проблема научного и художественного познания прошлого. И, конечно, прогнозировали окончание войны.

Чаепитие закончилось, начался преферанс. Хозяин вечера любил эту игру и поэтому, наверное, удивительно красиво «метал» карты. Разошлись около полуночи. В обществе Б. Басаргина и его сослуживцев мне посчастливилось провести несколько вечеров. Очень интересные наблюде-

ния сообщал комиссар о командирах и политработниках, проходивших через госпиталь. Однажды он прочел два письма из Москвы, содержание которых укрепляло убеждение в том, что всякие «домыслы» и «вымыслы», острые афоризмы и бытовые анекдоты «сочиняются» в журналистских кругах и разными путями попадают на фронт.

Здесь же я услышал довольно полный рассказ о боях нашей армии при освобождении Клайпеды. Позже узнал, что при форсировании залива Курише — Хафт и захвате плацдарма на косе Курише — Нерунг семь воинов получили звание Героя Советского Союза. Сотни участников этих ожесточенных боев награждены медалями и орденами. Парторг одного из батальонов лейтенант Алексей Павлович Кулик в рукопашном бою уничтожил 15 гитлеровцев, а сам пал смертью героя. Комиссар батальона Василий Григорьевич Владычев убил 20 немцев, из них троих — лопатой. Пулеметчик Портянок уничтожил более 30, командир пулеметной роты Фомин — более 20 солдат противника. Они пали смертью героев, оставив примеры беззаветной преданности Родине¹.

Возвратившись из госпиталя, я тут же отправил Борису Басаргину письмо в Папиле. Торопил переход на службу в штаб 2-го Прибалтийского фронта, а значит — перемена адреса.

В конце марта, когда вместе со штабом я уже находился в городе Мажейкяй, от Басаргина пришел ответ. В присущей ему манере он выразил свое отношение к моему «делу»: «Так, значит, устроился «тепленько» — да? Ну, ну, дай бог, чтобы наш теленок волка съел. Короче говоря, рад за тебя. Будь «паинькой», не ссорься, с кем не полагается».

---

¹ После войны красные следопыты клайпедских школ провели поиск по следам боев за освобождение Клайпеды и захват плацдармов на косе «Курише — Нерунг». В 70-х годах мне неоднократно приходилось встречаться и в Клайпедзе и в Казани с преподавателем литературы одной из школ Галиной Ивановной Синицыной, известным организатором «Поиска» по героическим подвигам соединений и частей армии, освободившей Клайпеду. В ее рассказах сообщались волнующие детали тех далеких январских дней 1945 года. В последние годы «Снежный десант» исторического факультета Казанского государственного университета изучает боевой путь и подвиги 344-й Рославльской дивизии, сформированной в Ульяновской области. Эта прославленная дивизия внесла существенный вклад в освобождение Клайпеды.

Фронтовые письма, переписка ветеранов этой дивизии и другие материалы были переданы в 1984 г. мне. Они оказали существенную помощь в изучении боевого пути 344-й дивизии студентами исторического факультета КГУ.

Он сообщал о переходе госпиталя в состав другой армии, о том, что надбавку за службу в Ударной армии больше не получает. Вспомнил наши разговоры о его пьесе: «Пьесу почти забросил, т. к. переезд потребовал максимального напряжения в работе при ужасных условиях. Но весна на меня, представь себе, еще действует: кое-что написал лирического, сугубо интимного, для души и узкого круга людей». Помнится, мы обещали друг другу поддерживать знакомство, обмен мыслями и чувствами и дальше, после войны. Но, увы, как это часто бывало, после войны нам так и не привелось встретиться.

В начале февраля группу армий «Север» ставка Гитлера переименовала в Курляндскую группу армий. Перед ней по-прежнему стояла задача: любой ценой удержать полуостров. Так как Красная Армия начала наступление на Висло — Одерском направлении, значительная часть немецких войск была переброшена в Германию. Это определило необходимость новой наступательной операции в Курляндии. 23—28 января наша армия успешно осуществила освобождение Клайпеды (Мемеля) и тем самым оказала существенное влияние на последующие бои в Восточной Пруссии. Войска, действовавшие на Висло-Одерском направлении, вышли к Балтийскому морю, на берега рек Одера и Нейсе. Кенигсбергская группировка немцев оказалась прижатой к морю. Как следствие, резко сократились переброски из Курляндии и, наоборот, из Германии в Курляндию живой силы и военной техники.

4-я Армия перестала быть Ударной, да и ее теперь передавали 2-му Прибалтийскому фронту. Ограничились объем и формы работы в оперативном отделе. В связи с этим ликвидировалась должность помощника начальника оперотдела по истории военных действий. Мне предстояло «идти» в резерв. Полковник Монсеенко, начальник отдела кадров, официально сообщил о сокращении этой должности. Это, конечно, огорчало. Но уже спустя некоторое время он вручил мне письмо на имя начальника отдела кадров 2-го Прибалтийского фронта полковника Щербакова. По счастливой случайности это письмо от 28 февраля 1945 года сохранилось. В нем сообщалось, что в резерве 4-й Ударной находится бывший помощник начальника оперотдела: «Имеет специальное образование, гражданское, и по своей специальности работал более двух лет. Человек ценный, но, замечает автор, кое-кому наступил на мозоль». Полковник Монсеенко просил использовать «...его в штабе фронта по специальности». На письме резолюция: «По приказанию

начальника отдела кадров вызвать в ОК фронта», затем пометка карандашом: «Дана телеграмма об откомандировании в ОК фронта», дата 1 марта 1945 года.

Так произошло мое перемещение на должность помощника начальника по изучению опыта войны Оперативного управления штаба 2-го Прибалтийского фронта.

Штаб фронта размещался в местечке Мажейкяй. Отдел по обобщению боевого опыта и истории военных действий Оперативного управления занимал дом на боковой улице. Начальник отдела подполковник Д. Л. Малинский внимательно выслушал мой рассказ о переводе в штаб фронта, задал несколько вопросов — видимо, выяснял мою подготовленность — и затем определил обязанности. Поначалу мне предстояло выполнять его поручения — готовить различные документы и справки для начальника Оперативного управления штаба.

В последующие дни, беседуя со мной, начальник отдела не только не скрывал интереса к новому сотруднику, но и выражал определенную симпатию. Нетрудно было заметить, что он обладал авторитетом и пользовался уважением среди подчиненных. Очень положительно охарактеризовал подполковника Малинского майор Шеховцев. Еще до встречи с ним кто-то из офицеров рассказал, что майор — историк по образованию, учился на историческом факультете института имени А. И. Герцена в Ленинграде и закончил его перед самой войной. Сюда он переведен в середине января 1945 года из оперотдела штаба 42-й Армии. Собирает и обрабатывает информацию для составления развернутых оперативных сводок о боях войск фронта. Капитан Гончаров — помощник Малинского — относился к новому коллеге немного настороженно, и мы так и не успели сблизиться и понять друг друга. Более общительным и любознательным оказался капитан Лаженцев, но наш начальник намекнул, чтобы в общении с ним я не говорил ничего «лишнего», «неположенного».

Майор Шеховцев по внешности и манере поведения наиболее полно, в моем представлении, выражал черты истинного военного интеллигента-штабиста. Всегда подтянутый, аккуратный, с приятной улыбкой и хорошим чувством юмора, Николай Иванович был примером для подражания. До сих пор сожалею, что нам редко приходилось разговаривать — он всегда был крайне занят сбором информации, выполнял особо ответственные задания Оперативного управления штаба.

8 марта вечером на концерте женской художественной

самостоятельности я встретился с моими бывшими учениками 19-й средней Казанской школы имени В. Г. Белинского Галиной Андреевой и Ниной Косолаповой. Оказалось, обе они действительно служили в батальоне связи. Нина Косолапова еще в школе превосходно пела, Галя всегда была инициативной, умела увлечь товарищей по учебе, а теперь — связисток своего батальона. То-то наговорились. Вспомнили все, что только было на памяти.

В разгар подготовки Приэкульской операции мне поручили составить военно-географическую справку Либавского направления (левый берег реки Вента, восточное побережье Балтийского моря, южнее 20—30 км города Либавы). Помню, в справке-характеристике отмечалось: «Местность Либавского направления преимущественно открытая... слегка всхолмленная равнина. Прибрежная полоса трудно проходима и неудобна для высадки десантов... Из рек, имеющих значение для действий больших сил, необходимо указать р. Вента, которая с началом разлива может прикрывать фланг наступающих войск и содействовать расчленению Курляндской группировки...» Я учел также, что в условиях весеннего разлива многочисленные небольшие реки и озера могут явиться серьезным препятствием для продвижения наших войск, особенно техники. Обращал внимание штабов, что возможна упорная подвижная оборона противника, которую он может организовать в многочисленных опорных пунктах и на подготовленных промежуточных рубежах.

Предусмотрел и то, что хотя наша авиация может действовать с дальних аэродромов, но это осложнит управление ею и резко увеличит расход горючего. «Справка» заканчивалась выводом: «В целом, местность на Либавском направлении более благоприятна для обороны противника, чем для наступления наших войск, и требует больших сил и средств по инженерной подготовке плацдармов и обеспечению наступления».

В последующие дни потребовались справки и некоторые предложения, необходимые при обработке взаимодействия штурмовых групп, особенно когда развертывалась подготовка к решающему весеннему наступлению наших войск, предусматривающему глубокий прорыв обороны на двух-трех направлениях. В нашу задачу входило — изучить проходившие ранее операции с тем, чтобы использовать этот опыт в предстоящих боях. Офицеры отдела поэтому неоднократно выезжали в штабы и подразделения армий.

Еще в январе 1945 года на Курляндском полуострове

произвели перегруппировку войск, которая впоследствии еще не раз подвергалась корректировке. С прибытием маршала Л. А. Говорова началась подготовка крупной операции на Либавском направлении. Ее цель — захват порта и города Либавы, лишение противника основных баз и коммуникаций. Эту операцию подготовили с учетом особенностей обороны и тактики противника. В результате упорных, кровопролитных боев наши войска прошли тактическую глубину обороны и заняли крупный узел сопротивления, прикрывавший Либаву — станцию и город Приэкуле, создав угрозу рокадной железной дороге Либавы — Салдус.

Немецкое командование в предельные сроки перебросило на Либавское направление свои резервы, сконцентрировало на направлении главного удара до 80 батарей артиллерии всех видов, две танковые дивизии и остановило наши войска.

После Либавской операции было решено нанести противнику ряд последовательных ударов, чтобы расшатать его оборону, измотать его резервы, тем самым создать благоприятную обстановку для решающего наступления. Однако условия весенней распутицы и ограниченность сил к желаемым результатам не привели.

Наши войска вышли к так называемой «Замковой позиции» по реке Виэсате. В апреле во всех соединениях фронта были организованы боевые тренировки, им уделялось исключительное внимание. Одновременно велась разведка и инженерная подготовка плацдармов. Операция должна была начаться в первых числах мая. Конец войны застал войска Красной Армии за усиленной подготовкой к решающему наступлению в Курляндии. Надвигающийся крах Германии заставил командование Курляндской группы армий начать хотя бы частичную эвакуацию войск. 7 мая 16-я Армия сделала попытку отойти на последнюю (морскую) позицию. Наши войска тут же начали преследовать противника, а 10-я Гвардейская армия перешла в наступление. В результате двухдневных напряженных боев были заняты города Тукумс, Салдус. Наши соединения вышли на главную и последнюю позицию немцев в северо-восточной части полуострова. По заявлению немецкого командования, наступала полная катастрофа всей группировки. Действительно, в обстановке продвижения наших войск на правом крыле фронта в глубь полуострова началась капитуляция Курляндской группы армий.

Верховное Главнокомандование фашистской Германии

обороне Курляндии придавало особое значение, определяя ее как плацдарм, как «волнорез» и т. д. По свидетельству главнокомандующего генерала пехоты Гильперта, он готовился до самого последнего времени к решающей битве за полуостров. Имелись данные (показания пленных 81-й пехотной дивизии от 8 мая 1945 г.), что в конце апреля саперные подразделения отправлялись в Виндава и Либава строить причалы, откуда предполагалось эвакуировать войска на территорию Германии, занятую англичанами. Среди солдат ходили слухи, будто бы англичане разрешили высаживаться в портах, занятых ими.

Но все это было желаемое, которое, благодаря блестящим победам советского оружия, не могло превратиться в действительное. Командование Курляндской группы армий до последнего дня ориентировало личный состав сражаться до последней капли крови. Ко времени капитуляции группа армий «Курляндия» имела более 20 пехотных дивизий, до 40 отдельных батальонов, группу пехотных подразделений, две танковые дивизии, две бригады штурмовых орудий (до 490 танков и самоходных установок). Около 150 дивизионов артиллерии и свыше 200 минометных батарей, воздушный флот — до 150 боевых самолетов. Морской флот постоянно менялся. В целом личный состав всех родов войск и служб составлял около 300 тысяч солдат и офицеров. Главный (или генеральный) штаб группы находился в районе замка Пелчи под Кулдигой. В его составе было 1054 военнослужащих.

5 мая солдатам зачитали приказ гросс-адмирала Деница о том, что на западе военные действия прекращены, а на востоке немецкие войска должны продолжать сопротивление. Кроме того, им объявили, что связь между Курляндией и Германией прекращена, и вопросы питания должны решаться за счет местных ресурсов.

Тогда же Дениц дал право генералу Гильперту награждать солдат и офицеров передовой линии высшими наградами — рыцарскими крестами всех степеней. И главнокомандующий не скупился на награды. Даже утром 8 мая, в день капитуляции, он подписал десятки приказов о награждении за «боевые подвиги». И до последнего часа держал солдат на линии Кандава — Салдус. Все эти и ряд других обстоятельств не оставляли сомнения в том, что немецкие войска в Курляндии до 8 мая 1945 г. готовились продолжать упорное сопротивление.

КАПИТУЛЯЦИЯ КУРЛЯНДСКОЙ ГРУППЫ АРМИЙ

Благодаря Берлинской операции советских войск полный разгром гитлеровской армии стал фактом. Однако войска, продолжавшие наступать в Германии, Чехословакии, Австрии, встречали отчаянное сопротивление обреченных частей и соединений противника. Лишь к исходу 7 мая Верховное немецкое командование приняло решение о всеобщей капитуляции. Около полуночи штаб группы «Курляндия» получил приказ гросс-адмирала Деница.

Для понимания того, что произошло за неделю с 7 по 13 мая, целесообразно обратить внимание на некоторые факты и наблюдения, характеризующие главнокомандующего группы армий «Север» генерала Гильперта.

За последний год войны он многое получил от фюрера. Летом 1944 года командовал корпусом, а весной 1945-го — группой армий. В сентябре 1944 г. торжественно отметил день своего рождения. Даже в кошмарном сне не могло ему тогда присниться, что придет время, когда на обратной стороне сохранившегося пригласительного билета он набросает письмо-обращение к маршалу Говорову. Этот последний документ написан староготическим шрифтом и перепечатан затем на машинке, но подписью не оформлен.

Мы не знали, был ли послан «уполномоченный офицер» с письмом к маршалу Говорову. Но, ознакомившись с его содержанием, поняли, что письмо явилось результатом лихорадочного поиска вариантов ослабить неминуемое возмездие. И вместе с тем этот документ не мог бы появиться, если бы у Гильперта, начальника штаба Ферча, и начальника оперативного управления Рихтера не было скрытого признания «гуманности русских», их традиционного отношения к повергнутому врагу. Обстоятельства поставили этих военных преступников перед необходимостью сказать, что они разоружились идейно, психологически, что они на пути раскаяния и готовности искупить свою вину.

За три дня до Берлинской операции наши войска освободили австрийскую столицу, и в это же время мир узнал о кончине американского президента Рузвельта. Вокруг этих разных, прямо не связанных событий-фактов шли разговоры. Мощная поступь оружия радовала, но мы не скрывали и чувства огорчения по поводу смерти уважаемого союзника, с именем которого вошли в историю и Тегеран, и Ялта. По-человечески сожалели, что Ф. Рузвельт

не дожидаясь до полной капитуляции фашистской Германии и милитаристской Японии, что не будет его участия в предстоящих в недалеком будущем встречах и конференциях, на которых определятся принципы послевоенных отношений между народами.

В те апрельские дни положение в главном штабе Курляндской группы армий было крайне тревожное. 10 и 11 апреля штаб подвергся сильной бомбежке русскими самолетами. Решили покинуть виллу и переселиться в бункер, что в 300—400 метрах от замка Пелчи. С 16 апреля генерал Гильперт находился в блиндаже рядом со своим начальником штаба Ферчем.

В разгар Берлинской операции в Потсдамском подземелье отмечался день рождения Гитлера. Его ближайшие советники уповали теперь на Черчилля. Смерть Рузвельта, как им казалось, могла пробудить кое у кого из руководящих кругов и в Англии, и в США определенный интерес. Наверняка, найдутся такие, кто бы хотел сохранить военный потенциал третьего Рейха и объединиться в противостоянии Советскому Союзу и его союзникам в лице поднявшихся на борьбу с фашизмом народов Восточной Европы. Для этого требовалось не только удержать Берлин, но не допустить потерю Восточной Пруссии, любой ценой удержать Кенигсберг как символ милитаризма и оплот традиционной политики «Дранг нах остен».

Генерал Гильперт и полковник Рихтер присутствовали на приемах в Потсдаме 18—29 апреля 1945 года. Об их последнем разговоре с фюрером сообщил 12 мая Рихтер. Я записал его: «Гильперт выразил сомнение в целесообразности дальнейшего пребывания большой группы войск (390—400 тысяч солдат и офицеров) в Курляндии и острожно предложил соображения о переброске морем, пока не поздно, Курляндских дивизий на фронт Берлинского направления — против войск Жукова и Рокоссовского. На это Гитлер с раздражением ответил, что Курляндский полуостров следует держать, даже если бы Берлин оказался в руках советских и союзных войск. Видя, что командующий остается в недоумении, фюрер добавил, что он надеется на продолжение войны с Россией в союзе с Черчиллем и считает, что нацистское руководство будет в значительной мере амнистировано, если сумеет и успеет передать под контроль англичан готовый плацдарм в Прибалтике и крупнейшую с огромной техникой армейскую группировку».

Рихтер образно представил Гитлера в эти минуты, за-

метив, что фюрер широко раскинул руки и, опираясь на ладони, то склонялся к столу, то «выпрямлялся» и очень походил на того Гитлера, которого Рихтеру пришлось видеть на показе одной из лент советского кино.

Этот переданный Рихтером ответ фюрера нам тогда казался бредом. Но после войны неоднократные выступления Черчилля против нашей страны, «атомный шантаж» Трумена вызывали на размышления.

Архивное управление в Англии недавно открыло доступ к «секретам Уайтхолла». Документы подтверждают, что У. Черчилль вскоре после завершения Второй мировой войны уповал на стратегию «шестинедельной третьей мировой войны». В одном из документов 1953 года было сказано, что «единственным, действенным «средством сдерживания» для Запада является нанесение ударов по СССР»¹.

Заявление Черчилля в конце 1954 года не могло не вызывать у советских людей, и особенно фронтовиков, глубокого возмущения. Наши записи беседы с Рихтером и другие документы не оставляли сомнений в том, что и генерал Ферч, и начальник оперативного управления полковник Рихтер указывали на протяжении всей весны 1945 года давление на главнокомандующего не только потому, что хотели «спастись», но и потому, что не видели другого средства для удержания Кенигсберга, кроме переброски всей группы войск из Курляндии в Восточную Пруссию. Но главное было не в запрете Гитлера, а в нанесении ударов наших соединений и авиации Балтийского флота, непрерывном воздействии авиации Ленинградского фронта.

Утратив шансы на эвакуацию войск, немецкое командование использовало все возможные варианты для «смягчения вины», не исключая и подчеркнутую лояльность к советским комиссиям по организации перевода войск фашистской Германии на положение военного плена.

Распоряжения адмирала Деница (с 30 апреля по 3—4 мая) Гильперт приказал уничтожить. После падения Берлина войска все больше охватывали панические настроения, все больше распространялись случаи бегства из Курляндии. Начальник штаба генерал Ферч рассказывал нам, что накануне выезда Гильперта и Рихтера в Берлин они втроем детально обсуждали варианты переброски

---

¹ Известия, 1984, 6 января.

войск в районы Штетина и Любека, полагая, что этим помогут нанести фланговый удар по войскам маршала Рокоссовского и сорвут успешное развитие Берлинской операции русских.

Но судьба Курляндской группы армий находилась в руках советского командования, и наши враги уже ничего не могли изменить. По признанию Ферча, он ясно сознавал, что их ждет «позор полной и безоговорочной капитуляции, плен». Тем не менее в конце апреля Ферч отправился в ставку Верховного командования, стремясь еще раз попытаться доказать необходимость немедленной переброски войск в Германию. Из Фленсбурга он вернулся в Курляндию 3 мая и передал командующему приказ и подробные, развернутые указания об эвакуации войск. После «частичной капитуляции» 5 мая в Реймсе началась спешная подготовка к эвакуации.

Заметив на рассвете 7 мая отход 16-й немецкой армии на так называемую «морскую позицию», наши войска развернули преследование. В тот же день были взяты города: Тукумс, Салдус (Фразренбург), Брацены. И все же командованию группы «Курляндия» удалось перебросить в Германию более 40 тысяч солдат и офицеров, из них 7 и 8 мая морем отправили около 25 тысяч человек.

Небольшой листок-приглашение и машинописная копия письма обнаружены мною под новеньким пистолетом «Маузер» в спальне Гильперта. Осматривая оружие, я подумал: быть может, одним из вариантов выхода из создавшегося положения Гильперт предпочитал позорному плену и последующему справедливому возмездию смерть. Но охотников последовать Гитлеру и Геббельсу в Управлении Курляндской группы армий не оказалось. Это тоже означало, что военные преступники на что-то еще надеялись.

О растерянности Гильперта свидетельствует и попытка переехать в Либаву. Об этом сообщил нам 12 мая комендант штаба майор Кошерек, когда штаб фактически был уже ликвидирован, и его состав переводился на положение военного плена. Оказывается, 7 мая после получения приказа адмирала Деница о капитуляции адъютант командующего распорядился отправить в Либаву две машины с вином, шоколадом и табаком. По прибытии в Либаву шофер получил приказ: груз доставить обратно в замок Пелчи. 8 мая машина вернулась, а шофер оказался пьяным. То же произошло и со второй машиной, которая прибыла в штаб 9 мая.

Проект письма-обращения Гильперта к маршалу Го-

ворову датирован 8 мая 1945 года. Это было ранним утром, когда Гильперт еще не знал, какие распоряжения свыше он получит. Он «заверяет» маршала Говорова, что находящаяся под его властью Курляндская группа армий готова получить указания и «... лояльно их выполнить». Маршал Говоров, может быть, «примет во внимание» и «уважит» проявленную храбрость его войск и предоставит им «свободный и почетный выход на территорию Рейха, с оставлением холодного оружия». Да, утопающий готов ухватиться за соломинку, говорят в народе. Но Гильперт идет дальше: «Если, господин маршал, вы считаете себя неполномочным выполнить мою просьбу, я прошу вас передать это господину маршалу Сталину, который, благодаря своим победам, теперь стал первым солдатом Европы. С выражением полного почтения»¹.

Теперь, спустя более 40 лет, вряд ли целесообразно домысливать оценку этого необычного документа. Но есть смысл сказать, что члены нашей комиссии заинтересованно его комментировали и высказывали неоднозначные предположения, поскольку такой шаг Гильперта казался неожиданным и странным. Мы допускали, что это обращение означает готовность психологически вполне лояльно выполнить условия полной капитуляции Курляндской группы армий. При этом, однако, учитывали и воздействие на войска группы определенных мер нашего командования. Маршал Говоров и член Военного Совета генерал Богаткин 7 мая решили обратиться на немецком языке к солдатам. Листовки срочно отпечатали в количестве 70 тысяч экземпляров и с самолетов сбросили на всем пространстве Курляндского полуострова, занятого фашистскими войсками. В то же время начальник Политуправления фронта генерал Пигурнов приказал развернуть вдоль всей линии фронта звуковещательные станции, которые с 23-00 7 мая передавали текст ультиматума маршала Л. А. Говорова командованию группы армий «Курляндия». Все это неотразимо влияло на противника и заставило Гильперта в ночь на 8 мая отдать приказ об отходе войск на промежуточный рубеж, а утром 8 мая известить советское командование о согласии на капитуляцию.

Известие об окончании войны дошло до нашего отдела поздней ночью с 7 на 8 мая. Разбудила стрельба. Мы быстро оделись и выбежали на улицу, чтобы узнать, в чем дело. Вдалеке, точно молния, вспыхивали и тут же

---

¹ «Проект письма» 8 мая 1945 г.

гасли огненные линии трассирующих пуль. В районе станции, где находились бронированные вагоны и платформы, прогремело несколько оружейных выстрелов. Небо озарилось ракетами. Это был дружный, хотя и неорганизованный салют... Я тоже расстрелял имеющиеся в «парабеллуме» патроны. Остаток ночи не спал.

Утром 8 мая от связисток узнали о первых радиотелеграммах, сообщающих о капитуляции. В течение дня поступали все новые и новые сведения и распоряжения начальника штаба фронта и Оперативного управления. До позднего вечера не возвращался в свое отделение наш начальник, он, как и другие офицеры Управления, фактически дежурил у начальника штаба генерала М. М. Попова. Только в ночь на 9 мая мы узнали о вручении Условий полной капитуляции представителю немецкого командования. Каждого переполняли чувства радости и надежды на будущее.

События развивались стремительно.

8 мая в 7-00 и в 8-45 на волнах 324 и 98 метров радиостанцией штаба Ленинградского фронта была перехвачена радиogramма: «Командующему Вторым Прибалтийским фронтом. Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта? Наши волны: 3050 и 2175 (98,3 и 137,9 м.) Командующий войсками группы «Курляндия» Гильперт, генерал пехоты». Наши оперативники были удивлены, что в главном штабе противника не знали о ликвидации 2-го Прибалтийского фронта и передаче войск под командование маршала Говорова еще в марте и что наш штаб назывался теперь штабом Курляндского направления Ленинградского фронта.

Вскоре маршал Л. А. Говоров приказал передать ответ: «Командующему Курляндской группы генералу пехоты Гильперту.

1. Связь со мной держать на волне 98,3 м.

2. Для ведения переговоров о капитуляции, согласно соглашению в Реймсе, ожидаю Вас или Вашего представителя, уполномоченного принять и подписать порядок прекращения военных действий и капитуляции, которому перейти линию фронта в 15-00 по московскому времени сегодня, 8.5.45 г., по дороге: г. Скрунда — Пампали у пункта Сунас, у переднего края Вас или Вашего представителя будет ожидать мой представитель.

3. Условным сигналом для перехода линии фронта Вами или Вашим представителем устанавливаю: поднятый бе-

лый флаг и игра горниста на трубе «слушайте все». С моей стороны будут эти же сигналы.

4. Отдайте распоряжение Вашим войскам о прекращении военных действий с 14-00 8.5.45 г. на участке Сили (16 км юго-западнее Салдус) и р. Вента, о чем Ваши войска должны известить войска вверенного мне фронта выставлением белых флагов по переднему краю Вашей обороны на указанном участке. Получение подтвердите по радио. Говоров».

Решение маршала Говорова и его штаба о пленении и разоружении Курляндской группы армий Германии предусматривало в течение 5—7 дней занять весь Курляндский полуостров. Предусматривались организация и транспортирование пленных в лагеря, занятие портов, городов, узлов дорог и всех крупных населенных пунктов, а также прочесывание лесных массивов. Выполнение условий капитуляции планировалось в течение 9 и 10 мая в следующем порядке: в 23-00 по среднеевропейскому времени 8 мая прекратить все боевые действия на земле, в воздухе и на море; все пехотные дивизии с их средствами усиления вывести с переднего края обороны в районы сосредоточения, удаленные на 4—5 километров от переднего края, начиная с 11-00 9 мая. В указанных районах войска полностью разоружались к концу дня нашей Великой Победы.

Из городов: Либава, Виндава, Павилоста, Кулдига, Дундага, Собила и аэродромов в районах этих городов и крупных населенных пунктов немецкие войска выводились к 8 часам 9 мая.

Категорически запрещалось разрушать постройки, уничтожать или портить оборудование или имущество, технику как в этих городах, так и на всей занимаемой немецкими войсками территории. К тому же времени освобождались от войск, техники и транспорта названные советским командованием маршруты и районы для прохождения частей и соединений Красной Армии. Устанавливался четкий порядок вывода немецких частей и соединений в специально подготовленные лагеря.

Командующий Курляндской группой армий, командующие 16-й и 18-й армиями к 12-00 и командиры корпусов к 16-00 9 мая должны были прибыть на советскую территорию на своих машинах и со своими рациями и обслуживающим персоналом. Им создавались условия для управления войсками на период капитуляции.

Вплоть до сдачи войск и имущества советскому коман-

дованию за порядок и сохранение имущества и вооружения ответственность возлагалась на командующего группы генерала Гильперта.

Таковы были условия капитуляции, которые выполнялись с полуночи 8 мая и в последующие 5—7 дней.

«Порядок» капитуляции был вручен полномочному представителю Верховного командования Курляндской группы армий заместителю Гильперта по тылу генерал-майору Раузеру уполномоченным маршала Говорова, генерал-полковником Поповым в 16-00 8 мая в местечке Эзере и подписан генералом Раузером в 22 часа 6 минут 8 мая 1945 года.

Согласно решению маршала Говорова, каждая армия нашего фронта выделяла необходимое количество соединений и частей. По назначенным маршрутам они спешно двигались с утра 9 мая в глубь полуострова, имея задачу — занять порты, аэродромы, главные города и крупные узлы дорог. Основная же масса войск оставалась на местах и лишь по мере пленения и разоружения немецких дивизий частично передвигалась вперед. Только спустя несколько дней она переместилась в глубь Курляндии, где перешла затем на мирное, лагерное положение.

Но вернемся к событиям, проходившим 8 мая на Курляндском полуострове. Войска трех армий нашего фронта продолжали наступление и заняли несколько городов и крупных населенных пунктов. Остальные четыре армии в бои не включались: на их линии фронта протяженностью более 150 километров было спокойно.

День 8 мая выдался на редкость погожий, это был, пожалуй, первый теплый, по-настоящему весенний день в Курляндии. С рассветом в синеве неба начали появляться наши самолеты. Число их быстро росло. В Оперативном управлении шли разговоры, что над полуостровом и в прибрежной полосе Балтийского моря действовало более 900 наших самолетов. Никогда Курляндия не видела такого количества самолето-вылетов в день. Нанося удары по коммуникациям врага, советская авиация контролировала балтийские воды, не давала возможности транспортам и судам выйти из портов полуострова. Летчики доносили по радио о движении даже отдельных лодок. В штабе говорили, будто маршал Говоров просил командующего Воздушной армией сделать так, чтобы не только транспорт, но даже чайки не могли улетать незамеченными.

Во второй половине дня 8 мая противник стал выстав-
лять белые флаги, прекращать огонь. Его солдаты и офи-

церы в одиночку и группами переходили в расположение наших войск.

В 15-00 армейские радиостанции передали приказ главнокомандующего генерала Гильперта: «Маршал Говоров согласился с моими предложениями о прекращении военных действий с 14-00 8.5.45 года. Немедленно сообщить войскам — вывесить на фронте белые флаги. Надеюсь на лояльное проведение этого мероприятия, так как от него зависит наша дальнейшая судьба. Частям оставаться на своих позициях. Не оказывать никакого сопротивления».

С 18 часов почти на всех направлениях фронта боевые действия прекратились. Появились белые флаги, парламентеры для переговоров. Приказ Деница о капитуляции был доведен до командиров корпусов к 10-00, до командиров дивизий — не позже 15-00. После подписания акта о полной капитуляции офицеры главного штаба в течение ночи на 9 мая напоминали войскам о необходимости разоружения и соответствующей подготовленности к перемещению.

Сопоставление радиотелеграмм с документами в штабах немецких армий еще раз подтверждает — косвенно — не только растерянность, но и иллюзорную надежду на эвакуацию войск из Курляндии. С одной стороны, 8 мая из поверженной фашистской Германии посылались телеграммы с требованием производить с максимальной быстротой «транспортировку немцев с востока», с другой — командование вплоть до подписания условий капитуляции не расставалось с мечтой о возможных уступках со стороны советского командования, зафиксированной в письме-послании Гильперта маршалу Говорову. Приказ командующего группой о том, что «в ближайшие дни придут русские офицеры, облеченные властью» и что с ними надо «обращаться лояльно»... отчасти помогает понять, почему генерал Раузер, получив «Условия капитуляции...» от начальника штаба Ленинградского фронта в 16-00, подписал соответствующий акт только через шесть часов.

Немецкие войска в общем встретили приказы своего командования о прекращении боевых действий внешне спокойно. Лишь в 19-й латышской дивизии и в 12-й танковой наблюдалась паника. Среди документов, переданных офицерами Главного штаба председателю комиссии советского командования, находился доклад оперативного отдела штаба 16-й армии о панике в этих дивизиях и фактическом невыполнении приказа о полной капитуляции.

На рассвете 9 мая маршал Говоров передал приказ

Гильперту: «В 10-00 9 мая по московскому времени военные суда Краснознаменного балтийского флота войдут в порты Либава и Виндава». Предполагалось принять меры к приему этих судов и не допустить возможные недоразумения. А около 8-00 утра генерал Ферч уже извещал начальника штаба генерал-полковника Попова о том, что распоряжение маршала Говорова о выезде командующего в Мажейкяй выполнено. Но Гильперт, оказывается, выедет в штаб фронта еще только в 9 утра 9 мая 1945 года. Он был не один. С ним прибыли командующий 16-й армией генерал Фолькамер и командующий 18-й армией генерал Бёге.

Штабы наших армий доносили: на всем полуострове полным ходом шло пленение и разоружение немецких частей и соединений, находившихся непосредственно на переднем крае. К исходу 9 мая сдалось в плен до 50 000 немецких солдат и офицеров. К исходу 10 мая было пленено до 110 000 человек, из них 20 генералов.

Специально назначенные корпуса и дивизии наших армий 9 мая совершили марш в глубь полуострова и заняли ряд крупных, имеющих стратегическое значение, городов: Либава, Виндава, Павилоста и др. Необходимо было взять под контроль, а затем ликвидировать Главный, Генеральный штаб Курляндии и штабы 16-й и 18-й армий.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В этот великий день большая часть офицеров нашего штаба находились в войсках, а те, кто оставался в местечке Мажейкяй, отметили долгожданный День Победы в духе народных традиций. Состоялся короткий митинг. В небольших, но необычайно эмоциональных выступлениях прозвучали слова благодарности ленинской партии, советским людям в тылу, слова, выражавшие глубокую скорбь о тех, кто отдал жизнь за Родину. Все были возбуждены до предела. В «водовороте» чувств каждый хотел поделиться радостью с близкими в глубоком тылу. Вернувшись с митинга, я наспех написал в Казань письмо. Помню, я его начал словом: «Победа!» Наверное, в этот день все начинали таким зачином. Желаннее и значительнее не было слова.

В первой половине дня 9 мая появилась газета фронта «Суворовец». Этот праздничный номер был особенно памятным: в нем публиковались два исторических документа — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об

объявлении 9 мая праздником «Победы» и «Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил». Всю третью полосу занимала поэма популярного в то время фронтового поэта Якова Хелемского «Знамя Победы». Мы читали ее вслух. Привлекали в ней и наши общие заботы и цели, и наше личное, наболевшее с годами. В поэме образно и лирично рассказывалось о боях за освобождение Прибалтики:

Мне помнится дорога нашей славы —
По выжженным калининским лугам,
По топям, вдоль широкой Даугавы,
К морской волне, к балтийским берегам.

После небольшой прогулки по городу я возвратился в оперативный отдел и узнал о том, что наш начальник подполковник Д. Л. Малинский назначен председателем комиссии по приему и ликвидации штаба группы армий «Курляндия». Надо сказать, что согласно дополнительным условиям к порядку капитуляции Главный и армейский штабы продолжали управлять войсками, получая по радио приказы командующих Курляндской группы армий, 16-й и 18-й армий, находившихся под контролем советского командования. Последовали приказания о выделении офицеров в состав формируемых комиссий. Одновременно начальникам штабов семи армий предлагалось создать комиссии штабов армий и корпусов для учета, приема и обеспечения сохранности документов штабов корпусов, дивизий, бригад и полков противника.

В течение всей напряженной ночи с 9 на 10 мая комиссии получали инструктаж о характере и порядке предстоящей работы. Начальниками комиссий назначались: главной (или № 1) — подполковник Малинский, № 2 (по приему штаба 16-й армии) — подполковник Марченко и № 3 (по приему штаба 18-й армии) — майор Шеховцев.

Наша главная комиссия состояла из 14 человек, представлявших Оперативное управление, Управления по родам войск, отделы штаба и др. Мне было доверено представлять Оперативное управление и исполнять обязанности первого помощника председателя комиссии.

На рассвете машины главной комиссии с охраной и спецсвязью обогнали части войск, что следовали в глубь полуострова и приблизились к переднему краю обороны. За редким кустарником на бруствере первой траншеи маячили три белых флажка. Далее начинался смешанный лес. На опушке — деревья с поломанными сучьями, без маку-

шек. Это были первые следы наших артиллерийских массированных налетов.

Между Пампали и Скрунда в лесу встретили немецкие обозы и пехотные подразделения, которые двигались нам навстречу. Генерал в сопровождении группы офицеров распорядился освободить проезд и, привстав в седле, отдал честь советской комиссии. Его команда тут же была передана по всей колонне, растянувшейся километра на два. Мы решили, что проследовала пехотная дивизия.

Одолев узкую лесную дорогу, машины выехали на опушку. Слева шла полоса заболоченного луга, а справа — перезимовавшая пахота. В конце поля в дымке проступали очертания мызы, с обеих сторон которой толпами и в одиночку двигались солдаты. Вскоре мы оказались в трудном положении. Идущая впереди машина забуксовала и до ступицы колес осела в грязи. Объехать низину было невозможно: никакой другой дороги. Мы вышли, обдумывая, как преодолеть препятствие и явиться в Пелчи в надлежащем виде. И вдруг кто-то крикнул: «Смотрите!» Со стороны хутора бежали солдаты, не менее взвода. Охваченные любопытством, они беспорядочно приветствовали нас и дружно окружили «вилис», не обращая внимания, что жидкая грязь оказалась до колен. Шофер включил газ, и машина с помощью десятка-полтора солдат вырвалась на сухую колею дороги. Остальные машины, изменив немного направление, благополучно прошли вперед. Фрицы, как мы тогда называли солдат противника, смущенно улыбались, по внешним проявлениям они были довольны, что помогли советским офицерам. Кто-то из нас поблагодарил за оказанную помощь. Проехав Скундра, хорошо сохранившийся, но со следами давней бомбежки город, наш председатель комиссии и с ним две машины ушли вперед. Им необходимо было прибыть в штаб пораньше, чтобы успеть установить радиосвязь с Оперативным управлением нашего штаба и договориться о приеме и размещении комиссии.

Было около 10 часов утра, когда мы заметили регулировщика с белым флажком, привязанным к стволу автомата. Он стоял на перекрестке дороги, ведущей к замку Пелчи. Мы повернули на эту дорогу и, остановившись, спросили: «Давно ли проехали представители штаба Ленинградского фронта?» Солдат ответил, что это было минут 20—30 тому назад. Наконец, показалась усадьба, здание замка. Наша машина связи стояла у кустов сирени. Группа немцев довольно смело подошла к нашим автоматчи-

кам и шоферам, предлагала свои сигареты, проявляла любопытство. Офицеры проходили мимо, приветствовали нас, но не задерживались и в разговор не вступали.

Ожидая распоряжений, мы разглядывали усадьбу, ее постройки. Тут и там непрерывно сновали штабные работники, группы службы охраны. Наконец, со стороны бункера подошла группа старших офицеров, и наш председатель сообщил, что начальник разведывательного отдела подполковник Лизонг и его помощники проводят советскую комиссию в ее «резиденцию» — виллу бывшего главнокомандующего Гильперта. Мы быстро разместились. Определили «блок питания» и перенесли туда продукты.

Малинский согласился с моим предложением — занять спальню генерала. Мы устроились в ней с комфортом. Просторную гостиную определили для заседаний, соседнюю с ней комнату — рабочий кабинет — использовали для разговоров с начальниками отделов и служб штаба. В остальных комнатах разместились члены комиссии и охрана.

Вскоре нас пригласили на завтрак. Каждый оказался перед необходимостью, если не преодолеть, то хотя бы скрыть чувство ненависти и показать готовность в рамках наших полномочий к деловым разговорам о выполнении условий капитуляции. Мы понимали, что эмоциям в такой исключительной ситуации не место. Каждая деталь подлежит анализу и оценке рассудка.

Накрытый в гостиной стол был сервирован скромно: бутерброды с галетами, шведские шпроты и несколько бутылок шнапса. Немцы, видимо, это заметили сами. Подполковник Лизонг сказал, что они «бедны», что советские самолеты и боевые средства Балтийского флота не позволяли перебрасывать продукты из Германии, особенно в последние дни. Завтрак длился около получаса. И так как наши офицеры были сдержанны, разговор поддерживал только председатель комиссии. После завтрака все перешли в приемную бывшего главнокомандующего, заняв место за длинным столом. Место председателя занял подполковник Малинский, с правой стороны от него сел генерал Ферч, за ним полковник Рихтер и другие начальники отделов. За спиной начальника штаба расположился майор-переводчик, угодливо наблюдавший за «состоянием» своего шефа.

Левую сторону стола заняли советские офицеры. Малинский «шепнул» мне, чтобы я сидел рядом с ним и внимательно записывал, за мной сидел наш переводчик и далее —

члены комиссии. Напротив вдоль стола уселись офицеры штаба.

Совещание началось с того, что начальник комиссии обратился к генералу Ферчу и полковнику Рихтеру: «Наша комиссия,— сказал он,— представляет собой группу офицеров-специалистов по родам войск, и каждый член комиссии будет соответственно вести работу с представителями главного штаба Курляндской группы армий...»

Генерал Ферч сообщил, что начальники управлений и отделов ознакомят нас с имеющимися документами и не скрыл, что еще 7 мая большая часть их была уничтожена. Он сообщил, что в соседней комнате находятся компетентные генералы и старшие офицеры. На мой вопрос о Журналах боевых действий ответил полковник Рихтер. Оказывается, еще 5 мая его помощник, который вел «дневник боевых действий», улетел с двумя чемоданами документов... в Швецию.

После окончания совещания сразу же началось ознакомление с оперативной документацией, уточнением дислокации войск, организацией управления войсками, боевого и численного состава, наличия специального имущества и др. За подписью Рихтера было направлено распоряжение штабам армий, воздушного флота и начальнику тыла о предоставлении комиссии советского командования данных о численном составе войск, карты дислокации воинских частей и дивизий на 9 мая. В конце «письма» два дополнения — для начальника тыла: «В связи с тем, что советское командование обещает помочь госпиталям, дать сведения о количестве раненых...» — для штаба 16-й армии, в составе которой находились так называемые «латышские добровольцы», «...маршал Говоров не рассматривает их как СС». Предполагалось сообщить об этом личному составу 19-й дивизии немедленно.

Председатель комиссии потребовал принять меры для усиления охраны узла связи, автопарка и других объектов, напомнив генералу Ферчу и полковнику Рихтеру об их личной ответственности. Штаб продолжал отдавать распоряжения, и считалось, что управляет войсками, хотя он имел уже ограниченные возможности и не всегда обладал информацией о том, что делается на местах. Около 17-00 был объявлен обеденный перерыв на один час.

В середине дня в штаб Ферча стали поступать данные из армий и корпусов. Они корректировались офицерами отделов и управлений и передавались членам нашей комиссии.

В приемной и гостиной офицеры обеих сторон бесшум-

но передвигались по ковровым дорожкам между столами и креслами. Кресла оказались вывезенными из нашего Екатерининского дворца (г. Пушкин).

К исходу дня требуемые нами сведения и материалы были получены. Некоторые данные, по признанию немецких офицеров, вносились ими по памяти. Около 9 часов вечера все основные документы были вложены в пакет, который я вручил одному из помощников генерал-полковника М. М. Попова. Пакет адресовался начальнику Оперативного управления генералу А. В. Гвоздкову. Расписавшись в его получении, помощник начштаба фронта немедленно отправился к самолету и к 23 часам 10 мая доставил документы в Мажейкяй по назначению.

Главное было сделано. Мы понимали, на следующий день предстоит решение не менее сложной задачи — перевести немецкий штаб на положение военного плена. Но мы не имели достаточных сил для организации охраны и контроля штаба, в котором налицо было более тысячи военно-служащих.

Ночь прошла спокойно. За завтраком выяснилось: члены комиссии размещением довольны. Подполковник Малинский отметил, что его поручение — войти в контакт с комендантом немецкого штаба и получить необходимые постельные принадлежности, полотенца и мыло, кое-что из кухонных принадлежностей — я выполнил своевременно.

11 мая работа комиссии возобновилась в 10-00 утра и продолжалась до обеденного перерыва столь же энергично, как и в первый день. От поверженного штаба работали три переводчика и один наш младший лейтенант Кулагин. Члены комиссии продолжали уточнять данные, брали на учет интересующее их штабное оборудование, документы и материалы, вели работу за пределами штаба. Так, председатель топографического отдела подполковник Макаров осматривал и учитывал специальные машины по картографии, находившиеся в Кулдиге и его окрестностях. Представитель управления связи подполковник Коржик работал в лесу, где находилась установка оперативной радиосвязи, специмущество и спецмашины связи.

Около 16 часов Малинскому передали по рации приказ маршала Л. А. Говорова о немедленном лишении штаба группы «Курляндия» всех средств связи и переводе его личного состава на положение военнопленных. Потребовалось закрытое совещание комиссии. К этому времени прибыла рота наших автоматчиков с четырьмя офицерами: она сразу же обеспечила надежную охрану узла связи. В пять часов

был объявлен обеденный перерыв. Председатель комиссии, прояснив интересующие его вопросы и обменявшись мнениями с членами комиссии, попросил всех собраться в приемной в шесть часов вечера. С ним ушли представители Политуправления и отдела «Смерш».

Около 19 часов вечера на заседание комиссии пригласили генерала Ферча. Он был взволнован и приготовился сразу же записывать указания председателя комиссии. Кстати, и в первый день обратила внимание его приверженность к записыванию, причем, на специальной штабной бумаге, с пометкой в верхнем левом углу листа — «Штаб группы «Курляндия».

В корректной форме подполковник Малинский сказал: «Господин генерал, мною получен приказ маршала Говорова, по которому ваш штаб прекращает свои функции и переводится сегодня, с 22 часов по московскому времени, на положение военного плена». Поверженный вояка фашистской армии выслушал сообщение внешне спокойно, но при внимательном наблюдении мы заметили на его лице растерянность и страх. Наступила небольшая пауза, после которой начальник комиссии продолжал: «Я прошу вас, господин генерал, распорядиться, чтобы узел связи был передан под нашу охрану немедленно. Передать все имущество штаба и автопарк нашим офицерам и под нашу охрану. Вам и вашим офицерам перейти из блиндажей в замок и занять правое крыло нижнего этажа. Левое крыло — офицерский состав. Верхний этаж и прилегающие к замку домики — рядовой состав».

Опять наступила пауза. Все наблюдали за генералом, который лихорадочно продолжал записывать. И только когда он поднял голову, обвел всех взглядом и остановился на председателе, подполковник Малинский сказал: «Предупреждаю вас, что за сохранность имущества до перехода его под нашу охрану и за порядок в процессе перевода личного состава на положение военнопленных вы несете персональную ответственность».

Вновь Ферч записывал и, обращаясь к нашему переводчику, уточнял условия. Наконец, немного подумав, он попросил вызвать его личного переводчика. Мы поняли: наш переводчик чем-то его не устраивал. Просьба была удовлетворена. В приемную вскоре вошел и встал рядом с генералом высокий худой майор. С его помощью были прояснены некоторые детали выполнения поставленных условий, переданы отдельные соображения по последнему приказанию генерала. Ферч попросил, если можно, больше его не

задерживать, так как на выполнение условий и перевод штаба на положение военного плена оставалось крайне мало времени. Однако председатель комиссии задержал его еще на несколько минут, напомнив о том, что необходимо разоружить генералов и офицеров, сдать фотоаппараты. На это Ферч ответил: «Я уже отдал приказ и полагаю, он будет выполнен в точности». Председатель комиссии спросил: «Не может ли случиться, что где-нибудь на территории штаба обнаружится незарегистрированная рация?» Последовал ответ: «Я отдал приказ — все средства передать вашим представителям и думаю, что этого не может быть, однако приму дополнительные меры».

Генералу разрешили отправиться в свой бывший штаб и выполнить указания, полученные во исполнение приказа маршала Говорова. Еще в ночь с 8 на 9 мая Ферч вынужден был подписывать распоряжения войскам о немедленной капитуляции. 10 мая, накануне прибытия комиссии, предупредил все управления, отделы и подразделения штаба: русских не трогать, относиться лояльно, без специального разрешения в контакт не вступать. Во время бесед с ним стремился убедить нас в том, что только как солдат он выполнял приказы командующих и под Ленинградом, и здесь, в Курляндии. Уже за завтраком, утром 10 мая, счел необходимым отметить: никогда не был сторонником нацизма, случайно попал в беду в июле 1944 г. по «делу Браухича». Наконец, будто бы до последней минуты он не был уверен в том, что за ним не ведется слежка гестаповцев в его собственном штабе. Все это должно было казаться убедительным.

Четкое выполнение указаний председателя комиссии советского командования по переводу штаба на положение военного плена, подчеркнутое обеспечение мер безопасности советских офицеров, учтивость — все это отмечено в наших записях, которые велись сразу же после разговоров и встреч в гостинной. Ферч явно искал участия. И надо прямо сказать, что нам тогда казалось: у генерала осталось что-то от понимания ответственности перед собой. Раскаяние и тревога за участь немецкой нации читались на его лице. Думалось, да не осудят нас современники, может быть, в самом деле Ферч разоружился, и ему осталось молиться и писать мемуары.

После ухода генерала Ферча члены комиссии направились по своим объектам для организации приема, контроля и охраны штабного имущества. Мне поручили принять канцелярское имущество непосредственно в помещении комис-

сии и в «каретнике», рядом с виллой бывшего главнокомандующего. «Сдавал» немецкий комендант, майор, который одновременно как бы передавал и свои обязанности. Во всяком случае, он именно так представлял свое положение после того, как стало известно, что штаб окончательно ликвидируется, а его личный состав переходит на положение военнопленных. По распоряжению майора, солдаты переносили штабное имущество и складывали в указанном месте. Из района бункеров подошли три машины с разными принадлежностями для штабной работы. Солдаты молча сбрасывали в каретник и машинки, и рулоны карт, кипы бумаги, пишущие принадлежности, и многое другое, явно не заботясь о сохранности. Пришлось предложить немецкому майору навести порядок, но он заметил: по случаю перехода в плен фельдфебели и ефрейторы, а также солдаты успели принять спиртное из своих личных запасов, и теперь их лучше не трогать.

В результате энергичной и четкой работы комиссии весь состав бывшего руководства немецкого штаба перешел к установленному времени на положение военного плена. Ровно в 22 часа подъехал генерал Ферч со своим адъютантом и переводчиком, чтобы доложить о выполнении распоряжений, полученных три часа назад. Свой доклад он закончил фразой: «Вот теперь все кончено. Мы в плену».

Председатель комиссии спросил генерала, как он и его помощники устроились. Последовал ответ: «Время было так ограничено, что мы успели лишь перетащить и сложить вещи, но в течение ночи устроимся». Затем спросил: «Будет ли мне позволено сейчас обойти места размещения солдат и офицеров и указать личному составу на необходимость соблюдения строгого порядка и дисциплины?» Председатель комиссии ответил: «Вас будет сопровождать наш переводчик». Ферч также спросил: «Можно ли в подразделениях солдат разместить по одному офицеру для того, чтобы сохранить дисциплину на том уровне, на котором она до сих пор находилась?» Подполковник Малинский на минуту задумался и обратился за советом к члену комиссии, представителю Политуправления. Его ответ был коротким: «Лучше разместить фельдфебелей».

Уже с 19-00 этого дня передвижение по лагерю разрешалось лишь в сопровождении нашей охраны, а генералы и старшие офицеры, хотя и следовали на заседания комиссии на автомашинах со своими шоферами, но в сопровождении наших офицеров. С десяти часов вечера прекращалось всякое передвижение вокруг замка и тех нескольких

домиков, в которых разместились пленные. Что касается продовольствия, то было решено: оставить его на пять суток при лагере в распоряжении выделенного «офицера». Все это снова записывал генерал Ферч.

Около 23 часов мы собрались в приемной и доложили о проверке охраны лагеря, завершении дня. Все произошло так, как было задумано и спланировано руководством нашей комиссии.

С утра 12 мая продолжался опрос бывших начальников отделов и управлений штаба. Мы с председателем комиссии беседовали с полковником Рихтером, обсуждали вопросы оперативно-тактического характера, особенно интересовали мартовские бои.

В составе штаба группы армий «Курляндия» были офицеры, хорошо подготовленные, убежденные в особой миссии нацистской Германии — любыми средствами сокрушить русских, ликвидировать их строй. Правда, после разгрома на Курской дуге и преодоления Красной Армией так называемого «Днепровского вала» настроение в штабах Вермахта менялось, выветривалась идея его непогрешимости. Примером явилась попытка командования группы армий «Север» действовать во время Белорусской операции вопреки распоряжениям Гитлера. В конце июля 1944 года говорили о покушении на Гитлера и о «новом правительстве Германии». Ощущение приближавшегося поражения и краха фашистской Германии прорывалось в разговорах штабных офицеров. Это не скрывал и начальник группы управления полковник Рихтер.

Во время нашей беседы он сказал, что за время работы с комиссией советского командования не встретил обычных «...отношений начальников и подчиненных среди русских офицеров». По его наблюдению, подчиненные, то есть мы, члены комиссии, не обнаруживали робости и заискивания. Каждый делал свое дело с достоинством, а вместе — действовали как единое целое. Затем он добавил: трудно было заметить, чтобы председатель приказывал, выражал броско удовлетворенность или неудовольствие. Обращение друг к другу по имени-отчеству, а не по званию, также привлекло его внимание. Надо полагать, все это никак не укладывалось в рамки той набившей оскомину пропаганды Геббельса, будто бы в Красной Армии отношения построены на страхе и особом чинопочитании.

Около часу ночи 13 мая проходила наша последняя встреча с Рихтером. Запись его показаний заканчивалась. Мы не случайно вели допрос в форме беседы. Предлагали

вопросы и сами спокойно отвечали на них, но не отходили от главного: максимум интересовавшей нас информации о работе штаба, отдельных операциях (вплоть до вопросов взаимодействия родов войск). И вместе с тем, нас интересовала военная психология.

По характеру моих вопросов он понял, что нам хотелось бы услышать и критические замечания. Весьма корректно Рихтер высказал некоторые соображения, хотя тут же заметил, что ни в какой форме не смеет критиковать действия советского командования и сообщает лишь свои личные впечатления, сложившиеся в результате повседневного изучения действий войск в Курляндии.

После того, как все интересующие нас вопросы были прояснены, основные сведения зафиксированы, продолжалась беседа о причинах полного и позорного краха фашистского государства и его чудовищной военной машины. Рихтер, как нам показалось, пытался уяснить еще под Ленинградом в начале 1944 года то, что «они не учли, не поняли вовремя». Уходя, он, уже стоя, заявил, что Гитлер и его советники по партии не знали психологии противника и поэтому не могли выиграть войну, были заранее обречены на гибель. «Ваши генералы и офицеры, ваши штабы на самом деле оказались на таком уровне, который ставил нас не только в затруднительные положения при планировании и организации управления боями, но и вызывал внутреннюю растерянность и тревогу. Про себя я почувствовал неотвратимость поражения задолго до 8 мая. Но инерция военной машины неудержимо несла нас в бездну...» Последнее его обращение к нам было вопросом: «Будет ли мне в плену дана возможность написать о причинах и обстоятельствах столь позорной гибели третьего Рейха?» Рихтеру ответили: «Этот вопрос не в нашей компетенции, вопрос будущего, теперь же надо выполнить до конца наши условия — полная ликвидация группы «Курляндия». Еще раз напомнили ему, что мы ждем за его подписью схему главного штаба группы армий «Курляндия»¹.

Во время дежурства в ночь на 12 мая меня вызвали в машину связи. Оказалось, майор Гильгулин, дежурный из Оперативного управления штаба фронта, выполнял поручение генерала Гвоздкова. Сохранилась лента нашего короткого разговора: «У аппарата помощник Малинского Ионенко». — «У аппарата Гильгулин. Здравствуйте, това-

---

¹ Эта схема была представлена в комиссию рано утром 13 мая за собственноручной подписью Рихтера.

рищ Ионенко, завтра, то есть 12 мая, в 11 часов у вас будет товарищ Попов. Ему надлежит организовать встречу на площадке и быть готовым к докладу о своей работе. У меня все. Все ли понятно?» — «Все ясно, встречу организуем, к докладу подготовимся. Если у вас все, спокойной ночи». — «У меня все». — «У меня также все, до свидания». Наша ночная беседа с Рихтером была необходима для устного доклада Малинского генерал-полковнику М. М. Попову.

Маркиан Михайлович прибыл вовремя. Вскоре уже в помещении комиссии он знакомился с предварительными сведениями о проделанной работе. Затем бегло осмотрел помещение, в котором разместились пленные, Узел связи и автопарк. К тому времени были вызваны председатели комиссий по ликвидации штабов 16-й и 18-й армий и штаба военно-воздушных сил. Все собрались в приемной.

Генерал Попов выслушал информацию председателей комиссий. О ликвидации штаба 18-й армии докладывал майор Шеховцев. После небольшого перерыва начальник штаба фронта распорядился: «Окончательную ликвидацию лагеря осуществить в сжатые сроки до 15 мая. Порядок ликвидации: генералов и старших офицеров на автомашинах с личными вещами и денщиками отправить в местечко Тиркшляй не позднее 13 мая. Весь остальной офицерский состав — в офицерский лагерь военнопленных местечка Слока. Рядовой состав следует пешим порядком в лагерь Вайньодэ. Оставить шоферов и необходимое количество специалистов для транспортировки и освоения техники, все машины и личный состав направить в Мажейкяй. Все хозяйство, в том числе имущество политпросвета, сосредоточить в комиссии под руководством Седлецкого и Недюхи, с последующей доставкой в штаб фронта г. Мажейкяй; собранные документы направить в разведотдел для изучения и определения их важности»¹.

Выполнение этого распоряжения определило содержание работы комиссии в последующие дни — 12 и 13 мая.

За обедом, проходившим в связи с приездом нашего начальника штаба с опозданием, завязался оживленный разговор. Двум членам комиссии тут же предложили выехать в штаб 18-й армии и в город Кулдигу — ознакомиться, как идет процесс ликвидации. В хорошем настроении мы наскоро завершили обед и поспешили в приемную, где М. М. Попов пожелал встретиться с генералом Ферчем. Дневник записи работы комиссии требовал и моего присутствия.

---

¹ Дневниковая запись работы комиссии.

Ферч явился со своим переводчиком. Как обычно, он приветствовал победителей легким наклоном головы, нервно прижимая к животу генеральскую фуражку обеими руками. Генерал Попов занимал кресло председателя. Он принял Ферча сидя, указав на стул, поставленный сбоку за углом стола. Ферч опустился на стул и, сжав колени, положил на них фуражку, которую не выпускал из рук. Нас удивила его поза и какая-то истуканская сосредоточенность.

На замечание Попова о том, что еще Бисмарк предостерегал Германию от войны на два фронта, он никак не реагировал. Беседа не получилась. Разговорчивый до этой встречи генерал теперь упорно молчал. Ситуация складывалась неприятная, и Ферчу дали понять, что аудиенция окончена.

Вскоре генерал Попов оставил приемную, пожелав Малинскому успеха в завершении работы.

Оставшись один, Давид Львович снова пригласил Ферча и старших офицеров и известил их об отправке из замка в местечко Тиркшляй в первой половине дня 13 мая. Обращаясь к Ферчу, сказал, что ему разрешается взять свою машину, личные вещи, адъютанта и переводчика. Для сопровождения генералов и старших офицеров выделяется член комиссии капитан Муталов, офицеры отправляются автобусами, их сопровождает майор Йоселев. Начальником охраны рядового состава назначается майор Саркисьян.

К вечеру на двух «вилисах» мы выехали к майору Шеховцеву в замок Кацданга. Добравшись в Айзпутэ, ошиблись дорогой и «проскочили» до станции Калвене, что на железной дороге Скѣрунда — Либава. На этой глухой, скрытой в лесу станции встретились две девушки. Они ждали попутную машину, чтобы доехать до Великих Лук. Одной из них было 17 лет, на лице уже морщинки, следы пережитого и неупорядоченной жизни. Вторая — ее родная сестра 22 лет, как показалось, она ни в чем не перечила немцам. Обе числились за немецким госпиталем и теперь, брошенные и никому не нужные, надеялись на русских офицеров. Они были сыты, ухожены, а старшая производила впечатление особы хитрой и нахальной. А мы думали, что они будут рассказывать, как их унижали и мучили немцы. Иная встреча произошла в Айзпутэ. По дороге, уставшие и изможденные, тянулись женщины с детьми. Одежда грязная, оборванная. Сомнений не оставалось: эти несчастные находились на положении рабов.

На пути из Калвене обогнали колонну военнопленных, бывших «власовцев». Шли вразброд на несколько километ-

ров. Все одеты в грязные рваные шинели и такие же гимнастерки. Многие без головных уборов, еле передвигали ноги.

Наш шофер, притормозив на повороте, выскочил из машины и, подбежав к колонне, ударил кулаком одного в немецкой шинели. Тот упал, но никто не отреагировал, а шофер быстро отъехал от поворота. На мой вопрос, почему он это сделал и так необдуманно рисковал, шофер ответил, что его семью истязали и расстреляли «вот такие подонки полицаи». Не знаю, может, и не надо было разъяснять ему, что такой поступок, мягко говоря, неуместен.

Было еще совсем светло, когда мы прибыли в замок Кацданга. В тишине слышались соловьиные трели. В условиях даже мирного, хотя и напряженного времени, это выглядело необычно. Замок занимал генерал Бёге, бывший командующий 18-й армией. Штаб этой армии размещался в имении барона Монтойфеля. После Октябрьской революции здесь была латышская сельскохозяйственная школа. В имении два замка (один в три этажа), средневековой планировки парки и газоны, мостики и сходы к пруду, мельница и много хозяйственных построек.

Спустя много лет бывший председатель комиссии генерал Н. И. Шеховцев сообщил мне некоторые детали ликвидации штаба 18-й армии. Утром 10 мая комиссию встретил у замка Кацданга генерал Мерк. После обмена приветствиями он обратился к председателю: «Господин майор, стол накрыт, прошу к завтраку». В большой комнате ожидала группа офицеров штаба. Никто не садился за стол, пока майор Шеховцев не сказал — «Садитесь!» Когда все уселось, он заявил, что комиссия штаба Ленинградского фронта прибыла по распоряжению маршала Говорова. Генералы и офицеры мгновенно встали и в положении «смирно» выслушали указания председателя полномочной комиссии.

После завтрака Мерк собрал свой штаб и дрогнувшим голосом сказал: «Слушайте мой последний приказ». Речь шла о лояльном выполнении указаний и распоряжений комиссии советского командования. В эти минуты внимание к себе привлек начальник артиллерии Мюллер. Он плакал и не мог скрыть чувства страха и позора.

По рассказу военного переводчика нашей комиссии, лейтенанта Э. М. Ахунзянова, сам начштаба генерал Мерк во время обращения к своим офицерам тоже «пустил слезу», нервно, невпопад поворачивался то вправо, то влево, опускал и встряхивал голову с моноклем в левом глазу. Эта

сцена впечатляюще выражала агонию «мозгового центра» одной из наиболее страшных своими зверствами армий фашистской Германии.

Уже к вечеру 10 мая стало ясно: оперативные документы, дневники боевых действий армии заранее уничтожены либо отправлены в Германию. Но начальник штаба передал схему минирования в полосе армии и карту дислокации.

Получив некоторую дополнительную информацию по соблюдению условий капитуляции, а также несколько штабных документов и две учебные карты боевых действий 18-й армии во Франции в мае — июне 1940 года, мы поблагодарили своих коллег и направились в Кулдигу.

На обратном пути проехали центром Айзпутэ. Старинный, тесный, пыльный городок. На улицах встречались и прогуливающиеся жители, реже — военные. Молодые женщины уже успели привыкнуть к тому, что война окончилась. Широкоплечий с двумя орденами Славы и пятью медалями старшина вел под руки двух довольных, улыбающихся девиц.

По шоссе на Кулдигу машина мчалась со скоростью 40 миль в час. Ласковый легкий весенний ветер врывается ураганом в салон и нещадно трепал волосы. Запомнилась короткая остановка в лесу. Как в саду замка генерала Бёге, вокруг пели соловьи. Им ни до чего не было дела — весна!

В Кулдигу мы въехали около 10 часов вечера. Древний город, типичный для Курземе. Многие улицы, переулки и закоулки — узкие и кривые, мощенные булыжником. Дома лишь на центральной улице напоминают город двадцатого столетия. Обширная базарная площадь. В городе много военных офицеров и солдат. На перекрестках обратили на себя внимание девушки-регулирующие: работали четко и красиво. Население с наступлением сумерек попряталось в свои мрачные дома и лишь девушки и молодые женщины вызывая «сновали» по главной улице, около бывшего офицерского «казино». Вспомнилось, как Рихтер на вопрос, почему в вашем штабе не видно женщин, ответил: в Кулдиге, в 6 километрах от Пелчи, достаточно молодых красавиц, а иметь женщин в штабе считали нецелесообразным.

Повидав майора, представлявшего наши подразделения в Кульдиге, мы вернулись в Пелчи. Никаких отклонений от порядка приема и разоружения частей противника не заметили, о чем сразу доложили председателю комиссии. Хотелось отдохнуть, но около полуночи Малинский получил по телефону приказание генерала Гвоздкова: «Установить...

местонахождение 13 генералов». Шли их фамилии и занимаемые должности.

Пришлось потревожить Ферча, предложив ему немедленно явиться в приемную нашей комиссии. Познакомившись с перечнем фамилий 13 генералов, он обмолвился со своим переводчиком и начал давать справки, не придерживаясь списка. Я записал его показания, насчитав не тринадцать, а четырнадцать человек:

«Главный врач, генерал медицинской службы доктор Вагнер убыл на территорию Рейха на пароходе еще 30 апреля для переговоров о снабжении раненых при группе «Висла». Где-то западнее Штетина потерпел автомобильную аварию.

Командир пехотной дивизии «Курляндия» Пфюгбайль, вместе с большей частью своей дивизии, 8 мая убыл на пароходе в Германию.

Комендант Либавской крепости генерал-лейтенант барон Дигион фон Монтетон до 8 мая находился на месте. Дальнейшая судьба его не известна.

Генерал-лейтенант фон Коляни, по данным на 11 мая, в Кроксете. Ему было предложено прибыть в замок Пелчи.

Генерал-лейтенант Фишер, командир армейского тылового района 584, находится в Курляндии. О нем должен знать начальник штаба 16-й армии генерал-майор Герсдорф.

Командир 6-го добровольческого корпуса «СС», обергруппенфюрер и генерал войск «СС» Крюгер, вероятно, покончил жизнь самоубийством.

Командир 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Феуерабент убыл с большей частью дивизии на пароходе в Германию. Целесообразно уточнить у начальника штаба 18-й армии генерала Мерка.

Командир 19-й латышской пехотной дивизии «СС», генерал-лейтенант войск «СС» Штрекенбах, где находится — неизвестно. До 8 мая находился в районе 12 километра севернее Салдус. Целесообразно уточнить у начальника штаба 16-й армии.

Командир 218-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ранке 8 мая был в дивизии. Знают его как убежденного солдата, который предпочтет смерть позору плена.

Командующий авиацией генерал авиации Флюгбайль до 9 мая находился юго-восточнее Виндава, в районе Пильтене.

Командир 6-й зенитной дивизии генерал-лейтенант Антон до 9 мая был на своем КП в районе Айзпута.

Главный начальник связи авиации воздушного флота

генерал-лейтенант Затлер должен быть вместе с Флюгбайлем.

Морской комендант Латвии контрадмирал Арсвольд, очевидно, убыл с флотом 8 мая в Германию.

Уполномоченный по Курляндии войск «СС» бригаденфюрер Меллер до 8 мая находился в Либаве. Надо полагать, убыл на пароходе».

Генералу Ферчу задали ряд вопросов дополнительно, прежде всего спросили: «Убывали ли названные им генералы через Швецию?» Давая отрицательные ответы, он неоднократно подчеркивал, что все морские средства следовали в Киль и Любек¹.

Ответы генерала Ферча позволяли сделать некоторые уточнения и выводы. Во-первых, первыми «спасали свои шкуры» наиболее одиозные военные преступники — генералы «СС», так как понимали: прежде всего на них обрушится неотвратимое возмездие за жизни сотен, тысяч советских людей, за Ленинград, Новгород, за святыню русского народа Пушкинские горы, за бесчисленные казни и старых и малых в северо-западных областях России, в Белоруссии и Прибалтике.

Во-вторых, прорывавшиеся из Курляндии транспорты принимались в портах Германии, которые блокировались английскими военными властями. Можно представить наше отношение к этому факту. В этом, на первый взгляд частном эпизоде, проглядывала истинная позиция влиятельной группы в правительстве Англии, которая вскоре после войны получила свое развитие в стратегии холодной войны и атомного шантажа. Уже тогда, после беседы с генералом Ферчем, мы выражали недоумение и возмущение по этому поводу.

Наконец, члены комиссии были удовлетворены тем, что из 48 генералов только не было точных сведений о местонахождении тринадцати. Кстати, во время «прочесывания» нашими войсками 15—17 мая лесов Курляндии был пойман командир 19-й латышской пехотной дивизии генерал-лейтенант «СС» Штрекенбах. Рассказывали, что его обнаружили на одном из хуторов в погребке среди бидонов для молока, в одеянии старухи.

В воскресенье 13 мая сразу после завтрака состоялось короткое совещание членов комиссии, затем Д. Л. Малинский предложил мне поехать с ним к замку Пелчи для про-

---

¹ Запись ответов была передана по телефону начальнику Оперативного управления штаба фронта около двух часов ночи 13 мая 1945 года.

водов в места размещения в качестве военнопленных генералов и офицеров.

Сзади замка вдоль дороги стояли автомобили разной окраски, автобусы, около них собрались генералы, их адъютанты, денщики и шоферы. Малинский еще раз проверил готовность к отправке и в 10 часов 15 минут разрешил отъезд. Генерал Ферч подошел и простился с ним. Его машина первой медленно тронулась с места и повернула на шоссе Кулдига — Скрунда. Все генералы, сохраняя спокойствие, откланялись. Начальник артиллерии, старый генерал в обмотках ласкал белого пуделя, когда его машине предстояло двигаться, чтобы не задержать другие, он обратился ко мне: «Господин капитан, не позволят ли мне взять эту собачку с собой?» Получив положительный ответ, он поклонился и с трудом, с помощью денщика, влез в машину. У него был жалкий вид больного старого человека, опустошенного позором плена. Кто бы мог подумать, что это он со своим штабом планировал артиллерийские огни, оперативно перемещал огневые позиции, доставляя нашим артиллерийским начальникам немало хлопот. Скорее всего в наших штабах его представляли сильным, энергичным войкой.

В полдень мы собрались в нашей приемной. Мне поручили подготовить донесение генералу Гвоздкову о полном завершении ликвидации главного штаба немецких войск в Курляндии. Вскоре я держал такой документ в руках. «Гомак, генерал-лейтенанту Гвоздкову: 1. С 10-00 13.5.45 г. штаб Курляндской группы ликвидирован. Генеральский, офицерский и рядовой состав в количестве: генералов — 4, офицеров — 63, рядовых — 812 чел. направлен соответственно личным указаниям генерал-полковника Попова, полученным 12 мая 45 года. Здесь остались шоферы и специалисты мотопарка — 234 человека».

Не представлялось возможным выслать уточненную схему «положения группировки». Не было документов, точно определяющих ее боевой и численный состав, наличие материальной части, артиллерии по калибрам и системам, танков и автомашин. Документы, которыми располагала комиссия, были отправлены в Оперативное управление еще вечером 10 мая. На месте оставались лишь документы по учету, продвижению по службе и награждению офицерского состава и другие, не представляющие тогда практического интереса материалы. Портфель с ними мне было приказано захватить в Мажейкяй.

Подполковник Малинский считал, что его дальнейшее

пребывание в Пелчи не имеет смысла, тем более, что почти всех членов комиссии либо вызвали с документами и обобщенной информацией о выполненной работе непосредственные начальники, либо они сопровождали военнопленных. Поблагодарив за работу в комиссии, он очень тепло пожелал мне «хорошей дороги».

Через несколько минут с шофером немцем и нашим ординарцем из автоматчиков мы покинули усадьбу замка Пелчи. Остановились на короткое время в лагере Кроксета. Сюда на отдых отводились дивизии (фронтового резерва), пополнялись, обшивались, обмывались. Лагерь оборудован примитивно, потому, видимо, оставлен и немцами, и нашей охраной. Повстречали лишь трех молодых женщин (две из них из Павловска, что под Ленинградом, и одна из Риги), которые работали при лагере. Они показали нам помещение складов, разгромленных неизвестно кем, передали радиоприемники, две пишущие машинки и рассказали, как окрестные крестьяне возами увозили различное имущество: старую обувь и обмундирование, концентраты и др. Худые и измученные, в тревоге, женщины говорили о Родине, спрашивали, когда им позволят уехать в Павловск?

Мчимся по шоссе Скрунда — Кулдига. У встречных ни капли удивления на лице, когда они замечают, что в шикар- ной машине с шофером немцем разъезжают русские офицеры. Теперь эти машины ни для кого не опасны.

Сразу же по возвращении в свой штаб я написал в Казань пространное письмо, в котором поделился с женой, что выполнял исключительно интересную работу. Что был в числе представителей советского командования по приему и ликвидации штаба фронта Германской армии в Курляндии. Что счастлив, что в конце войны имел такое поручение, смог увидеть за работой крупнейший немецкий штаб и его руководителей. Что побывал в глубине полуострова. Города древние, скученные, мрачные. По дорогам в назначенные места сборов и лагеря для военнопленных движутся колонны немцев. Что получил интересный материал для будущей работы над воспоминаниями о войне.

Во второй половине дня в отдел ненадолго зашел Малинский. Познакомившись с предварительным вариантом итогового документа о работе комиссии, он внес некоторые существенные дополнения. Об оснащенности Главного, или Генерального, штаба бывшей группы армий «Север» можно судить хотя бы по таким сведениям: «Был сохранен и перемещен в Мажейкяй крупный, с новейшей техникой, узел связи и 43 специальные машины связи, 16

картографических машин, кинопередвижка, 98 легковых и грузовых автомашин, склад оружия — до дивизиона зенитной артиллерии, оружие охраны и личного состава штаба, значительное количество штабного специального, хозяйственного и культурно-просветительного оборудования.

16—17 мая войска фронта проводили «прочесывание» лесов по всему полуострову и взяли в плен около 50 тысяч человек».

Одновременно со «Справкой...» я подготавливал для генерала Гвоздкова документ под названием: «Данные, полученные в беседе с начальником группы Управления штаба Курляндской группы армии полковником Рихтером 11 мая 1945 года». Он состоял из разделов: I. Организация Управления; II. Вопросы оперативно-тактического использования войск и организации обороны (на примерах боев в марте и апреле 1945 г.); III. Некоторые замечания по действиям войск Красной Армии.

Продолжали поступать сведения от возвращавшихся офицеров штаба, принимавших участие в организации перевода немецких войск на положение пленных. Некоторые факты носили явно анекдотический характер. Пытаясь избежать плена, боевые офицеры фашистской армии переодевались в женское платье или одежду местных жителей и усердно трудились на огороде или в саду.

18 мая «Справка...» о работе нашей комиссии была готова. После перечисления того, что было взято на учет и доставлено в Мажейкяй 15 мая, в ней подводились общие итоги и давалась оценка отношения к выполнению приказа маршала Л. А. Говорова: «Комиссия с возложенными задачами справилась, провела работу энергично и организованно. Все члены корректно и с сознанием полной ответственности за порученное дело выполнили свои обязанности».

«Справка» наиболее полно раскрывала последовательность, характер и результаты работы комиссии с утра 10 по 15 мая. Подготовить такой документ за короткое время стало возможным потому, что в моем дневнике-протоколе содержались исчерпывающие и точные данные за каждый день работы.

Незаметно пришла пора бурного цветения. Природа, что называется, пробудилась: деревья оделись листвой, буйно зазеленели травы, цвели сады, пестрели цветами луга. Наступила новая пора восстановления и созидания во имя жизни. Маленький израненный городок, такой серый и

жалкий месяц назад, теперь ожил, принарядился. По вечерам, лишь по привычке, еще кое-где маскируется свет. Но жизнь заметно возрождается и день ото дня становится радостнее.

В последней декаде мая нашему отделу поручили подготовить проект итогового доклада для Ставки Верховного главнокомандования. Помню, с каким волнением писал я этот исторический документ. Высокое доверие, оказанное мне, до предела обостряло чувство ответственности. Товарищи по работе говорили: «Повезло тебе. Сам маршал будет смотреть и править». Конечно, мне не было известно о том, какие поправки и дополнения были внесены руководством штаба: отправленный в Москву документ я больше не видел.

Работа над проектом доклада заняла несколько дней. Приходилось обращаться в отделы и штабы Управлений родов войск за уточнениями. Существенную помощь мне оказали подполковник Малинский и майор Шеховцев, которые высказывали свои замечания, пожелания по содержанию и стилю.

В проекте доклада отмечалось: Курляндская группа армий перестала существовать к 12 мая. Эта серьезная по составу, оснащению, способности к сопротивлению сила разоружена и пленена нашими войсками. До последнего часа, накануне всеобщей, полной капитуляции третьего Рейха, в Курляндии предпринималось все необходимое для серьезного оборонительного сражения. Даже 8 мая генерал пехоты Гильперт подписывал приказы о награждении солдат и офицеров передовой линии рыцарскими крестами. Он также отдал приказ держать — вплоть до последнего солдата — позицию Кандава — Салдус. Далее отмечалось, что со стороны Балтийского флота Либавский порт серьезной блокаде не подвергался и потому снабжение и переброска живой силы немцев шли регулярно из портов Любек и Киль. Лишь весной 1945 года командование группы «Курляндия» вынуждено было лимитировать расход боеприпасов, частично снять с вооружения автоматическое оружие, сократить нормы продовольствия и вводить некоторые другие меры. Мы ссылались на фронтовые сводки обобщенного боевого опыта 2-го Прибалтийского фронта за февраль, март и апрель, на Журнал боевых действий, чтобы подчеркнуть, какое большое внимание уделялось в штабах изучению и учету физико-географических условий театра военных действий и оперативно-тактическому «арсеналу» в организации обороны противника. Основной вывод по оценке про-

тивника сводился к тому, что до самого последнего времени наши враги в Курляндии сохраняли способность к длительной обороне.

С чувством гордости говорилось в проекте о героизме советских воинов, на протяжении полугода они взламывали глубоко эшелонированную оборону немцев, лишая их важных узлов сопротивления и коммуникаций. При этом наиболее ожесточенные сражения в Курляндии, с проявлением массового героизма, проходили в период, когда на территории фашистской Германии и ее союзников начали активные действия основные силы Красной Армии.

Верховное командование третьего Рейха не могло за счет переброски войск из Курляндии усилить Штетинское и Берлинское направление.

В нашем варианте доклада отмечалась огромная заслуга войск фронта в восстановлении потерь, максимальная мобилизация внутрифронтовых ресурсов, непрерывная боевая и политическая подготовка. Обращалось внимание на огромные трудности ведения боевых действий в условиях осенней и весенней распутицы, бездорожье, частое выпадение осадков, а в короткую зиму — резкую смену температур. Все это изматывало силы, но не могло сломить мужества и воли к победе.

Случались просчеты в подготовке и проведении боевых действий. Главным образом они были связаны с недостаточными знанием и учетом особенностей тактики и организации обороны противника в Курляндии. В то же время войска приобрели богатый опыт боев в лесисто-болотистой местности, при форсировании рек, организации взаимодействия родов войск и т. д.

В дни капитуляции и ликвидации группы войск «Курляндия» немецкое командование в основном лояльно выполняло условия капитуляции. Наши комиссии с поставленной задачей справились успешно.

Наконец, приводились данные о количестве военнопленных и трофеях. С момента капитуляции и до 31 мая войска фронта пленили 284 171 человек, в том числе: генералов — 48, офицеров — 9 529, солдат и унтер-офицеров — 267 101, прочих — «власовцев» и других предателей — 7 493 человека.

Было учтено, собрано и взято под охрану: самолетов — 163, танков и самоходных установок — 478, орудий — 2 450, минометов — 931, пулеметов — 6 782, винтовок и автоматов — 144 418, автомашин — 18 221, тракторов и тягачей — 675, бронетранспортеров — 263, мотоциклов — 496, радиостанций — 1 080, повозок — 7 039, лошадей — 36 464, паров-

возов — 88, вагонов — 5 077, бронепоездов — 2. Эти данные считались тогда достаточно полными и точными.

Надо сказать, что разведывательное Управление штаба фронта, начальником которого являлся генерал-лейтенант Евстигнеев, по общему признанию в штабе, хорошо справлялось со своими задачами, и оперативники неплохо знали о технической оснащенности Курляндской группы армий. Но итоговые данные для доклада в Ставку поражали при их совокупности и целостном восприятии, особенно когда называлась протяженность фронта, превосходные средства связи и почти неограниченные возможности для маневрирования в глубине полуострова частей и соединений противника.

В ОЖИДАНИИ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

Вместо заключения

В начале июня нас обрадовало известие о вручении маршалу Леониду Александровичу Говорову высочайшей награды — ордена «Победы». С его именем связывалось спасение Ленинграда, а для нас — завершение войны. У всех остались в памяти его поздравление и благодарность личному составу штаба в великий день Победы 9 мая 1945 года.

К тому времени наш отдел завершил работу, связанную с анализом боев, организацией всего комплекса мероприятий по ликвидации группы армий «Курляндия». Офицеры жили ожиданием новых назначений и отпусков, раздумьем о будущем.

Не помню, какое новое назначение получил подполковник Малинский. Но остаются в памяти очень трогательные минуты расставания. Мы дважды сфотографировались на память¹. Он подарил мне специальную папку участника совещания. На ней крупно, золотом тиснено — «Второе совещание по вопросам изучения опыта войны при Генеральном штабе Красной Армии».

Прошло четверть века, прежде чем состоялась наша встреча. Как-то весной 1971 года с генералом Н. И. Шеховцевым в Москве мы вспомнили «дела давно минувших дней». Вдруг он с теплым чувством заговорил о полковнике Малинском, который, оказывается, проживал тогда в Люблино на Спортивной улице. Вечером я позвонил нашему

---

¹ Одна из фотографий передана в 1965 г. в экспозицию Государственного музея ТАССР. На ней: подполковник Малинский, майор Шеховцев, капитаны Ионенко и Гончаров.

бывшему начальнику. Состоялся незабываемый, хотя и короткий разговор. Однако в тот раз встретиться не удалось. Но вскоре в Казань пришло от Д. Л. Малинского письмо, сыгравшее свою роль в укреплении моего намерения написать эту очерковую военно-историческую и мемуарного характера книгу воспоминаний. В письме он поздравлял меня с днем 1 Мая и 26-й годовщиной Победы и кратко, но чрезвычайно впечатляюще напомнил о совместной работе в особых и редчайших обстоятельствах. «Я всегда вспоминаю,— писал полковник,— первые дни Победы, когда вместе с Вами, выполняя приказ командования объединенного Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов, наша оперативная группа с небольшой горсткой автоматчиков пересекла демаркационную линию, прибыла в штаб группы войск «Север», где мы проделали все необходимое, что было связано с ликвидацией этой мощной группировки немцев... Дорогой Иван Михайлович, я никогда не забуду Вашей дружеской помощи — и советом и делом — при выполнении этого сложного и ответственного боевого задания. Дело это далекого прошлого, но скажу без прикрас — держались Вы мужественно, действовали смело и энергично. Наша совместная служба оставила у меня самые добрые воспоминания...».

Может, неудобно комментировать, но нельзя не отметить, что в этом первом письме ко мне, спустя более четверти века, необычно и искренне проявился стиль бывшего начальника отдела по изучению опыта войны штаба фронта и председателя комиссии по ликвидации Курляндской группы. Он словно напомнил: успех дела в конечном счете решает личный, моральный авторитет начальника, который не мыслим без уважения человеческого достоинства подчиненного.

* * *

Итак, штаб Курляндского направления Ленинградского фронта выполнил задачу и возвращался в Ленинград. Стоял жаркий июль 1945 года. В Риге формировался Прибалтийский военный округ под командованием маршала И. Х. Баграмяна. Офицеры бывшего штаба 2-го Прибалтийского фронта получали, как правило, либо новые назначения в Прибалтике, либо направлялись в 42-й офицерский запасный полк. В подразделениях этого полка оказались многие специалисты народного хозяйства, подлежащие первоочередной демобилизации. Нас использовали для отправки де-

мобилизуемых солдат старших возрастов в районе города Елгавы (Митава). Пришлось более месяца заниматься этим приятным, но нелегким делом.

Жили на берегу речушки, у опушки леса, на даче служащего банка из Митава. Очень красивый, первозданный уголок, который на фоне разрушений Митава и Риги казался раем. Тут с семьей хозяина мы прожили около месяца.

В километре отсюда формировались подразделения демобилизованных, шла подготовка к отправлению в Россию, как тогда говорили, велась погрузка их в эшелоны. Самым острым и щекотливым был вопрос проверки солдатского багажа. По указанию соответствующих лиц, мешки и сумки проверялись во время построения на отправку.

Однажды, когда мы осматривали содержимое в мешках, совершенно неожиданно прозвучала команда: «Смирно, равнение налево!» Оказалось, что со стороны вокзала незаметно подошел генерал-лейтенант, член Военного Совета М. В. Рудаков в сопровождении двух офицеров. Наш подполковник в тревоге подал команду, а генерал сделал несколько шагов и поздоровался с героями последних боев в Прибалтике. Ответ был на редкость дружным и звучным.

«Что здесь происходит?» — спросил член Военного Совета. Но и так было видно: у каждого демобилизуемого проверяли его вещи. Бодро и излишне громко ответил наш начальник. Ни он, ни все мы, офицеры и солдаты, не думали, что поступаем неправильно. Генерал Рудаков с металлом в голосе заметил: «Кто разрешил вам осматривать личные вещи героев-победителей, которые спасли Родину, сокрушив ненавистного врага?». Наступила пауза. Затем мы услышали голос нашего начальника: «Виноват, товарищ генерал». Член Военного Совета, окинув взглядом строй, замерший в положении «смирно», сказал: «Отставить!» Обращаясь к солдатам, попросил принять наши извинения за допущенную несуразность, пожелал хорошей дороги домой и, не откладывая, браться за восстановление хозяйства. Потом он горячо поблагодарил за героический ратный труд, попрощался и направился к станции.

Солдаты складывали вещи в мешки, аккуратно их завязывали и торопились в строй, чтобы шагать к вагонам. В двух метрах от меня пожилой седоусый солдат плакал. И сейчас, я вижу его с тряпичей в руках, которой он закрывал лицо и утирал слезы. Думаю, что ни один из свидетелей этого факта не остался равнодушным. Генерал Рудаков в чем-то был прав, но его правда по тому времени казалась преждевременной. Поэтому наша реакция на случившееся

была неоднозначной. Один так и сказал: по отношению к нам, перед строем, генерал поступил неправильно, ведь мы выполняли приказ...

Спустя много лет в Измайловском парке в Москве, на встрече ветеранов 4-й Ударной армии, мы беседовали с Михаилом Васильевичем Рудаковым. На мой вопрос, как подать этот неординарный случай в моих «Записках...», он с полной определенностью сказал: «Пишите как было». Аналогичный вопрос я задал генералу армии Курасову. И получил ответ: «Народу о минувшей войне необходима только правда. Вспомните, как в штабе 4-й Ударной от вас требовали вносить в Журнал боевых действий все, что происходило на фронте».

В начале сентября 1945 года стало известно о приказе маршала И. Х. Баграмяна от 31 августа, в котором в числе демобилизуемых офицеров-специалистов народного хозяйства значилась и моя фамилия. Со своим ординарцем Иваном Ивановичем Смирновым мы выехали в Ригу для оформления документов и возвращения к месту довоенной службы.

В Риге мне предложили остаться на работе в университете или в учительском институте в городе Даугавпилс. Речь шла о преподавании истории СССР на русском языке. Предлагалась хорошая квартира, недалеко от штаба Военного округа на улице Дерibasа. Однако тянуло в Казань, в родной город, к близким людям. Так что выбора вроде и не было. Во всяком случае, я не раздумывал. Вскоре мы уже грузились в поезд Рига — Москва. Едва тронулись, охватило стремление скорее в Наркомпрос за направлением на работу, в Москву. Будто и никаких других забот до этого и не было. Конечно, решающее влияние на выбор работы оказала информация в штабе округа о том, что ЦК ВКП(б) рекомендует демобилизованным специалистам возвращаться к месту прежней службы.

В связи с известием о разгроме и полной капитуляции милитаристской Японии настроение было особенно хорошее. Вторая мировая война завершилась.

Причастность к великому всенародному подвигу определяла нашу готовность к созидательному творческому труду.

* * *

Самым характерным для участников войны является обостренное чувство долга перед отдавшими жизнь за Родину. Оно появилось и стало высочайшей нравственной нор-

мой с первых дней Великой Отечественной. И в период моей работы начальником 4-го отделения штаба 334-й дивизии в 1942 году политотдел постоянно проявлял заботу о захоронении павших героев. Фронтовые газеты все чаще призывали хранить память о павших за честь и свободу нашей Отчизны. Так, за день до начала решающей Белорусской операции 23 июня 1944 года в газете 1-го Прибалтийского фронта «Вперед на врага» было напечатано обращение полковника Боброва. В нем говорилось: «Каждая рота, каждый полк должны хранить память о погибших воинах, которые как бы вечно живут в своей части. На рассказах об их подвигах воспитываются молодые бойцы, которые находят в них вдохновение для новых подвигов».

В конце января 1945 года войска 4-й Ударной освободили Клайпеду (Мемель). В память о героизме бойцов и командиров, о павших героях уже в начале апреля, когда армия находилась на Курляндском полуострове, Военный Совет принял постановление — соорудить памятник в Клайпедо по эскизу ефрейтора Поздеева. Памятник был открыт в торжественной обстановке 27 мая 1945 года. Командующий армией генерал-лейтенант Петр Федорович Малышев принимал последний сводный парад войск прославленной армии.

После ликвидации Курляндской группы армий фашистской Германии и «прочесывания» лесов полуострова во второй половине мая появилось «Обращение Военного Совета Ленинградского фронта». Этот исторический документ подписан командующим маршалом Л. А. Говоровым и членом Военного Совета генералом В. Н. Богаткиным. Говоря о мирном социалистическом строительстве, в нем выражалась уверенность, что среди будничных дел советские люди не забудут погибших героев: «Курляндские поля — яркое свидетельство ожесточенных боев... Воины, жизнь свою положившие на полях Курляндии, достойны вечной славы и долгой памяти народной»¹.

Военный Совет фронта считал первейшим долгом увенчать достойными памятниками могилы павших героев. Предлагалось войскам фронта «...воскресенья 10, 17, 24 июня сделать всеобщим воскресником по приведению в порядок и увековечению кладбищ и могил воинов, павших в боях за освобождение Советской Прибалтики». Военный Совет фронта предлагал Военным Советам армий, командирам соединений, частей и подразделений «продумать

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 335, оп. 5171, д. 30, л. 129.

возможность использования подбитой техники для создания монументов и памятников на кладбищах и братских могилах».

Этот «воскресник» определялся как великое патриотическое дело. Войска с пониманием, глубокой скорбью и гордостью за советского солдата провели эту гуманную акцию, положив начало высоким традициям. Сохранение мест захоронений героев Великой Отечественной войны — долг всех поколений людей, особенно молодежи.

Прошли десятилетия. По инициативе комсомола в 1965 году развернулось самое массовое патриотическое движение советской молодежи «Всесоюзный поход... по местам революционной, боевой и трудовой славы КПСС и советского народа». К 40-летию Победы в нем принимали участие более 60 млн. юношей и девушек, ветеранов войны, краеведов. В Прибалтике действуют сотни музеев, комнат и уголков боевой славы. Одним из первых развернул поисковую работу народный музей в городе Ауце на Курляндском полуострове. На полях Курляндии бережно сохраняются могилы героев, места наиболее ожесточенных боев, капитуляции и полной ликвидации войск противника отмечены памятными досками и обелисками.

Как участник событий, историк по профессии, убежден, что воинский героизм, проявленный в необычно сложных условиях боев на Курляндском полуострове, — заслуживает всестороннего изучения и показа средствами и научного, и художественного воплощения. Во время боев в Курляндии правительственными наградами за боевые подвиги отмечены более 200 000 воинов, а 148 из них стали Героями Советского Союза.

Изучение ситуаций, в которых совершались подвиги, открывает новые возможности для всестороннего показа советского человека, каким он тогда был, в годы величайших испытаний и невиданного в истории сплочения и героизма.

Думается, что наши «Записки...» о работе в штабах разных уровней могут привлечь внимание к мало известным особенностям ратного труда и отношениям в коллективах штабных работников. Нам противостояли штабы вражеской армии, укомплектованные, как правило, офицерами, хорошо подготовленными в профессиональном отношении и убежденными в превосходстве своей военной доктрины. Борьба с ними являлась сложной, требовавшей постоянного творческого поиска, хорошего знания их повадок и возможностей.

Высокая культура штабной работы связывалась нами

с деятельностью генералов: Курасова, Сандалова, Кудряшова и др. На завершающем этапе войны в штабе 2-го Прибалтийского фронта, в нашем отделе, офицеры гордились тем, что «служили у этих генералов». С чувством глубокого уважения и благодарности вспоминаем мы, в прошлом штабные офицеры, своих бывших начальников и наставников, представлявших нашу военную интеллигенцию на неоднократных встречах в Москве, других городах.

Время неумолимо, оно уносит из наших рядов ветеранов-однопольчан. Но, как советовал поэт В. А. Жуковский: «Не говори с тоской их нет. Но с благодарностью — были».

Мелкают годы, складываются и отодвигаются в Лету десятилетия, меняются времена и люди, история как бы растворяется в нас, живущих, в наших детях и внуках. Внести свой вклад в народную память, в героико-патриотическое воспитание молодых борцов за могущество и процветание нашей социалистической Отчизны — священный долг каждого ветерана Великой Отечественной...

«Жить и помнить» — стало заветом фронтовиков. Будем же верны этому завету до конца, чтобы с чистой совестью сказать земле родимой — не забудь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Часть первая. В начале войны	8
Боевое крещение	8
Формирование дивизии	26
В дни Торопецкой операции	35
Велижская эпопея	44
Часть вторая. В штабе 4-й Ударной	65
Первые впечатления армейского летописца	65
Коренные перемены	75
Невельско-Городокская операция и прорыв к Полоцку	89
Южнее Невеля	102
Операция «Багратион»	120
Часть третья. Освобождение Советской Прибалтики	134
От Даугавпилса до Курземе	134
Капитуляция Курляндской группы армий	152
День Победы	161
В ожидании демобилизации. Вместо заключения	183

Ионенко И. М.

И 79 Нам жить и помнить: Записки штабного офицера. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1988. — 190 с.

Автор, участник Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки ТАССР, профессор КГУ, рассказывает о фронтовых буднях, героизме солдат, офицеров и политработников 4-й Ударной армии 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов, в составе которой храбро сражались многие уроженцы Татарии — 18-й и 334-й Казанских дивизий.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Массово-политическое издание

Ионенко Иван Михайлович

НАМ ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

(Записки штабного офицера)

Редактор *И. Ф. Киндер*

Рецензент *З. И. Гильманов*

Художник *И. К. Стоев*

Художественный редактор *Г. Е. Трифонов*

Технический редактор *А. С. Газиззянова*

Корректоры *О. И. Донецкая, З. В. Хасанова*

ИБ № 5077

Сдано в набор 12.02.88. Подписано в печать 26.05.88. ПФ 09123
Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная, гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. -отт. 10,4.
Уч. -изд. л. 11,17. Тираж 18500 экз. Заказ Е-89. Цена 65 коп.

Татарское книжное издательство.

420084, Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. К. Якуба Государственного комитета
ТАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

420084, Казань, ул. Баумана, 19.

65 коп.

И. М. ГОДЕНКО